

ВОКРУГ СВЕТА

8 1964
АВГУСТ

1964

ВОКРУГ СВЕТА

№ 8

АВГУСТ

Журнал основан в 1861 году

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ

В ЭТОМ НОМЕРЕ:

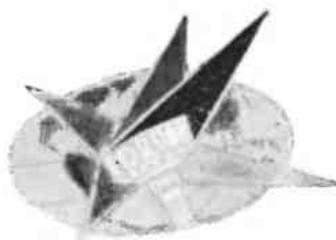

УЧЕНЫЕ МИРА ЗА РАВЕНСТВО, НАЦИОНАЛЬНУЮ НЕЗАВИСИМОСТЬ ВСЕХ НАРОДОВ ЗЕМЛИ.

Очерки, статьи, интервью, рассказы.

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН.

Румыния празднует двадцатилетие со дня освобождения от фашистского ига.

ВОРОТА ЗНАНИЙ У ИСТОКОВ ГОЛУБОГО НИЛА. МОЛОДЕЖЬ ЭФИОПИИ УЧИТСЯ В ТЕХНИЧЕСКОЙ ШКОЛЕ, ПОСТРОЕННОЙ СОВЕТСКИМ СОЮЗОМ.

Путевой очерк.

«ЛУННАЯ ПЫЛЬ».

Начинаем публикацию научно-фантастического романа известного английского ученого и писателя Артура Кларка.

Приключенческие повести «Выстрел в тайге» и «В пещере Гуачаро».

Новые рассказы молодых писателей — Ю. Куранова и А. Черешнева.

РЕПОРТАЖИ ИЗ АНГЛИИ, АРГЕНТИНЫ, ГВИНЕИ, ИРАНА, ИСПАНИИ, ПОЛЬШИ, США, ЧЕХОСЛОВАКИИ.

В

далекой Атлантике и на Тихом океане, в арктических морях и у берегов Антарктиды — где только не встретишь покорителей любой целины. На разных меридианах и широтах ведут лов отважные пахари морей — советские рыбаки. На ветрах задубели лица, на крепко-соленых волнах огрубели руки, только не зачествертели сердца у этих простых наших ребят.

«Нелегок труд рыбака. Суровы законы моря. Оно покоряется только мужественным, стойким и хорошо знающим свое дело людям...», — писал молодым рыбакам Дальнего Востока Никита Сергеевич Хрущев. — Рыбаки- дальневосточники не раз на деле доказали, что им не страшны морские штормы и непогоды, что они умеют круглый год хорошо работать на голубых морских просторах...

Наш народ по праву гордится молодым поколением рыбаков, которое в труде на благо советских людей видит смысл своей жизни.

Вот чем сильны наши рыбаки, труженики морей, высоко держащие флаг советского флота.

В очерке В. Андреева «Сообщаем наши координаты» (см. стр. 8) рассказывается о буднях рыбаков одного из судов дальневосточного бассейна.

Байкальские вечера.

На ночной лов.

Фото Н. МАТОРИНА
и Ж. ГРАУБИЦА

Фотовыставка «Семилетка в действии»

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

АРТУР КЛАРК

Рисунки А. ГУСЕВА и В. НЕМУХИНА

Научно-фантастический роман

Пату Харрису нравилась его должность: еще бы — капитан единственного судна на Луне! Глядя на пассажиров, которые, поднявшись на борт «Селены», спешили занять места у окон, он спрашивал себя, как пройдет сегодняшний рейс. В зеркальце заднего обзора он видел мисс Уилкинз. Очень эффектная в голубой форме сотрудница «Лунтуриста», она добросовестно исполнила этюд «добро пожаловать». На работе Пат Харрис всегда старался думать о ней, как о мисс Уилкинз, а не как о Сью: это помогало не отвлекаться от дела. Что она думает о нем, он пока еще не выяснил.

Ни одного знакомого лица, все новички, и все предвкушают свое первое плавание. Большинство, так сказать, типичные туристы — пожилые люди, привлеченные миром, который в дни их молодости был символом недоступности. Лишь четверо или пятеро моложе тридцати лет, скорее всего работники одной из лунных

баз, решили размяться в выходной. Пат уже приметил: почти, как правило, пожилые туристы — значит, с Земли, молодые — жители Луны. Так или иначе Море Жажды любого из них поразит... Вот оно, за иллюминатором, до самых звезд простерлась его мрачная, серая гладь. А в небе над морем висит Земля. Голубовато-зеленый убывающий серп заливал лунные пейзажи холодным светом. Да, здесь холодно... На поверхности моря, наверно, около ста шестидесяти градусов ниже нуля

Поглядеть на него — ни за что не скажешь, жидкое оно или твердое. Ровная, совершенно плоская гладь, свободная от трещин и расщелин, которые избороздили весь лик этого мертвого мира. Ни бугра, ни валуна, ни камешка; ничто не нарушило монотонного однообразия. На всей Земле не найти ни одного моря — да что там, пруда! — с такой спокойной поверхностью.

Море Жажды было заполнено не водой, а пылью. Вот почему оно казалось людям таким необычным. Мелкая, как тальк, сущее, чем прокаленные пески Сахары, лунная пыль вела себя в здешнем вакууме точно

самая текучая жидкость. Урони тяжелый предмет, он тотчас исчезнет — ни следа, ни всплеска... Передвигаться по этой коварной поверхности нельзя, разве что на двухместных, специально созданных для этого пылекатах. И, конечно, на «Селене» — удивительной помеси саней и автобуса, во многом похожей на вездеходы, которые десятки лет назад позволили освоить Антарктиду.

Техническое наименование «Селены» было П-1, то есть пылеход, первый образец (насколько было известно Пату, второго образца не существовало даже в проекте). Ее называли «кораблем», «судном», «луно-бусом», кому как нравилось. Пат предпочитал говорить «судно», это исключало путаницу. Так никто не примет его за капитана космического корабля — звание, которым давно уже никого не удивишь.

— Добро пожаловать на борт «Селены», — сказала мисс Уилкинз, когда все, наконец, расселились. — Капитан Харрис и я очень рады вам. Наше путешествие продлится четыре часа, первая достопримечательность — Кратерное Озеро, в ста километрах на восток отсюда, в Горах Недоступности.

Пат не слушал знакомые фразы, он готовил машину к пуску. «Селена», по сути дела, представляла собой наземную разновидность космического корабля; иначе и быть не могло, ведь она ходила в пустоте, и ее хрупкий груз нуждался в надежной защите. Хотя «Селена» никогда не взлетала с поверхности Луны и приводилась в движение электромоторами, все ее основное оборудование повторяло оснастку настоящей ракеты — и все полагалось проверять перед стартом.

Кислород — порядок. Двигатель — порядок. Радио — порядок. («Алло, «Радуга», здесь «Селена», проверка. Вы принимаете мой маяк?») И так далее, в общем больше полуторын узлов, каждый из которых при неисправности автоматически сам подал бы сигнал. Но Пат Харрис, подобно всем работникам космических служб, мечтавшим дождаться до глубокой старости, никогда не полагался на автоматическую сигнализацию, если можно было самому проверить.

Наконец он закончил контроль. Заработали почти бесшумные моторы, но гребные винты были еще в холостом положении, и сдерживаемая швартовами «Селена» только чуть подрагивала. Пат слегка повернул лопасти левого винта; судно стало медленно разворачиваться вправо. Отойдя от здания вокзала, он лег на заданный курс и дал полный ход.

Судно отлично слушалось, несмотря на принципиально новую конструкцию. Здесь нельзя было опереться на тысячелетний опыт, который человек начал копить еще в каменном веке, когда впервые спустил на воду бревно. «Селена» не знала никаких предшественников, она родилась в мозгу нескольких инженеров, которые, сев за чертежный стол, задались вопросом: «Каким должно быть транспортное средство, призванное скользить по поверхности пылевого моря?»

Кто-то, вспомнив старину, предложил установить колеса на корме; в конечном счете было отдано предпочтение более эффективным винтам. Казалось, «Селену» толкает вперед сказочно энергичный крот, но кильватерная струя почти сразу таяла, и на поверхности моря не оставалось никаких следов.

Приземистые герметические купола Порт-Рориса быстро уходили за горизонт. Меньше чем через десять минут они скрылись из виду, и «Селена» оказалась в одиночестве. Одна посреди... чего? Ни в одном из языков Земли еще не было настоящего названия для этого «чего-то»...

Пат выключил моторы, дал судну остановиться и по-

дождал, пока не воцарилась тишина. Он уже привык: пассажирам нужно какое-то время, чтобы осмыслить всю необычность того, что простерлось за иллюминаторами. Они пролетели сквозь космос, видя со всех сторон звезды, глядели вверх (или вниз?) на сияющий диск Земли, но это — это нечто особенное. Не суша и не море, не воздух и не космос — всего понемногу.

Прежде чем тишина стала гнетущей (перебарщающая все нельзя, кто-нибудь может испугаться), Пат поднялся на ноги и обратился к пассажирам.

— Добрый вечер, леди и джентльмены, — заговорил он. — Надеюсь, мисс Уилкинз позаботилась, чтобы всем было удобно. Мы остановились потому, что это место очень подходит для первого знакомства с Морем. Тут можно, так сказать, ощутить, чувствовать его.

Пат Харрис указал на иллюминаторы и призрачное серое поле за ними.

Артур Кларк, прогрессивный английский ученый, автор многих научно-фантастических рассказов и романов.

Интересы Кларка широки и разносторонни. Ему принадлежит ряд научных работ, в которых высказаны интересные прогнозы и гипотезы. Так, уже в годы второй мировой войны А. Кларк публикует статьи о возможности использования орбитальных спутников с 24-часовым обращением в качестве радио- и телевизионного передатчика. Это было первым в истории науки прогнозом об использовании искусственных спутников в целях связи.

В своих увлекательно написанных научно-популярных и научно-фантастических произведениях, переведенных на многие языки мира, Кларк знакомит читателя с новейшими и перспективными достижениями науки и техники. Как правило, его фантазия основана на серьезных научных фактах и прогнозах.

Одним из своих самых удачных произведений Артур Кларк считает роман «Лунная пыль». Эта книга Кларка, предлагаемая вниманию читателей журнала «Вокруг света», является научно-фантастическим повествованием о событиях, происходящих на Луне в XXI веке. Она не только занимательна по фабуле, но и обогащает читателя многими научными сведениями и пробуждает в нем стремление к более глубокому познанию природы.

В 1962 году международное жюри, в составе которого были профессор Монталенти (Италия), доктор Рандхава (Индия) и автор этих строк, присудило Артуру Кларку премию ЮНЕСКО за популяризацию научных знаний.

Академик И. И. АРТОБОЛЕВСКИЙ

— Как вы думаете, — тихо спросил он, — какое здесь расстояние до горизонта? Я могу задать вопрос иначе: каким показался бы вам человек, если бы он стоял вон там, где звезды как будто встречаются с лунной поверхностью?

Полагаясь только на зрение, невозможно было точно ответить на его вопрос. Логика подсказывала: «Луна очень мала, горизонт должен быть совсем близко». Но чувства спорили. «Этот мир, — говорили они, — совершенно плоский и простирается в бесконечность. Он рассек всю вселенную надвое, и нет ему ни конца, ни края...»

Иллюзия не пропадала даже, когда человек узнавал ее причину. Глаз не может судить о расстоянии, если он беспомощно скользит вдоль унылой поверхности пылевого океана. Здесь не было даже того, что всегда есть на Земле, — атмосферы, легкой дымки, которая помогла бы определить, что ближе, а что дальше. И звезды — крохотные точечки света — были одинаково яркими над головой и у горизонта.

— Хотите верьте, хотите нет, — продолжал Пат, — вы видите всего на три километра — или около двух миль, если кто-нибудь из вас еще не привык к метрическим мерам. Я знаю: кажется, что до горизонта несколько световых лет, но вы могли бы дойти туда за двадцать минут, если бы только по этой пыли вообще можно было ходить.

Он снова сел и пустил моторы.

— Теперь следующие шестьдесят километров ничего

особенного не увидишь, — сообщил он через плечо, — так что поедем быстро.

«Селена» рванулась вперед. Впервые пассажиры по-настоящему ощутили скорость. Вращающиеся лопасти яростно взбивали пыль, кильватерная струя становилась длиннее, длиннее, и вот уже за кормой с обеих сторон вытянулись огромные призрачные шлейфы. Издали «Селена» могла бы показаться снежным плугом, который вспарывал зимний ландшафт, озаренный холодным лунным сиянием. Но серые, медленно рассыпающиеся параболы были не снегом, а светило, озаряющее их траекторию, было планетой Земля.

Пассажиры отдыхали, наслаждаясь ровным, почти неслышным движением. Каждому из них доводилось мчаться в сотни раз быстрее, когда они летели на Луну. Но в космосе скорость не чувствуется, вот почему стремительное скольжение по пыли было несравненно более захватывающим. Пат заложил кругой вираж, «Селена» описала круг и едва не догнала невесомый шлейф, выброшенный к небу вращающимися лопастями. Казалось непостижимым, как эта пудра не разносится в стороны, взлетает и падает, сохранив четкую конфигурацию. На Земле, в плотной атмосфере, она висела бы в воздухе часами.

Как только судно легло на прямой курс и опять стало не на что глядеть, пассажиры погрузились в чтение предусмотрительно припасенной для них литературы. У каждого были фотопроспекты, карты, сувениры («Настоящим удостоверяется, что мистер... миссис... мисс... ходили по «морям» Луны на борту пылехода «Селена») и информационные брошюры, в которых они могли найти все, что им хотелось знать о Море Жажды.

Они прочли, что большая часть поверхности Луны покрыта тонким, всего в несколько миллиметров, слоем пыли, образованной небесным материалом — метеоритами, которые выпали на незащищенную Луну за последние пять миллиардов лет, — а также продуктами выветривания лунных гор, разрушаемых сжатием и расширением во время резкой смены дневной иочной температур. Независимо от ее происхождения пыль эта настолько мелка, что даже при здешнем незначительном тяготении струится, подобно влаге.

На протяжении тысячелетий она стекала с гор на равнины, собираясь в лужи и озера. Первые исследователи Луны предвидели это явление и были подготовлены. Но Море Жажды оказалось сюрпризом: никто не ожидал, что существует чаша пыли диаметром более ста километров.

В сравнении с лунными «морями» она была очень мала, и астрономы никогда официально не признавали ее названия, подчеркивая, что она лишь часть Синус Рорис — Залива Росы. Разве можно, протестовали они, называть морем часть залива?! И все-таки, несмотря на все их возражения, наименование, придуманное кем-то из рекламного отдела «Лунтуриста», привилось. Кстати, оно было ничуть не хуже названий других «морей» — Моря Облаков, Моря Дождей, Моря Спокойствия. Не говоря уже о Море Нектара.

Брошюра содержала также сведения успокоительного рода, призванные развеять страхи опасливых путешественников. «Сделано все, чтобы обеспечить вашу безопасность, — говорилось в тексте. — Запаса кислорода на «Селене» хватит больше чем на неделю, все важные системы дублированы. Автоматический радиомаяк регулярно сообщает на Базу, где вы находитесь, и если даже — вопреки всякой вероятности — откажет силовая установка, вас быстро доставят обратно пылекат из Порт-Рориса. А главное, вам не надо опасаться непогоды. Каким бы скверным моряком вы ни были, на Луне вам морская болезнь не грозит. Море Жажды не знает штормов, оно всегда одинаково гладко».

Тот, кто написал эти слова, ничуть не покривил душой. Разве мог кто-либо подозревать, что они вскоре будут опровергнуты?

Пока «Селена» бесшумно скользила в ночи, жизнь Луны шла своим чередом. Оживленная деятельность сменила миллионы лет спячки, и за последние пятьдесят лет на Луне произошло больше событий, чем за

предшествующие пять миллиардов. А что будет завтра?..

В первом парке первого города, который человек построил вне своего родного мира, ходил по дорожкам главный администратор Ульсен. Как и все двадцать пять тысяч обитателей Клавийграда, он очень гордился этим парком. Маленький — это правда, но уж не такой, каким его изобразил этот болтун из телевидения, когда назвал парк «оконным ящиком, страдающим машины величия». И, во всяком случае, на Земле нет ни парка, ни сада, ни города, где бы вы увидели подсолнухи десятиметрового роста!

Высоко над головой парили легкие облачка-барашки. Разумеется, всего лишь изображение, проектируемое изнутри на свод купола, но до того похожее на правду, что иногда главного администратора одолевала тоска по дому. По дому? Он поправил себя: его дом здесь.

И все же в глубине души Ульсен знал, что это не так. Может быть, для его детей будет иначе; они уроженцы Луны, появились на свет в Клавийграде. Он родился в Стокгольме, на Земле и связан с ней узами, которые с годами могут ослабнуть, но никогда не покрываются совершенно.

Менее чем в километре от него, по соседству с главным куполом, начальник Управления Лунного Туризма Девис подвел итог последним денежным поступлениям и позволил себе ощутить легкое удовлетворение. Новый сезон принес рост доходов. Разумеется, на Луне нет времен года, но отмечено, что число туристов возрастает, когда в северном полушарии Земли воцаряется зима.

Как закрепить успех? Вечная проблема... Нельзя все время показывать одно и то же, туристам подавай разнообразие. Необычный ландшафт, слабое тяготение, вид на Землю, загадки Фарсайда, великолепное звездное небо, первые поселения (где, впрочем, далеко не всегда рады туристам) — что еще может предложить Луна? Как жаль, что нет селенитов со странными обычаями и еще более странной внешностью, которых гости могли бы фотографировать. Увы, самого крупного представителя органического мира, когда-либо обнаруженного на Луне, можно увидеть только в микроскоп, да и то его предки попали сюда с «Лунником-II», всего десятью годами раньше человека.

Начальник «Лунтуриста» мысленно перелистал последние письма, полученные по телефону; может быть, из них можно что-нибудь перчерпнуть? Итак, очередной запрос какой-то телевизионной компании — очень хотят снять новый документальный фильм о Луне при условии, что «Лунтурист» возьмет на себя все расходы. Ответ будет отрицательным: если принимать все любезные предложения такого рода, его управление быстро прогорит.

Дальше — многословное послание коллеги из туристской компании «Большого Нью-Орлеана». Предлагает обмен сотрудниками. Неизвестно, будет ли от этого толк Луне или Нью-Орлеану, но хоть расходов никаких и полезно для сотрудничества. А вот следующее письмо действительно интересно: запрос чемпиона Австралии по водным лыжам, который хочет знать, пробовал ли кто-нибудь кататься по Морю Жажды.

А что — это идея! Определенно стоит сделать попытку. Девис старался придумать новые формы отдыха на Луне, и маршрут по Морю Жажды был предметом его особенной гордости.

Он не мог знать, что через несколько часов этот маршрут станет для него источником самых тяжелых переживаний.

II

Линия горизонта, к которому стремилась «Селена», изменилась. Там, где была безупречно ровная дуга, появилась зубчатая цепь гор, и казалось, они медленно поднимаются к небу.

— Горы Недоступности, — объявила мисс Уилкинз. — Названы так потому, что окружены со всех сторон Морем. И к тому же они намного круче большинства лунных гор.

Она не стала развивать эту тему; дело в том, что большинство лунных пиков разочаровывают, когда ви-

дышь их вблизи. Огромные кратеры, такие внушительные на фотографиях, снятых с Земли, оказываются пологими увалами. Вечерние и утренние тени сильно искажают действительный рельеф. На всей Луне нет ни одного кратера, склоны которого могли бы крутизной сравняться с улицами Сан-Франциско или представить собой серьезное препятствие для настоящего велосипедиста.

— Горы эти еще по-настоящему не исследованы, — продолжала мисс Уилкинз. — В прошлом году мы забросили туда отряд геологов. Высадили их как раз на том мысу, но они смогли пройти всего несколько километров. Возможно, в Горах Недоступности что-нибудь

таится... Но пока нам об этом ничего не известно.

«Молодец, — подумал Пат. — Хороший гид знает, что объяснять подробно, а где оставить простор для воображения...» Сью говорила спокойно, непринужденно, никакого намека на унылый речитатив, профессиональный порок большинства гидов. И она хорошо знала свой предмет, могла ответить почти на любой вопрос. Словом, незаурядная молодая особа. И хотя мисс Уилкинз очень нравилась Пату, в глубине души он чуточку побаивался ее.

Приближающиеся горы прочно приковали к себе взгляды восхищенных пассажиров. Таинственный уголок таинственной Луны... Посреди необычного моря взыпался остров, заманчивый орешек для следующего поколения исследователей. Вопреки названию добраться до Гор Недоступности теперь было просто. Но пока не изучены миллионы квадратных километров местности, которую нужно освоить в первую очередь, им придется подождать.

Еще немного, и «Селена» войдет в тень... Прежде чем пассажиры успели понять, что происходит, Земля скрылась за горами. Ее свет серебрил высокие вершины, но внизу царила тьма.

— Сейчас я выключу внутреннее освещение, — сказала стюардесса, — чтобы вам было лучше видно.

И едва погасло тусклое красноватое сияние, каждый почувствовал себя так, словно он один в лунной ночи. Даже свет на вершинах пропал, когда пылеход углубился в тень. Осталась только звезды — холодные немеркнувшие огоньки, окруженные тьмой настолько черной и жуткой, что сознание не хотело ее принимать.

Среди россыпи звезд трудно было отличить знакомые созвездия. Глаз путался в узорах, которых нельзя увидеть с Земли, терялся в сверкающем хаосе скоплений и туманностей. В этой блестательной панораме был только один безошибочный ориентир — яркий маяк Венеры, которая затмевала все остальные небесные тела, возвешая близость рассвета.

Прошло несколько минут, и путешественники заметили, что не только вверх есть на что подняться. За стремительно движущимся пылеходом тянулась длинная фосфоресцирующая кильватерная струя, будто волшебный палец начертил светящуюся полосу на мрачном и пыльном лице Луны. «Селена» отрастила себе кометный хвост, совсем как ночной корабль в тропическом океане на Земле.

Но здесь не было никаких микроорганизмов, и не они озаряли безжизненное море своими крохотными светильниками, а разряжающиеся пылинки, в которых стремительная «Селена» вызывала статический заряд. Очень просто и удивительно красиво: в ночном мраке

за кормой корабля непрерывно разматывалась электрическая лента, точно сам Млечный Путь лег на лунную поверхность.

Внезапно огненная струя растворилась в мощном потоке света: Пат включил прожектор. За иллюминаторами, совсем близко, скользила назад каменная стена: здесь склон горы вздымался почти отвесно из пылевого моря на высоту, которой даже нельзя было себе представить, видя только летящий овал, выхваченный прожектором из черного небытия.

Гималаи, Скалистые горы и Альпы были новорожденными младенцами в сравнении с этими горами. На Земле эрозия точит хребты с первого дня их возникновения, несколько миллионов лет — и от первоначальной машины одна тень остается. Луна не ведает ни дождей, ни ветров, ничто не разрушает скалы, если не считать ночного холода, который заставляет даже каменную поверхность сжиматься и отслаивать мельчайшие пылинки. Лунные горы такие же древние, как породивший их мир...

Пат втайне гордился своим умением «показать» Луну. Следующий номер он готовил особенно тщательно.

Прожектор погас, и пассажиры вдруг увидели, что под покровом мрака с другой стороны тоже вплотную подступили горы. Почти в полной тьме «Селена» мчалась вверх по узкому каньону, мчалась не прямо, а непрерывно лавируя между незримыми преградами. Честно говоря, некоторые из них вообще не существовали; днем, на минимальной скорости Пат запрограммировал маршрут так, чтобы ночью дух захватывало. Крики испуга и восторга за его спиной подтверждали, что аттракцион удался. Узенькая полоска звезд далеко вверху — вот и все, что теперь было видно, а она извивалась сумасшедшими петлями, повторяя замысловатый бег пылехода.

«Ночная аллея», как про себя называл Пат эту часть маршрута, длилась всего около пяти минут, но эти минуты казались часами. И когда капитан снова включил прожекторы и «Селена» очутилась в центре огромного светового круга, у пассажиров вырвался вздох облегчения, смешанного с разочарованием. Да, не скоро они забудут «Ночную аллею»!..

В свете прожекторов стало видно, что стены постепенно раздвигаются, и вот уже каньон сменился овальным амфитеатром шириной около трех километров — сердце потухшего вулкана, которое разорвалось в незапамятные времена, когда даже древняя Луна была молодой.

Кратер был очень мал по лунным меркам, но весьма примечателен. Вздесущая пыль, тысячелетиями поднимаясь вверх, по трещине, заполнила и его, и туристы с Земли могли удобно путешествовать в кotle, где некогда бушевало адское пламя. Это пламя угасло задолго до зарождения земной жизни и никогда не вспыхнет вновь, но были на Луне другие силы — они не умерли и только выжидали своего часа...

Когда «Селена» медленно пошла по кругу вдоль скал, не один пассажир невольно вспомнил катание на горных озерах на Земле. Та же чуткая тишина, то же ощущение бездонной глубины внизу.

Пат не торопился, сделал два полных круга. Сейчас только и полюбоваться озером. Днем, в яростных лучах ослепительного солнца, оно сильно проигрывало: теперь же озероказалось порождением лихорадочной фантазии Эдгара Аллана По. Сразу за пределами световой полосы непривычному глазу чудились странные движущиеся фигуры. Разумеется, чистое воображение: что может двигаться в этом краю, кроме теней, рожденных Солнцем и Землей? Откуда быть привидениям в мире, который никогда не знал жизни...

Но пора поворачивать обратно, выходить через каньон в открытое Море. Пат нацелил тупой нос «Селены» на узкие ворота в горах, и снова их обступили высокие кручи. Теперь капитан не выключал прожекторов, пусть пассажиры видят путь; тем более второй

раз аттракцион не произведет столь сильного впечатления.

Далеко впереди родился свет, который медленно наступал на скалы и утесы. Даже в последней четверти Земля была ярче десяти полных лун, и как только пылеход вынырнул из тени гор, она вновь заняла престол царицы небес. Двадцать два пассажира «Селены» восхищенно смотрели на неизъяснимо красивый голубовато-зеленый полукруг. Удивительно, родные поля, озера, леса излучают такое волшебное сияние! Пожалуй, в этом заключен мудрый урок: чтобы оценить свой собственный мир, нужно взглянуть на него из космоса...

А сколько глаз устремлено сейчас с Земли на прибывающую Луну, вечную спутницу, которая приобрела теперь особое значение для человечества? Не исключено (хотя и мало вероятно), что кто-то в этот самый миг всматривается через мощный телескоп в крохотную искорку скользящей в лунной ночи «Селены». Но когда искорка погаснет, ее исчезновение ничего не скажет земному наблюдателю.

Миллионы лет в глубинах у подножия гор, словно исполинский нарыв, рос этот пузьрь. На протяжении всей истории человечества из живых еще лунных недр сочился по трещинам газ, копясь в пустотах, в сотнях метров от поверхности. Пока на Земле один за другим сменялись ледниковые периоды, пустоты разрастались вширь, ввысь, сливались между собой. И настала пора нарыву прорваться.

Капитан Харрис, передав управление автопилоту, разговаривал с пассажирами, когда судно тряхнуло первый толчок. «Должно быть, винт что-то задел», — успел он подумать. В следующий миг у него почва ушла из-под ног в самом прямом смысле слова.

Она уходила медленно — на Луне все падает медленно. Впереди «Селены» на площади в много акров над гладкой равниной вздулся бугор, и Море ожило, заколыхалось под действием сил, которые пробудили его от тысячелетнего сна. В центре бугра открылась воронка — словно в пылевой толще возник гигантский водоворот. И каждая деталь этого кошмара была отчетливо видна в свете Земли, пока кратер не углубился настолько, что его противоположная стена окуталась тенью. «Селена» мчалась прямо на черный полумесец, который казался символом небытия.

Казался... Когда Пат схватился за рычаги, судно уже катилось, скользило вниз, вниз, все дальше вниз по коварному откосу. Собственная инерция и ускоряющийся поток пыли увлекали его в пучину. Оставалось только всеми силами удерживать «Селену» на ровном киле и надеяться, что скорость позволит им выскочить вверх по противоположному склону, прежде чем они провалятся на дно кратера.

Возможно, пассажиры кричали — Пат ничего не слышал. Он думал только об ужасном, отвратительном скольжении и о том, как не дать судну опрокинуться. И еще Пат Харрис, лихорадочно маневрируя, форсиряя то один, то другой двигатель, чувствовал, как в глубинах сознания шевелится воспоминание... Где-то, когда-то он уже видел точно такую картину.

Конечно, вздор. Но почему он никак не может отдельиться от этой мысли?.. И лишь когда Пат со дна воронки увидел, как сверху, из-под звезд, через края кратера бесконечным потоком, лавиной вниз сыпется пыль, в мозгу его словно открылась завеса.

...Летний день, маленький мальчик играет в горячем песке. Увидел ровную ямочку с гладкими стенками, в глубине ее что-то шевелилось, зарывшись в песок так, что только кleşни торчали. Что это такое? Мальчик смотрел и ждал, словно угадывая, что скоро на этой крохотной сцене разыграется драма. Откуда ни возьмись муравей, поглощенный своими муравьиными делами. Подбежал к краю ямки... поскольку знался — и поехал по стенке вниз!..

Конечно, муравей легко одолел бы подъем, но едва первые песчинки скатились на дно ямки, злобное чудовище — муравьиный лев — вышло из засады. Передними лапками оно обрушило фонтан песка на жертву, и муравей вместе с песчаной лавиной съехал в кратер.

В точности как сейчас «Селена»... Конечно, не муравьиный лев вырыл яму на поверхности Луны, но Пат чувствовал себя таким же беспомощным, как обреченное насекомое. Подобно муравью, он карабкался вверх, вверх к спасительному краю, борясь с потоком пыли, который хотел увлечь его в объятия смерти. Быстрая смерть для муравья — долгая и мучительная для него и его спутников.

Напрягая всю мощь, моторы толкали судно вперед. Слишком медленно. Пылевая лавина неотвратимо набирала скорость, но что хуже всего — пыль поднималась вверх вдоль бортов «Селены». Достигла иллюминаторов... выше... выше... совсем закрыла! В тот самый миг, когда Пат выключил моторы, чтобы не сгорели от неизвестного напряжения, пыль поглотила последний свет Земли. Они погружались в недра Луны, окруженные мраком и безмолвием.

III

Са радиопульте диспетчерской Эртсайд-Север вспомнилась одна из секций электронной памяти. Двадцать часов одна секунда гринвичского времени: серия импульсов, которая должна автоматически поступать на пульт каждый час, не пришла.

С быстротой, недоступной человеческому разуму, горсточка ячеек и микроскопических реле «перелисталась» свои инструкции. «Ждать пять секунд, — гласил кодированный приказ. — Если ничего не изменится, включить цепь 10011001.»

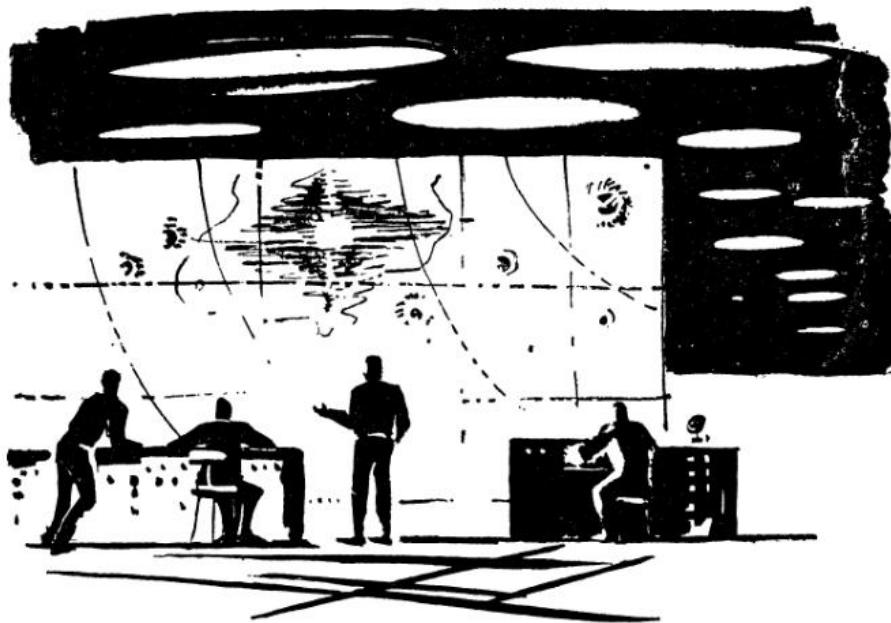
Высоко над поверхностью Луны, с антенны, которая была нацелена на земной диск, улетел в космос радиоимпульс. За одну шестую секунды он прошел пятьдесят тысяч километров до спутника связи «Лагранж II», подвешенного между Луной и Землей. Еще через одну шестую секунды многократно усиленный импульс вернулся, обдав потоком электронов северное полушарие Эртсайда (так на Луне называли видимую с Земли сторону, обратная называлась Фарсайд).

Если перевести на человеческую речь, он нес очень простое сообщение: «Алло, «Селена», я не принимаю вашего маяка. Прошу тотчас ответить».

Диспетчер подождал еще пять секунд, потом опять послал импульс. И еще раз. В электронном мире проходили геологические эпохи, но терпение машины было беспрецедентно.

Диспетчер вновь обратился к инструкциям. Последовал новый приказ: «Включить цепь 10101010». Машина подчинилась, и одна из зеленых лампочек в диспетчерской внезапно сменилась красной, одновременно зуммер принял распиливать воздух сигналом тревоги. Только теперь и люди тоже узнали, что где-то на Луне случилась беда.

Поначалу новость распространялась медленно: главный администратор неодобрительно относился к беспричинной панике. Еще меньше ее одобрял начальник «Лунтуриста»: аварии и тревоги только все дело портят, даже если — как это бывало в девяти случаях из десяти — оказывалось, что повинны перегоревшие предохранители, неисправные выключатели или чрезмерно чувствительные сигнализаторы. На Луне полагалось ежеминутно быть начеку. Лучше отозваться на воображаемую опасность, чем прозевать действительную

Прошла не одна минута, прежде чем Девис неохотно признал, что на этот раз, видимо, речь идет о действительно критическом случае. Был и раньше случай, когда автоматический маяк «Селена» не сработал, но Пат Харрис ответил, как только его вызвали на волне пылехода. Теперь же судно молчит. «Селена» не отозвалась даже на аварийной волне, которой пользовались только при крайней надобности. Весть об этом заставила начальника «Лунтуриста» поспешно покинуть воздвигнутую специально для его управления башню и по крытому ходу пройти в Клавийград.

У входа в диспетчерскую он встретил главного инженера Эртсайда. Скверный признак: значит, кто-то предполагает, что понадобится спасательная операция. Они озабоченно поглядели друг на друга.

— Надеюсь, не вам нужна моя помощь? — сказал главный инженер Лоуренс. — Что произошло? Я знаю только, что послан вызов на аварийной волне. Какой корабль?

— Не корабль... «Селена» не отвечает, она в Море Жажды.

— В Море Жажды?! Если с ней там что-нибудь случилось, мы можем добраться туда только на пылекатах. Сколько раз я говорил: прежде чем возить туристов, нужно ввести в строй второй пылеход.

— Я говорил то же самое, но Финансовое управление наложило вето. Дескать, второго не будет, пока «Селена» не докажет, что способна дать прибыль.

— Как бы она вместо этого не дала материала газетам, — мрачно отозвался Лоуренс.

Девис знал, отлично знал; они уже давно грызлись по этому поводу. Но впервые ему пришло в голову, что главный инженер, возможно, не так уж и не прав.

В диспетчерской, как всегда, было очень тихо. На больших стенных картах мелькали зеленые и желтые огоньки, обыденные и малопримечательные по сравнению с единственным во всем помещении тревожным красным сигналом. За пультами «Воздух», «Энергетика», «Радиация», подобно ангелам-хранителям, сидели дежурные инженеры, ответственные за безопасность на одной четверти лунной поверхности.

— Ничего нового, — доложил дежурный по НТ (на земному транспорту). — Мы все еще в полном неведении. Знаем только, что они где-то на Море — Он нарисовал круг на крупномасштабной карте. — Если не сбились безнадежно с курса, должны быть где-то в этом районе. В момент контроля в 19.00 судно было на своем маршруте, отклонение не больше километра. В 20.00 сигнал не поступил; значит, авария произошла в течение этих шестидесяти минут.

— Сколько может «Селена» пройти за час? — спросил кто-то.

(Окончание на стр. 55)

ВАЛЕРИЙ АНДРЕЕВ,
наш спец. корр.

Полночь. Пополнив запасы воды и топлива, мы уходим в район лова. Огромным светящимся айсбергом долго маячит за кормой «Пищевая индустрия» — наша плавбаза.

капитанский час. Слушаю обстановку. Вызываю «Оплот»!

— Я «Оплот», — доносится из радио. — Докладываю обстановку. Координаты... Море спокойное. Нахожусь у борта «Ларги». Беру горючее. Дважды забрасывал сеть по наводке самолета. Оба «пустыри»...

Витька, Славик, Коляня, я — все мы придвигаемся к динамику.

вот опрокинется. В шлюпке — Витя Мягков. Ему все ни почем — он улыбается. Его спокойствие передается и нам. Рассудительность тоже.

По-прежнему тепло, чуточку посерело небо. Время около четырех. Мы в районе лова.

Витька раскачивается в шлюпке и распевает. На нем красная взазанная шапочка и оранжевый спасательный жилет. Витька очень гордится своим оранжевым жилетом. Внезапно песня обрывается.

— Смотри! — кричит Витька и машет нам рукой.

Мы смотрим. Зеленоватое светящееся пятно, то тускнея, то разгораясь, маячит прямо у нас по курсу.

— Косяк!

Мы отворачиваем чуть влево.

— ...тосься! — заглушая ветер, несется откуда-то сверху. Это наш капитан. У него охрипший голос.

— Есть! — по-военному отвечает Макс и берет в руки увесистый молоток. Макс — плавмастер. наш рыбный «бог». Кстати, очень мягкий человек. Но в одном он категоричен — и тут уж не спорь, — его профессия самая что ни на есть важная, и точка.

— Есть! — кричит Витька и прикладывает руку к воображаемому козырьку. Как космонавт перед стартом. Это, конечно, своего рода шик. Мы не космонавты. Мы рыбаки. Искатели сельди, как научно выразился наш Славик.

При замете место Славика рядом с монм — слева. Наша обязанность поймать с Витькой шлюпки «выброску», подтянуть и закрепить конец невода и поднять на борт «низа». Работы в общем-

СООБЩАЕМ

Море спокойно. В темноте оно кажется вязким. Вода мягко липнет к бортам нашего сейнера и глушит перестук двигателей. Идем самым полным, а кажется, что топчемся на месте — ощущение скорости и простора исчезло, темнота размыла перспективу. Лишь яркие

положение незавидное. Наводящие докладывают, что косяки сплошь разрозненные...

— Товарищи, — медленно, с расстановкой говорит начальник экспедиции. — Сегодня каждый обязан взять рыбу. Брать даже небольшие количества — пятьдесят, тридцать, двадцать центнеров.

Мы долго не расходимся, молчим. А в ушах у меня продолжает звучать тревожное предупреждение — помните... помните...

Ночь опрокидывается на нас мерным гудом машин, легким покачиванием и тревожным ожиданием.

Но всем тревогам назло приходит сон, чуткий, но добрый. Мне снится, что палуба наша завалена рыбой. Ее уже некуда девать. А мы, все в чешуе как русалки, все черпаем и черпаем ее из невода. Над нами море электрического света. Мы включили всю иллюминацию. Пусть знают все —

наши

звезды, словно специально для нас зажженные ориентиры, прочертят в небе нужное направление.

Вахтенный сосредоточенно морщит лоб, лихорадочно вращает штурвал, но картишка предательски убегает то влево, то вправо. Вахтенный Ваня Поддубный — новичок.

КООРДИНАТЫ

— Надо понять, что вращается не картишка, а мы, корабль, по отношению к ней, — терпеливо объясняет старпом Поддубному. — Управлять кораблем — не барабанку крутить. Это понимать надо.

Новичок готов выслушать наставления старшего помощника, но оживает эфир.

— Доброй ночи, все товарищи присутствующие, — говорит начальник экспедиции. — Начинаем

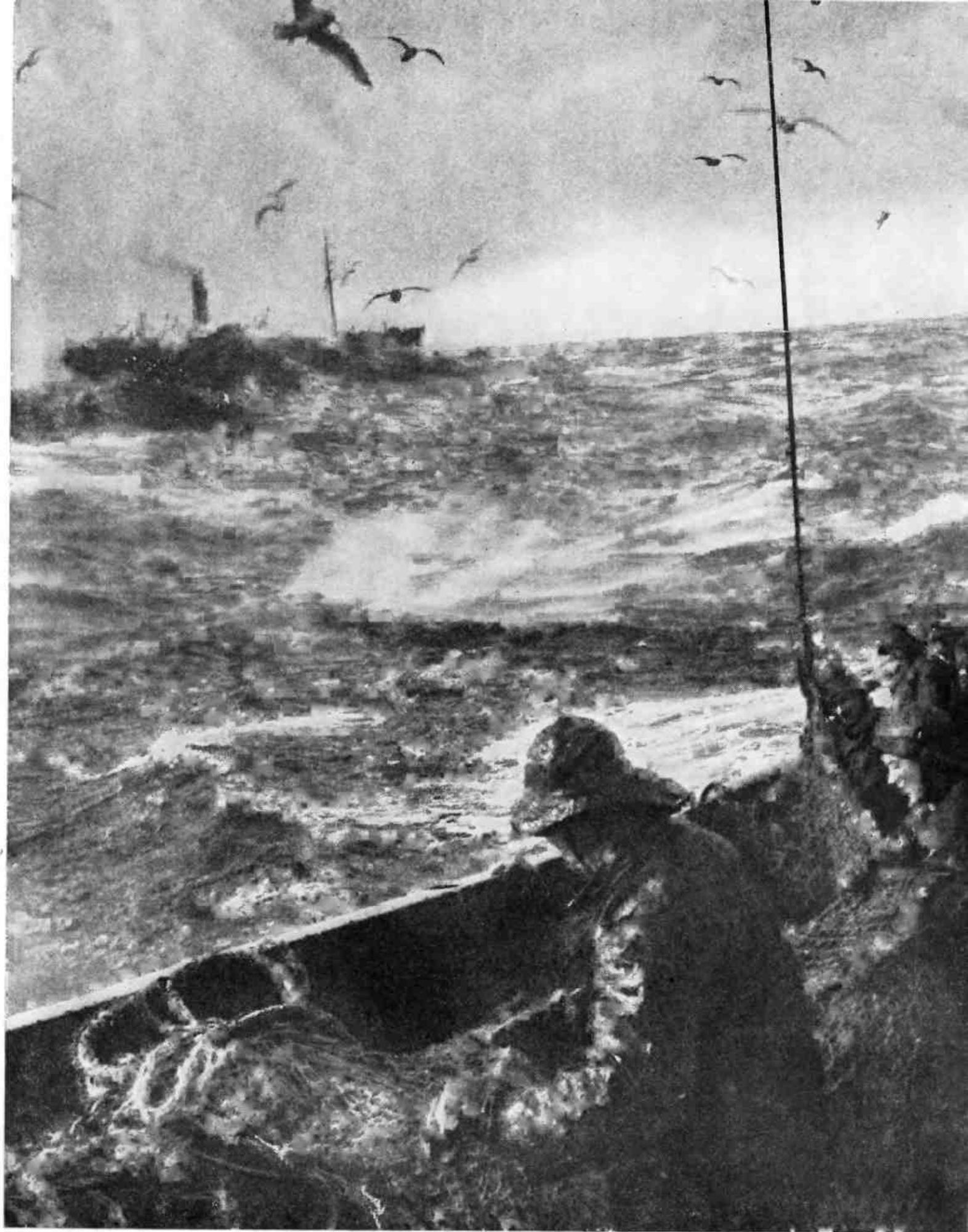
у нас много-много рыбы. И мы зовем к себе шхуны, кричим им по радио...

Глухое дребезжание толкает меня в спину. Аврал срывает нас с теплых постелей и кидает на палубу. Сырой воздух перехватывает дыхание. Смотрю направо — слабо освещенная палуба, высоко вздернутый над кормой нос шлюпки. Она свесилась над светящимся зеленым буруном и, кажется, вот-

то хватает. Но дело это привычное и потому кажется легким. Надо только хорошо подготовиться к замету. Вот и сейчас Славик уже колдует у себя на баке: он неторопливо идет к брашилю.

Рыболовецкие траулеры в Баренцевом море.

Фото Е. ХАЛДЕЯ

неторопливо берет багор... Все это можно сделать позже, после следующей команды, но Славик уважает порядок и категорически против спешки.

— Отдать шлюпку! — гремит с рубки голос капитана, и все остальное сворачивается молниеносно.

Макс коротко бьет молотком по скобе.

«Тиу!» — взвизгивает освобожденный трос, и шлюпка вместе с Витькой на полном ходу срывается за борт. Через мгновение, выронившись, она уже маячит далеко позади.

— Как там каждый раз Витьке удается держать равновесие — немыслимо, — удивляюсь я.

— Ничего особенного, — говорит Славик. — Просто у человека в порядке вестибулярный аппарат.

Мы резко меняем направление. Слышишь, как, дробно перестукивая пробкой, раскручивается за борт невод. Описываем большой полуокруг. Косяк метнулся влево. Светящееся пятно вдруг заплясало, разлилось, словно жидкость из опрокинутой бутылки. Неужели уйдет?

— Пора! — Я задраиваю все двери, убираю с палубы все лишнее: концы, ящики...

Начинаем выборку. Я, Кан и Коляня укладываем дель, Славик стоит на «низах», Макс и Витька — «на пробке». Дед ворочает лебедкой. Ваня Поддубный и Толик Бабич — на правах новичков в резерве, до особого распоряжения. Первый раз пусть учатся теоретически — так сказал Макс.

— Начали!

* * *

Как начали, так и кончили. «Пустырь»! Самый что ни есть классический, ни одной рыбешки!

— Я так и знал, — говорит моторист, выглядывая из машины, — когда мы пошли вправо, надо было идти влево. Рыбу надо уметь ловить.

Макс молчит. Он глубоко оскорблён. Все мы видим это.

— А ты иди к машине и помалкивай! Понял? — говорит Дед мотористу.

— Понял, — отвечает тот и моментально исчезает.

Дед — старший механик. Моторист его здорово уважает. Особенно когда у Деда плохое настроение.

Мы заводим концы, прибраем палубу.

Светает. Слева к нам подваливает «Нерпа» — шхуна-приемщик.

— Ну как, мальчики, рыба есть? — спрашивают.

— Пустырь, — отвечаем.

— Что-что?

— Как будто не слышат, — бурчит Витька.

РЫБАКИ ГАЛИСИИ

— Картошки нам подкинете? — спрашивает старпом у «Нерпы».

На шхуне молчат.

— На «Нерпе» отвечайте!

— Соломой вас надо кормить, мальчики! — кричат нам.

— Ах ты, Нерпа необразованная! — не выдерживает Витька.

— Брось, Витец, — говорит Славик. — Они правы. Пышек мы сегодня не заслужили.

Заря багряно венчает дальние сопки.

Суда сдаются рыбой. Сегодня ночью каждый что-то взял. «Оренбург», «Омар» принимают первые поздравления начальника экспедиции. В районе лова оживленно. Судьба экспедиции решена, но увы... без нашей помощи. Мы молча проходим мимо знакомых посудин. Подальше от глаз.

Через полчаса должна прилететь «Рыба» — самолет промысловой разведки. «Рыбу» мы очень ждем. Ей оттуда сверху видны все косяки, и она здорово нам помогает.

«Рыба» появляется над нами ровно в назначенное время. Кружит. Здоровается. Мы разворачиваемся в боевой порядок. Судов пятнадцать. Начинается погоня: «Рыба» — за селедкой, мы — за «Рыбой». Теперь главное — не отстать от других. Механики выжимают из двигателей все. Белые буруны чертят море. Ветер терзает наши звойдвестки.

— Суда! Суда промысловые, — обращается «Рыба». — Вижу скоп-

ление сельди. Приготовиться Семнадцатому, Сорок первому и Восемьдесят пятому.

Нас захватывает азарт погони. Мы в атаке. Дрожит под ногами палуба. Эта дрожь передается и нам. Сейнер и мы сейчас единое целое. У Коляни от возбуждения горят глаза.

— Витя, ты видел атаку торпедных катеров?

— А как же, конечно, видел.

— Расскажи, — просит Коляня.

— В кино...

— Что в кино? — переспрашивает Коляня.

— В кино, говорю, видел, — смеется Витька.

— К тебе серьезно, а ты...

— Восемьдесят пятый, право на борт! — командаёт нам «Рыба».

— Есть право на борт!

И опять неудача, косяки ушли на глубину.

* * *

Третий день штурмит. Море затянуто жиденьким туманом. Нашего нока Тао укачало, и жизнь моя теперь проходит на камбузе — я кормлю команду.

«Рыба» не прилетает. Записи в нашем журнале лаконичны и одинаковы из дня в день: «С такого-то часа по такой переменными курсами за наводящим СРТ «Утес» в поисках...» Наш эхолот работает с огромной нагрузкой, за борт выброшены километры использованной ленты, а рыбы все нет и нет.

Gеверо-запад Испании. Влажная, туманная Галисия. Неправильный пятиугольник, который очерчивает границы Галисии, с трех сторон открыт морю. Берега Гасиины изрезаны множеством мелких заливов — риасов.

Здесь проходит теплое течение Гольфстрим, а многочисленные реки выносят в океан массу органических веществ. Океан в этом районе очень богат рыбой; у северных берегов Галисии встречаются треска, мерланы, макрель; у западных берегов — сардины, скаты.

Не так давно, в XVII—XVIII веках, у атлантических берегов Галисии водились киты. Сейчас лишь иногда — раз в пять лет — киты появляются в ста милях от берега.

На отмелях мелких рек Виго, Вильягарсия, Марин, впадающих в океан, раскинулись громадные устричные поля; устриц вывозят в центральные районы Испании и за границу. С одной только банки Сан-Симон на реке Виго собирают около 5 миллионов устриц в год.

Галисийцы — потомки кельтских племен, некогда населявших север Пиренейского полуострова, — исконные рыбаки. Это те же крестьяне, которые сочетают морской промысел с занятием сельским хозяйством. На своих карликовых участках они выращивают майс и картофель.

Каждый день выходят в океан молодые галисийские рыбаки на своих парусных и весельных суденышках. Традиционные способы рыбной ловли в Галисии очень разнообразны.

Самый простой из них «кордель» — «веревка». Этим способом ловят бедные рыбаки-одиночки. С маленькой лодки закидывают крючок с приманкой из сардин или

ракчи и ждут, пока «клюнет» рыбина. Обычно таким способом ловят макрель в октябре или январе. Бывают случаи, когда большая рыба опрокидывает лодку и топит рыбака. В летние безлунные ночи океан вдруг начинает светиться голубыми и оранжевыми сполохами от множества фосфоресцирующих раков и планктона. «Вода горит», — говорят рыбаки и вынимают сети: рыба видит в светящейся воде сеть и уходит от нее. Но зато рыба, пойманная ночью, ценится перекупщиками дороже всего.

Способ «каррастре» стал применяться в Галисии раньше, чем в какой-либо другой части испанского побережья. Отсюда он распространялся по всей стране. Для ловли рыбы с кормы судна спускают большую сеть — мешок. Затем судно набирает ход и тащит за собой сеть, загребая всю попадающую рыбу.

В Бискайском заливе в любое время года часты неожиданные бури и густые туманы. Особенно страшна зимняя и ночная ловля, когда внезапно налетает штурм. Молодые рыбаки объединяются в артели, товарищеская взаимопомощь помогает им преодолевать опасности рыбной ловли, помогает выстоять в трудной борьбе с крупными капиталистическими предприятиями, имеющими современные рыболовные суда.

Н. САДОМСКАЯ

Качка свалила и Ваню Поддубного. Мы ухаживаем за ним, как за ребенком: «Ваня, чайку подать?»

А Ваня молчит. Хмурый такой. О чём-то думает.

Володя Кан тоже умаялся. Вылез из машины и говорит: «Моя маленько помирал есть...» Шутит, конечно. Кан — моряк опытный, несколько раз в Бристоль ходил.

Вчера подвалила «Нерпа» и отгрузила нам Лешку и мешок муки. Лешка — это наш матрос. Он временно лечился на «Нерпе».

— Вылечился? — спрашиваем у Лешки.

— Нет, убежал, — говорит. — Надоело. Скука.

Теперь у нас все в сборе. Квorum, как говорится. По этому поводу устроили комсомольское собрание. Даже Тая, бледненькая и похудевшая, поднялась с постели.

Мы уговаривали: лежи, мол, дескать, без тебя позаседаем. А она ни в какую: встану, и все.

Собрание открывает Марконя, наш секретарь.

— По плану положено нам выловить в этом месяце тысячу шестьсот центнеров, — говорит он. — Выловили мы сто шестьдесят. Сегодня — четырнадцатое число. План, сами понимаете, под угрозой. Что будем делать?

Славик Карпов тяжело поднимается с места, переминается и говорит:

— Надо ловить рыбу. — И садится.

— Прения окончены. Предлагаю записать решение, — говорит секретарь. — Все.

— Нет, не все, — Тая поднимается со своего места. Тоненькая и бледная, сейчас после качки она совсем стала прозрачной.

Ребята сочувственно смотрят на нее.

— Не все, — повторяет Тая твердо, — стыдно, одни «пустыри» вытягиваете. Эх, вы...

Мы опускаем головы. Ниже всех — Лешка-борода. Он влюблен в Таю, и тут уже не до шуток.

— Вы можете... — Тая не оканчивает.

Гремит аврал. Мы вскакиваем с мест.

Ночь. Темная. Туманная. Где-то справа — разжигенные огоньки наводящего. Мы поспешно натягиваем робы.

* * *

Нам повезло. В такую зыбь взять триста центнеров совсем не плохо! Рыбу берем в трюм и на палубу и идем к острову Слафарьева на сдачу. На ходу чиним невод. Зыбь его основательно потрепала. Под холодным резким ветром стынут руки, стынешь сам. У Макса даже нос побагровел. Витяка иронизирует по этому поводу.

Мы от души хохочем, а Макс даже не обижается. Он вообще на Витяку не обижается. Очень хочется спать. Это уже третья бесконечная ночь.

Подходим к Слафарьеву. В бух-

те выстроилась очередь на сдачу. Идем вдоль шеренги судов.

— «Мармарики», «Макрель», «Олым», — читает Славик и сокрушается. — Ну, что это за название? «Олым», например. Читай наоборот!

Читают по слогам, как первоклашка: «Мы-ло. Мыло?»

— Да, мыло. Есть названия просто приятные, — продолжает Славик. — Но надо, чтобы были со смыслом. «Теодор Нетте», например, «Оплот», «Пищевая индустрия»...

Уставшие, намокшие, мы спускаемся в кубрик. Садимся на пол. Курим. Не шутим, не смеемся, даже не дразним пса. Наши жизненный тонус иссяк. Восстановить его может лишь сон. И право на него завоевано. Но спать нам почему-то не хочется.

— А ты куда собираешься? — спрашивает Лешка у Поддубного.

— В море я ничего не выпускал, и ловить мне оттуда нечего, — отвечает Поддубный и спокойно продолжает укладывать вещички.

— Значит, сматываешься, — Лешка поднимается на всякий случай.

— Когда в школе учился пацаном, — тихо говорит Поддубный, — одна мечта у меня была — выучиться говорить по-иностранныму. А получилось, видишь, как. И школу не окончил и болтаясь теперь, как жесть по ветру...

Опустив голову, он стоит в

уголке, маленький и щуплый, с прической подростка, — тридцати ему никак не дашь. Мне становится почему-то жаль его. Наверно, то же самое испытывает и Славик.

— Куда же ты теперь?

— Не знаю, — Поддубный нервно теребит свою челку. Видно, здорово ему неловко перед нами. — Я уже и бодарил, и шоферил, и золото мыл, даже сапожничал, — он горько усмехается. — А вот рыбачить не могу — укачивается...

Вдруг гулко застучала машина, и мы легонько ткнулись о что-то. На минуту все смолкли. Потом по палубе простучали чьи-то сапоги.

— Поддубный, к капитану за документами! — крикнули сверху.

Мы выбираемся на палубу. Высоко над нами, на высоте трехэтажного дома свободно гуляют стрелы, стрекочут лебедки, покрываются «вира-майна». Плавбаза «Пищевая индустрия» обрабатывает продукцию. Ее густо облепили суденышки. Мы все по сравнению с нею просто мизер.

Поддубный стоит со своими обшарпанными деревянными чемоданами и ждет, пока спустят трап. Ветер бесцеремонно треплет его жиденькие волосы.

— А где твоя шапка? — спрашивает Славик.

— В море сдуло.

— Погоди, — Славик быстро исчезает в кубрике и через минуту появляется со своей новой ушанкой. — Возьми!

— Нет, нет, — бормочет Поддубный.

— Бери, бери! Будешь в ней на работу ходить.

* * *

Вечером подходим к району лова. Яркой иллюминацией расцевчена наша плавучая деревня. Если присмотреться внимательней, жизнь нашей деревни таит много чудес. Иллюминация ярче обычной — лов удачный и больше судов «сидят» на сетях; огней не густо — рыба ушла на глубину, и идет напряженный поиск. Деревня оживает, огни приходят в движение.

Эфир живет своей обычной жизнью: многоголосо, шумно. Кто-то распекает кого-то — чего, мол, шляешься по моим сетям! Ослеп, что ли? Кто-то ведет дипломатические переговоры по части духовной пищи, если не хочешь «Свадьбу с приданым», могут отдать «Девушку без адреса» за «Два бойца». Кто-то просто зовет в эфир: «Эридана, Эридана...»

Подходим, наконец, к «Утесу». За ним уже выстроилась кавалькада судов. Занимаем свое место. В порядке очереди мы шестые. На подходе еще несколько посудин. Не дожидаясь их, разворачиваемся в походную колонну: впереди — неуклюжий, как утюг, наводящий «Утес», за ним — все остальные суда.

Идем за «Омулевкой». Ночь тихая, звездная. Правда, слегка покачивает. На вахте меня сменил Славик. Желаю ему счастливой вахты и спускаюсь в кают-компанию. Ребята уже поужинали и играют в домино.

Сейчас Дед расправляет с Лешкой — за пристрастие к игре в карты. Лешке неловко. Он торопит Деда. Камбуз все-таки рядом, и Тая может все увидеть. И лучшие Лешкины чувства будут посыпаны. Но Дед не спешит. Он растягивает удовольствие. Входит Тая.

— Опять, — говорит она и качает головой. — Ребята, ведь это не эстетично. — И посматривает на распухший Лешкин нос. Програвшего по носу бьют картами.

— Серега, сыграешь? — предлагает Коляня.

— Нет, спасибо, мне после этого не спится, — отвечая и заглядываю в радиорубку. Там один одишенек сидит Макс и с глубокомысленной миной что-то выступает на машинке одним пальцем. Старательно так выступает. Даже лоб вспотел.

Заглядываю через плечо. Оказывается, радиограмму сочиняет.

«Дорогая моя жена! Спасибо тебе за дочь...» На этом Макс основательно застрял. Наверно, у него возникли творческие затруднения.

Кто-то включает трансляцию, и в кают-компанию тотчас врывается тревожный и шумный голос программы.

— «Омулевка», — приготовились! — кричит наводящий.

Следующая очередь — наша. Это неожиданным образом разрешает творческие затруднения Макса и спасает нос Лешки от новой экзекуции. Мы расходимся по своим местам и настраиваемся на волну ожидания. Ленивой медузой проплывает мимо время...

«Утес» команда:

— Приготовиться!

— Есть приготовиться! — отвечает капитан.

Витьяка уже в шлюпке в своем неизменном оранжевом жилете.

«Утес» бросает буй. Как раз в центре косынка. Запись еще продолжается. «Хорошая запись, — говорит «Утес». — Богатая. Целых три сантиметра!»

— Поехали! — кричит капитан.

Витьяка прикладывает руку к воображаемому козырьку. Это, конечно, шик. Но Витьяка без этого не может.

Мы делаем хитрый маневр на ветер и идем в замет. Все остальное вершится с точностью и слаженностью часового механизма. Замыкаем невод в кольцо, подтягиваем низа и готовимся к выборке. Кан, как и прежде, бегает вдоль борта и гремит кувалдой. Сегодня он гремит не зря. Михаилыч водит по неводу прожектором, и мы видим, как у нас в кошель-

ке мечется, плещется косяк. Огромный косячище! Такого мы еще не брали. Мы и выбирать-то невода еще не выбирали, а косяк уже не хватает простора. Все молчат, словно онемели.

— Включить верхний свет! — голос капитана возвращает нас к действительности.

Наша «Орловка» вспыхивает, как рождественская елка в новогоднюю ночь. Смотрите все! Смотрите! Мы на сетях, к нам тоже пришла трудная долгожданная рыбачья удача!

Начинаем выборку невода. Осторожно подтягиваем и укладываем на площадку дель. Первый, второй, пятый литера... Все, стоп! Дальше нельзя — косяк силен и может порвать невод.

Нас быстро дрейфует в сторону от нашей деревни. Ее огоньки видны теперь едва-едва. Видно только, как в небе полыхает зарево.

Закрепляем к пробке аварийные кухты, на всякий случай, чтобы косяк не подтопил ее, а Марконя тем временем зовет шхуны:

— «Нерпа», «Сивуч», «Лахтак», «Оленница»! Я «Орловка», я «Орловка». Есть рыба, много рыбы, сообщаю наши координаты, сообщаю наши координаты...

На палубу выходит Тая и уговаривает нас свежим ароматным хлебом. Он еще теплый, наверно, только из печки.

— Проголодались небось, — смеется, и в ямочках щечки. Эти ямочки и сразили, наверно, нашего Лешку под корень.

На голове у Тая трепещет легкая газовая косынка. Вдруг ветер срывает ее и уносит в море. Мы даже глазом не успели моргнуть. Глядь, и нет косынки. Лешка сбрасывает робу, он полон решимости, но Тая останавливает нашего доблестного рыцаря.

— В чем же вы теперь на танцы ходить будете? — спрашивает Лешка, а сам некстати краснеет.

Но Тая тоже умная девушка. Она просто не замечает Лешкиной неловкости.

— А вы разве ходите на танцы в шапке?

— Нет, — отвечает Лешка.

— Ну, вот, — обрадовалась Тая.

— Я танцевать не умею, — признается Лешка.

— Это дело поправимое, — смеется Тая. — Придем в Холмск — я вас научу.

Лешка рад, ему хочется как-то проявить себя. Скажем, слазить на мачту или пройтись на руках по трюму, но Тая уходит. И он остается наедине со своей любовью и рыбой.

Ну, а мы? Мы отворачиваемся. Разве мы позволим себе смеяться над лучшими чувствами товарища? Конечно, нет! Тем более что вдали уже показались огньки шхун и впереди у нас новая бесконечная ночь.

И мы ей рады.

Магадан

VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук в Москве служит благородной цели укрепления культурных связей, дружбы и взаимопонимания между народами.

Одной из главных проблем, подлежащих обсуждению на конгрессе, будет проблема равенства рас и народностей, национальной независимости, ликвидации колониального угнетения и его тяжелых последствий.

В дни, когда не прекращаются бесчинства расистов в США, когда коренное население Южно-Африканской Республики стонет под игом фашистского правительства Фервурда, когда льется кровь патриотов в Анголе и Южном Вьетнаме, слово антропологов и этнографов в защиту подлинного равноправия народов явится большим и ценным вкладом в дело справедливости и прогресса.

Сказанное накануне Всемирного форума солидарности молодежи и студентов в борьбе за национальную независимость и освобождение, за мир, это слово передовых ученых окажет значительную поддержку юности нашей планеты, борющейся за демократию и прогресс, против реакции и империализма.

Наряду с голосами крупнейших ученых на конгрессе прозвучат и голоса молодых представителей науки о человеке. Многие из них уже знакомы читателям «Вокруг света».

Читайте на следующих страницах:

30 ТЫСЯЧ ПОКОЛЕНИЙ

ИСЧЕЗНУВШЕЕ ПЛЕМЯ

ЧУКОТСКИЕ КЛАДЫ

Афродита Таманская

Статую, которую вы видите на снимке, — одна из интереснейших археологических находок прошлого года.

Таманская экспедиция Института археологии Академии наук СССР уже несколько лет ведет раскопки на месте древнегреческой колонии — города Кепы, основанного в V веке до н. э. Собран обширный материал. Он позволяет ученым восстановить картину жизни города и решить ряд проблем, связанных с формированием культуры скитов, сарматов, синдов и меотов.

Летом 1963 года недалеко от моря, рядом с песчаным карьером (где когда-то находилось кладбище древнего города — некрополь) была найдена мраморная статуя Афродиты.

Творение неизвестного скульптора назвали Афродитой Таманской. Под этим именем она войдет теперь во все справочники и каталоги. Историки, искусствоведы предполагают, что скульптура создана во II—I веках до н. э. Статуя помещена в античный зал Исторического музея в Москве.

Раскопки города Кепы продолжаются,

HOMO SAPIENS I

Рисунки ГЕЛИЯ КОВАНОВА

Не хочется начинать с парадокса. Рисуешься оказаться в положении павлина, который выставляет напоказ самое яркое свое цветастое перо.

Но иногда парадокс необходим, ибо ведет к цели кратчайшим путем. В «Прекрасной свинарке» Мартти Ларни вкладывает в уста некоей миллионерши такое утверждение: «...поптыка тысячи лет назад наиболее распространенная ширина зада у мужчин составляла пятнадцать с половиной дюймов! В 1925 году сиденья в автомобилях достаточно было делать шириной в двадцать два дюйма... а в будущем году не хватит и двадцати пяти дюймов!»

Не будем вдаваться в подробности — зачем понадобилась экстравагантной миллионерше такая статистика. Вдумаемся лучше в ее суть, постаравшись отвлечься от некоторой ее «необычности». Зададимся чисто антропологическим вопросом: а какие мы — люди? Какими мы были и какими мы станем в будущем?

Мы привыкли к миру, окружающему нас, — миру, созданному руками человеческими. Техника, транспорт, быт... Тысячелетиями создавался этот мир в упорном труде многих людских поколений, и создавал его человек «по собственному покрою», в своих масштабах.

Размеры кабинки космического корабля и школьной парты, высота домов и ширина газетной полосы, разлет городских проспектов и диаметр суповых тарелок, величина часов, авторучек и измерительных приборов... — да разве можно перечислить все!

А как учесть современному производству: сколько, скажем, обуви или одежды такого-то размера произвести в стране?

И вот на помощь работникам легкой промышленности приходят антропологи.

Несколько лет длилось исследование, предпринятое сотрудниками московского Института антропологии МГУ. Одни работали в горных кишлаках и аулах, другие — в селах, рыбачьих поселках на далеких островах, в городах. Мужчины, женщины, дети, представители разных этнических групп и различных профессий проходили перед учеными.

Исследователи измеряли рост, длину рук и ног, туловища, объем груди и бедер — десятки тысяч цифр были результатом их работы. По выборочным данным о характерных группах населения ученые уже с помощью математики смогли составить представление обо всем населении страны. Были привлечены и вспомогательные материалы: данные медицинских осмотров призывников, школьников и т. д.

В результате швейники и обувщики получили точные рекомендации.

Твердо было установлено, что люди в нашей стране стали крупнее, если сравнивать с началом века. Год раздо быстрее растут подростки. Двенадцатилетние москвичи, скажем, в шестидесятом году по сравнению с двадцать третьим стали выше на 13 сантиметров и тяжелее на 8,7 килограмма. Это несомненный результат социалистических преобразований, поднявших наш жизненный уровень.

Работая, так сказать, на легкую промышленность, антропологи занимались своим обычным делом: собирали факты, рисующие современного человека. Правда, эти факты характеризовали человека лишь с одной — внешней стороны. Но и она очень важна для антропологии — науки, которая изучает телесную природу человека и его про-

исхождение, науки, которая, по определению Энгельса, составляет «переход от морфологии и физиологии человека и его рас к истории».

ВСЕГО ЛИШЬ 30 ТЫСЯЧ...

Это было чудо. Самое настоящее чудо — реальное, материалистическое, ничуть не отдающее мистикой. Оно произошло...

Но прежде решим такой несложный вопрос: как по вашему, велик ли город с 30 тысячами жителей? По нынешним временам очень мал, не правда ли?

Так вот чудом, о котором идет речь, хочется назвать превращение древней высшей обезьяны в человека.

Оно начало совершаться в ходе эволюции приблизительно за миллион лет или — по оценке ученых — примерно за 30 тысяч поколений до нас. Столько поколений и отделяют нас от начала начал человеческого рода. Не правда ли, интересно представить себе небольшой город, населенный представителями всех поколений своих предков...

Процесс возникновения человека был быстрым. Даже очень быстрым, ведь речь идет о появлении разумного существа!

Два грандиозных, ни с чем не сравнимых скачка было в истории нашей планеты. Зарождение жизни — первый. И второй — возникновение мыслящего существа — человека. Раскрыть картину этого скачка, объяснить законы, «руководившие» происхождением человека, — значит понять и то, какой он сейчас и почему он такой.

Интересно, что, познавая сложный процесс — как искра разума все сильнее разгоралась в поколениях наших предков, наука тем самым готовится и к такому возможному событию, как встреча в космосе с обитателями других миров. Ведь они могут оказаться и на более высоком и на более низком уровне развития, чем мы. И нужно твердо знать границу разумного и неразумного, чтобы безошибочно разыскать своих «звездных» братьев по разуму в непонятных и загадочных явлениях других миров.

Итак, человек — предмет изучения антропологии. Естественно, круг интересов этой науки поистине необъятен, и она не может обойтись без помощи десятков других наук. Общей биологии, физиологии высшей нервной деятельности, анатомии, генетики, эволюционной теории, палеонтологии — с одной стороны. Истории, археологии, этнографии, искусствоведения — с другой. Приходится обращаться антропологам и к социально-экономическим наукам. А кроме того, физика и химия вооружают их точными методами исследования.

Наука добилась больших успехов в изучении человека. Сейчас мы намного полнее и яснее, чем прежде, понимаем, как построен и действует организм человека, начиная от простых движений руки и ноги и кончая тонкими процессами, происходящими в мозгу.

Мы теперь точно представляем себе, что нас отличает от наших самых далеких предков: мозг, невероятно сложный по своей структуре; рука, способная производить весьма разнообразные действия; прямая походка. Это лишь самые заметные и самые известные отличия. Они и наиболее важные. Но им сопутствуют сотни других. Вот для примера лишь только три.

Американский ученый Р. Йеркс пробовал научить шимпанзе разговаривать. Его старания окончились неудачей. Мозг обезьян слишком примитивен. Он не обла-

дает специальными центрами речи. Но беда не только в этом — обезьяны не могут заговорить, ибо им очень трудно делить звук на элементы. Человеческая гортань — тоже чудо, вылепленное эволюцией в течение тысяч лет.

Еще пример. У человека тонко разработана система гормонов — веществ, которые возбуждают, усиливают или, наоборот, тормозят течение различных процессов обмена веществ. А это «материальная база» огромного богатства реакций человека на внешние раздражения, разнообразной палитры чувств.

Или из другой области. Обезьяны почти лишены способности потоотделения. Если бы человек в этом был подобен обезьянам, то на обширных открытых пространствах солнце погубило бы его. Однако,бросив волосяной покров на теле, он сумел обзавестись совершенной системой терморегуляции.

А родство? И тут обнаружены и изучены сотни примет. Близкий биохимический состав крови у человека и современных человекообразных обезьян — наших родственников по боковой ветви, с которыми нас соединяет общий предок в виде ископаемой высшей обезьяны. Однаковая конструкция сердца и многих других внутренних органов. Большая близость в устройстве органов восприятия.

Не перечесть всех особенностей человека, которые рассказывают о его родословной. Всем известна, скажем, способность к цепкой хватке у младенца, только что появившегося на белый свет. Но ведь это же — свидетельство далекого обезьяньего периода человеческой предыстории.

Еще одна примета тех же времен — первые две фаланги пальцев на руках. На них, как легко установить, нет никаких волос. И понятно почему: древние наши предки при ходьбе, подобно современным высшим обезьянам, подворачивали пальцы внутрь, опираясь на внешние стороны первых фаланг.

Несомненно, изменение человека продолжается как в социально-историческом, так и физиологическом плане. Проследить, как накапливаются новые черты в наше время, тоже входит в «обязанности» антропологии.

ПРОНИКАЯ В ГЛУБЬ ВРЕМЕН...

По археологическим находкам, по биологическим факторам ученые установили, что Америка — Северная и Южная — была заселена пришельцами из Азии: они перебрались в Северную Америку по перешейку между континентами, который существовал прежде на месте теперешнего Берингова пролива. Определено приблизительно и когда это произошло — несколько десятков тысяч лет назад.

Больше того, доказано, что пришельцев было сравнительно немного и что они принадлежали к одной этнической группе.

Как удалось установить этот последний факт?

Определенными группами крови обладает, оказывается, не только человек. Они обнаружены и у животных. Они, несомненно, были и у наших предков на всех стадиях развития.

Так вот в крови у коренных жителей обеих Америк не обнаружен так называемый фактор В, то есть среди них нет людей с кровью третьей и четвертой групп. В то же время фактор В часто наблюдается в крови жителей Азии. Значит, группа первых пришельцев должна была быть относительно невелика, чтобы среди них не оказалось людей с фактором В в крови. Этот вывод исследователей конечно был предварительным. Последовала проверка и по другим биологическим данным. И, наконец, антропологи

убедились: да, вначале в Америку переселилось небольшое племя.

Исследователи постепенно раскрывают и другую тайну: когда и как появились первые люди в Австралии. Оказывается, это произошло примерно в те же времена, что и заселение Америки.

Вот каким путем шли ученые, разрабатывая эту волнующую тему.

Земная жизнь, как известно, неразрывно связана с углеродом. А углерод обязательно включает в себя радиоактивный изотоп: из атмосферы он попадает в растения, а оттуда — в организмы животных, где он накапливается, например, в костях.

Вот эти кости, содержащие радиоактивный углерод, и стали своеобразными часами истории. Ведь когда обрывается жизнедеятельность организма, в нем сразу же прекращается обмен веществ. Радиокарбон перестает поступать в организм. Но нам известно, сколько его обычно содержится в костях живого существа и еще — период его полураспада. А на основе этого можно вычислить, сколько тысяч лет назад наступила смерть.

Новые методы показали: примерно 20 тысяч лет назад люди из Юго-Восточной Азии начали свое путешествие в Австралию по дуге суши, от которой сейчас осталась тесная цепь островов — Новая Гвинея, Сулавеси, Калимантан, Суматра и другие. Переселение не могло быть быстрым, вероятно, оно тянулось не одну тысячу лет. Но, во всяком случае, приблизительно 13 тысяч лет назад Австралия уже была обитаема.

А из этого следуют очень интересные выводы. Как раз в те времена, когда начиналось переселение в Австралию, в Азии, Европе и Северной Африке шел процесс формирования человека современного типа. Австралийская ветвь отделилась от основной ветви

человечества в самом начале этого процесса. Тогда разделение человечества на большие расы, видимо, еще только начиналось.

И вот на раскопанных в Австралии человеческих черепах ученые обнаружили смешанные черты, которые много позже станут характеризовать либо европеоидов, либо негроидов, либо монголоидов.

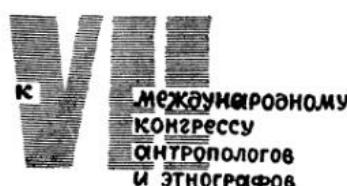
«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ?»

Вспомним сцену из пятого действия «Гамлета» — размышления героя с черепом Йорика в руках — и взглянем на нее с несколько необычной стороны. Скажите, а не напоминает ли вам эта картина... антрополога на раскопках?

Нет, не спешите возражать. За чисто внешней аналогией здесь есть и более серьезная параллель. Раздумья над временем, ходом жизни, судьбой человечества... Впрочем, и начал страстей в самые острые моменты истории науки достигал вполне шекспировского размаха.

Вспомним долгую травлю Дюбуа, нашедшего на острове Ява останки питекантропа. Каких только обвинений не предъявляли Дюбуа церковники и реакционеры от науки — и в богохульстве и в подделке костей.

Или споры о костях из тихой и благопристойной долины Неандерталь в Германии. Известный в то время ученый Р. Вирхов, отрицавший дарвиновское уч-

В работе конгресса примет участие доктор исторических наук, профессор С. А. Токарев.

Круг научных интересов С. А. Токарева обширен — он много занимался этнографией отдельных народов и историей этнографии. Но когда наш корреспондент В. Басилов спросил Сергея Александровича, какую область науки ученый считает для себя основной, Токарев ответил: историю религии и атеизма.

— Занимаясь первобытной религией, — рассказывает С. А. Токарев, — я пришел к выводу, что история религии — это еще испачканный край для исследователей. Советской науке приходится самостоятельно, опираясь на принципы марксизма-ленинизма, разрабатывать историко-этнографический материал в области истории религий. Свои основные мысли по этой проблеме, — добавляет ученый, — я изложил в работе «Ранние формы религии

и их развитие», которая отдельной книгой должна выйти в этом году. Уже увидела свет написанная мною обобщающая работа — «Религия в истории народов мира». Главная идея этих работ: все основные формы религиозных взглядов, отдельные обряды и верования можно объяснить условиями жизни народов.

Вот пример. Известно, что народы земли в «своем детстве» поклонялись тотемам. Тотемизмом принято называть веру в сверхъестественную связь, будто бы существующую между родом или племенем и каким-либо животным: змеей, кенгуру, вороном или даже неодушевленным предметом. Австралийцы, у которых верования в тотемы сохранились и сейчас, говорят так: «это наш старший брат», «наш отец».

Каковы же корни тотемизма? Обратимся к общественным отношениям австралийских аборигенов. Между ними сохраняются кровнородственные связи. Эти же связи они переносят и на свои отношения с природой. А основные занятия австралийцев — охота и собирательство. И, как мы видим, те животные и растения, что играют большую роль в жизни охотников-собирателей, и становятся у них тотемами.

На конгрессе С. А. Токарев выступит с докладом, обобщающим работы советских исследователей в области истории религии и атеизма.

СССР

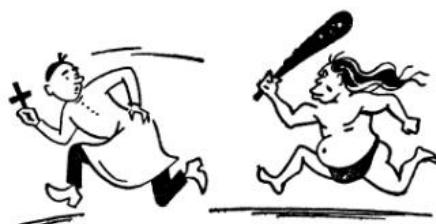
В Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде поступила богатая коллекция, привезенная из Западного Ириана. Коллекцию подарил музею советский дипломат П. В. Комин. В 1962—1963 годах, когда Западным Ирианом управляла Временная исполнительная администрация ООН, П. В. Комин был директором департамента общественных работ. По роду своей деятельности он объездил почти всю страну. Забирался в глубинные районы острова, где живут дани, хатты и другие племена папуасов.

Во время своих поездок П. В. Комин собрал около ста предметов, очень интересных с точки зрения этнографии; сделал массу фотографий, отснял цветной фильм о Западном Ириане и его жителях, записал на магнитофонную ленту древние и современные папуасские песни. Собранные П. В. Коминым большая коллекция расскажет советским людям о жизни, быте и культуре папуасов Западного Ириана.

ПОЛЬША

В последнее время Польская академия наук организовала несколько антропологических экспедиций в

ние, объявил, что черепная крышка, найденная в Неандерталье, принадлежит современному человеку, но только идиоту, страдавшему ракитом. Впоследствии,

однако, было доказано, что «неандертальские кости», как и многие другие, сходные с ними, найденные в различных уголках Европы, Азии, Африки, принадлежали людям, стоявшим на одной из ранних ступеней в развитии человечества и живших десятки тысяч лет назад. (По месту первой находки их стали называть неандертальцами.) Значение этих первых «вещественных доказательств» длительной эволюции человека трудно переоценить — передовая материалистическая наука проделала ими солидную брешь в реакционной концепции своих противников.

Бывали в истории антропологии и просто скандальные случаи. Больше сорока лет кипели страсти вокруг так называемой пильтдаунской находки: в семидесяти километрах к югу от Лондона у Пильтдауна в 1911 году якобы были найдены кости черепа человеческого типа и нижняя челюсть, очень сильно напоминавшая обезьянью. Этой находкой реакционно настроенные антропологи пытались доказать, что современный человек существовал в Англии с незапамятных времен и жил в одно время с питекантропом и неандертальцем, обитавшими в других местах. Однако с такой гипотезой спорили передовые ученые.

страны Средиземноморья, в некоторые районы Африки, в Центральную и Восточную Азию. Совместная польско-египетская экспедиция работала в Египте. Цель всех этих экспедиций — изучение расового состава населения земного шара.

Большую работу ведут польские антропологи и в своей стране. Они изучают материалы раскопок, сделанных на территории Польши, которые дают возможность охватить значительный период в жизни человечества — от неолита до средневековья; развиваются самые различные направления антропологии — этническую антропологию, антропогенетику, прикладную антропологию и т. п.

На VII Международном конгрессе в Москве польские ученые выступают с рядом докладов.

ГВИНЕЙСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Несколько лет назад в Гвинейской Республике по договоренности с Гвинейским институтом научных исследований работали чешские этнографы. Этнограф О. Скальникова провела обследование населения столицы Гвинеи города Конакри. Результатом явилась работа «Этнографическое изучение перемен в быту африканского

города». Собраны интересные материалы, показывающие, как на основе разобщенных ранее местных племен фульбе, малинке, сусу, тома, герзе, кисси, бассари и других формируется единая нация.

АНГЛИЯ

Чем болели люди две тысячи лет назад? Такой вопрос заинтересовал английских археологов.

Недавно в пригороде маленького городка Йорка было обнаружено древнее кладбище, относящееся к тем далеким временам, когда на месте Йорка стояла римская крепость Эбракум. Было осмотрено 290 скелетов. Специалисты установили, что обитатели крепости питались неплохо, в их костях не обнаружено признаков ракита и других заболеваний, связанных с недоеданием. По-видимому, очень распространенной болезнью был ревматизм, а туберкулез они не знали совсем.

Рост у жителей древнего Эбракума оказался, по нашим меркам, средним — у взрослых мужчин всего 170 сантиметров, а у женщин около 150 сантиметров. Продолжительность жизни древних людей была небольшой: три четверти похороненных в Эбракуме скончались в

уж очень она была близка к утверждениям церковников о происхождении человека от мифического Адама. Да и находка казалась сомнительной... В середине пятидесятых годов выяснилось, что скептики были правы: «пильтдаунский череп» оказался подделкой. Обезьяна челюсть была приставлена к человеческому черепу, а чтобы она была похожа на человеческую, зубы у нее подпилили.

Яростные попытки реакционеров отстоять «гипотезу» о божественном происхождении человека окончились неудачей. Сейчас немногие верят в то, что человек выплыл богом из праха и что по календарю сотворения мира Саваоф затратил на это лишь один трудодень.

Антрапология решительно выбивает почву из-под ног расистов.

Как известно, расы — это исторически сложившиеся группы людей, объединенные общностью происхождения. Расовая принадлежность определяется по сходству наследственных признаков строения тела — пропорциям, цвету кожи и волос, размерам и форме носа и губ. Эти различия, возникшие под действием разных географических условий жизни, образовались относительно недавно: не более чем полтора-два десятка тысяч лет назад. Иначе говоря, тогда, когда уже пошли самые крупные изменения, превратившие первобытное существо в существо разумное.

Расисты же утверждают, что человеческие расы будто неравноценны по своей психике. Расизм, в сущности, политическая спекуляция на факте неравномерности развития некоторых наро-

возрасте 40 лет и всего несколько человек прожили больше пятидесяти.

СССР

Пять тысяч лет пролежала в земле изящная статуэтка из обожженной глины, прежде чем была найдена близ села Кондон в Приамурье. Когда археологи извлекли ее из раскопа, всех поразило удивительное сходство черт «кондонской Венеры» и современных девушкинанайек.

В науке давно шел спор о происхождении и развитии коренного населения Приамурья — нанайцев, ульчей, нивхов. Известный археолог профессор А. Окладников и его коллеги посвятили несколько десятилетий тщательному изучению этой проблемы. В результате удалось проследить историю поселений местных народов от каменного века до средних веков. Многое рассказали наскальные рисунки, обнаруженные в окрестностях нанайского селения Сикачи-Алян (на Амуре). В них явно чувствуется тесная связь с сегодняшним орнаментальным искусством народов, населяющих Приамурье. Нахodka «кондонской Венеры» — еще одно доказательство того, что культура и искусство местных народов самобытны и развивались на этой территории в течение нескольких тысяч лет.

дов. Вызвано это отставание было самыми различными историческими причинами, главным образом колониальной системой угнетения. Расисты, однако, обходя эти очевидные исторические факты, пытаются доказать, что одна раса должна господствовать в мире, ибо она совершиней остальных. Эти выводы обираются трагедией для миллионов людей, в особенности если псевдонаучная спекуляция используется для оправдания гнусных политических авантюров, как это было в гитлеровской Германии.

Сегодня расистская политика апартеида, то есть строгого обособления африканского населения от белой аристократической верхушки, ставшая в ЮАР государственной доктриной, призвана оправдать угнетение африканского населения.

Чем лучше ученые познают закономерности человеческого организма, тем очевидней становится вся нелепость и вздорность расизма. Единство человечества — вот в чем убеждают результаты поиска исследователей. В самом деле, о чем ином может говорить такое наблюдение: один и тот же состав крови одинаково часто встречается у населения Западной Европы, Экваториальной Африки, Чукотки, Индокитайского полуострова, на Зондских и Молуккских островах, то есть у европейцев, у пигмеев, у эскимосов и у малайцев. Разве это не убедительное опровержение расистских теорий?

Следует учитывать, что ученые делали свои выводы не на единичных примерах. Около 6 миллионов людей разных национальностей прошли исследования, прежде чем было составлено представление о распространенности одной лишь группы биохимических факторов крови.

Но, может быть, состав крови — это «частность», а каковы основные доказательства равнотенности человеческих рас?

Что мы назовем в первую очередь, говоря о человеке как о биологическом явлении? Конечно, мозг и рука. Так вот, в строении мозга разных рас и национальностей вообще нет никаких принципиальных различий.

То же самое и с рукой, которая, как говорил Энгельс, есть одновременно и орудие труда и его результат. Рука у южноамериканского индейца по своей анатомии, пропорциям, подвижности точно такая же, как у араба, японца, француза.

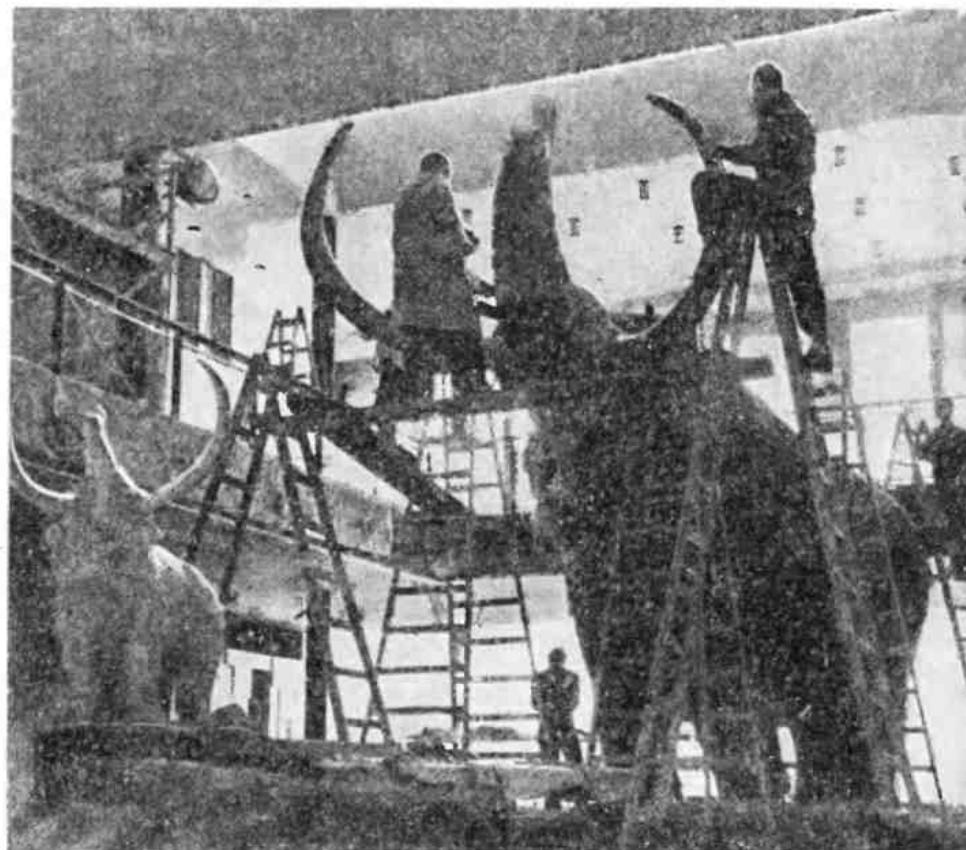
Факты убедительны и основательны. И недаром даже в США — стране, где расизм распространен очень сильно, — большинство антропологов его противники.

«ОТ РОМУЛА ДО НАШИХ ДНЕЙ»

Как же ученые представляют себе этапы, которые проходило человечество, поднимаясь по лестнице эволюции?

В самом начале была та знаменитая человокообразная обезьяна, которую эволюция выбрала для превращения в Нотто. Остатки ее еще не найдены, но мы приблизительно знаем, какой она была, — об этом нам рассказывает изучение других древних обезьян. Она овладела уже походкой на двух ногах и, добывая пищу и защищаясь от врагов, умела действовать камнями и палками.

Первая ступень Нотто — эпоха архантропа: древнейшего человека. В его внешнем облике было, пожалуй, звериного больше, чем человеческого. Скошенный назад лоб, массивные кости черепа, полуобезьяные черты лица... И все же он был, несомненно, человеком: его мозг развит неизмеримо больше, чем у обезьян, он ходил прямо, рукой действовал по-человечески.

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

Кто был нашим прямым предком? Что представляло собой население Европы в прошлом? На эти вопросы поможет отчасти ответить новый музей в Брно (Чехословакия). Его экспонаты освещают начальный период развития человека и его культуры.

Одним из интереснейших и уникальных экспонатов будет огромный музей мамонта.

СССР

С 1960 года в Азербайджане работает этнографическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР. Руководит ею учений Г. А. Гулиев. Основная цель экспедиции — сбор и систематизация полевых материалов для историко-этнографического атласа Азербайджана, который является частью общекавказского этнографического атласа.

И уже умел изготавливать примитивные каменные орудия и пользоваться огнем.

Следующий этап — палеоантропы, древние люди. Жители Азии, Северной Африки, Европы, сильные, обладавшие необычайно мощной рукой, они ходили немного нагнувшись вперед, на слегка согнутых ногах. Орудия их уже были сложными и разнообразными.

Раньше орудие труда изготавливалось так: несколькими ударами по камню подходящей формы оббивался край, пока с одной стороны образовывалась острыя режущая кромка, — изделие готово. Теперь же древние люди стали тщательнее обрабатывать каменную «заготовку» и, что самое главное, начали изготавливать два разных вида орудий — наконечники и скребла, предназначенные для различных трудовых операций. Но палеоантропы еще не знали, что орудием можно пользоваться на расстоянии — бросать его. Небольшими группами они постоянно кочевали по ограниченной территории, питаясь убитыми животными, отчасти растениями.

Еще шаг вверх: неоантропы — смелые и ловкие охотники, которые не боялись даже мамонтов и огромных пещерных медведей. В борьбе с гигантами они применяли копья и пращи. Их современники волей истории стали неутомимыми пилигримами — они-то и заселили Америку и Австралию. Неоантропы уже начинали создавать постоянные поселения вне пещер по берегам рек, на островах. Дошли до нас от этого времени и первые произведения искусства: примитив-

ные костяные скульптурки, изображения, нарисованные стойками минеральными красками на стенах пещер.

Наконец, современный человек, обладающий развитым мышлением, способностью к абстрактным обобщениям и строением тела таким же, как у человека сегодня. Время его появления около 6 тысяч лет назад..

Нужно сказать, что за этими непривычными для неспециалистов названиями скрываются знакомые всем типы древних людей: синантроп и питеантроп — это первая ступень; неандертальцы Европы, Азии и Африки — вторая ступень, кроманьонцы и ископаемые люди современного типа — третья ступень. Чем вызваны такие изменения в классификации? Прежде каждая ступень была представлена лишь немногими находками.

А когда находок со временем стало больше, ученым пришлось ввести общее название для всех представителей каждой ступени, чтобы четче представлять этапы эволюции человека.

Когда знакомишься с работами антропологов, перед мысленным взором возникает пирамида, вершиной своей опрокинутая вниз. Чем ближе события, которые изучают антропологии, к нашим дням, тем лучше, полнее, достовернее они исследованы. А чем дальше, тем больше темных провалов и меньше светлых островков известного.

Но это понятно, ведь большинство находок, большая часть останков древних людей была найдена случайно: при строительных работах, на разработках песка или гравия. Лишь немногие из них — результат планомерных поисков.

В наше время гораздо лучше известно, что, где и надо искать. И число находок увеличивается, картина человеческого рода становится полнее.

Вот лишь одно из необычных открытий последнего времени. Оно сделано в пещере Шанидар, которая расположена на северо-востоке Ирака. Раскапывая отложения в этой пещере, ученые обнаружили там остатки семи скелетов. Один из скелетов, названный Шанидар I, был неполон, у него не хватало костей кисти руки и предплечья. Потеряны, утащены зверями? Нет! Человек этот потерял руку при жизни и долго потом жил одноруким. Среди диких зверей? В невероятно тяжелых условиях жизни, полной лишений и опасностей? Как это было возможно? Только помочь сородичей — вот единственное объяснение того, что этот человек выжил. Так наши ученые самый древний известный нам пример взаимопомощи в первобытном коллектике. Ведь Шанидар I жил 50 тысяч лет назад.

Другой пример: несколько лет продолжались очень интересные поиски в Монголии, в пустыне Гоби. В результате раскопок была открыта новая палеолитическая культура Центральной Азии. Орудия этой культуры очень похожи на те, что были найдены гораздо западнее — в Средней Азии и на Ближнем Востоке и относились к более раннему времени. Это сходство ставит под сомнение точку зрения некоторых исследователей на Центральную Азию как на древнюю родину человечества. Вероятнее, что человек пришел сюда с запада: Ближний Восток, Кавказ, Средняя Азия, Гоби — немальный путь пришлось ему проделать.

Большой неожиданностью оказались результаты раскопок в Медвежьей пещере — на одном из притоков Печоры.

Ученые разыскали там следы древнего человека, который, как предполагается, жил примерно тридцать тысяч лет назад. Это единственно известная нам стоянка человека, расположенная так далеко на севере.

И все же наука еще не обследовала огромные пространства Азии, Африки, значительной части Европы. Это вселяет надежду на новые находки, а значит, и на то, что еще подробнее раскроется перед нами тайна происхождения человечества.

СССР

Можно ли получить слепок мозга древнего человека?

Еще при исследовании костных остатков животных палеонтологи заметили, что мозг оставляет отпечаток на внутренней части черепа. Палеонтологи заполнили пустоты черепа древнего животного гипсом и получили отпечаток мозга, точную копию рисунка извилин.

Это открытие взяли на вооружение антропологи. На VI Международном конгрессе антропологов и этнографов в Париже в 1960 году демонстрировались слепки мозга кроманьонца.

На московском конгрессе выступят с рядом докладов советские антропологи: В. И. Кочеткова — «Особенности макроструктуры мозга людей раннего палеолита», В. П. Алексеев — «О скорости эволюции в пределах семейства гоминид» и другие. Их работы затрагивают интересные и малоизученные проблемы эволюции гоминид — человекообразных обезьян — предков первого человека, морфологические изменения мозга людей раннего палеолита. Работы этих ученых основываются на данных палеоневрологии, нового направления в антропологии, изучающего мозг древнего человека.

Бескорыстна искренняя помощь Советского Союза странам, вступившим на путь независимости. Груден этот путь — многое нужно начинать сначала, но и славен — ведь сейчас руками рабочих и крестьян, руками старыми и молодыми закладываются основы будущего.

Советское государство и другие страны социалистического содружества считают своим священным интернациональным долгом оказывать помощь молодым развивающимся государствам. Эвзедами вспыхивают маяки новостроек на карте мира.

...Асан в ОАР, электростанция на реке Вольте в Гане, плотина и Технологический институт в Бирме, хлопковые и масличные госхозы в Сомалийской Республике...

На разных широтах — в джунглях, в пустыне, в горах — в необычном климате работают советские люди.

В этом номере Георгий Гальперин рассказывает о помощи Советского Союза молодому африканскому государству Эфиопии в подготовке национальных технических и сельскохозяйственных кадров.

Адрес: «Техническая школа, Баходар-Гиоргис, Эфиопия». Такое клеймо стоит на ящиках, аккуратно сложенных на широком причале порта Массая. Еще совсем недавно мы принимали в этом «городе-пекле» на берегу Красного моря литье, цемент, арматуру, кровлю и проволоку, а сейчас такие грузы уже не нужны — в маленьком провинциальном городке Баходаре взметнулось в синеву африканского неба сооруженное из бетона, стекла и цветного пластика здание Технической школы — дар Советского Союза народу и правительству дружественной Эфиопии.

На сей раз в ящиках — «начинка» для почти отстроенной школы: станки, сельскохозяйственные машины, приборы, химическая посуда, наглядные пособия.

Нам предстоит подняться от моря до Асмара, административного центра провинции Эритрея, расположенного на высоте около двух тысяч метров над уровнем моря, — это первый этап пути.

На дороге, соединяющей Массая и Асмару, длиной всего в 108 километров две с половиной тысячи поворотов. Этот путь наша автоко-

ВОРОТА ЗНАНИЙ

Фото А. БЕЛЯЕВА

Г. ГАЛЬПЕРИН

лонна — четыре громадных красных грузовика с прицепами, груженных с походом, — сможет преодолеть за 8 часов. Нас трое в просторной кабине головного грузовика: водители — эфиоп и итальянец — и я.

Кончается прибрежная пустыня. Автомашины, сбивая скорость, начинают взбираться вверх по асфальтовым петлям дороги. Справа и слева — округлые холмы, поросшие верблюжьей колючкой и чахлой акацией. Чем выше в горы, тем больше растительности, тем свежее воздух и тем труднее работать моторам.

Первая остановка — Гинда, оазис-сад среди гор. Покупаем мандарины и огромные, но безвкусные арбузы. После легкого завтрака мои соседи по кабине становятся разговорчивее. Первым вступает в беседу водитель-итальянец:

— А в России прицепы есть?
Я с любопытством смотрю на него и киваю головой.

— А бензовозы?
Я разворачиваю перед ним путевую опись грузов, которые мы везем в Баходар: «токарный станок», «трактор», «серная кислота», «электронно-лучевые трубы», «малая АТС», «широкоэкранные киноаппаратура».

Наш друг Габри всегда весел.

Шофер-эфиоп хочет:

— Амико, следующим рейсом по-везем космическую ракету!

Итальянец смущен. Поминает крепким словом мадонну. Я спрашиваю, почему он так часто высказывает свое нелестное мнение о мадонне, и показываю на маленький золотой крестик, болтающийся на его широкой волосатой груди.

— Люче не верит в бога, — отвечает за него эфиоп.

— Бог нужен детям, — говорит итальянец. — Чтобы слушались мать. У меня их трое, а я все время за бараккой. Жене трудно с ними. Вырастут — будут жить без бога.

В Асмаре я распрошщаюсь со своими спутниками: им предстоит еще пятеро суток ехать до Бахрдара, я долечу туда за полтора часа.

той Эфиопии, которая на наших глазах медленно уходит в безвозвратное прошлое. В конце концов словом «мистер» Габри и Гизау стали называть все живое мужского рода, а «мадам» — все женское.

Когда они говорят о нас, то называют именами, ими самими придуманными. Так, я за свой длинный рост стал «Лонг-мистером», а наш шеф Юрий Сергеевич Бележев (185 сантиметров, 135 килограммов) — «Биг-мистером». Только нашего худенького Юру-переводчика забаны зовут настоящим именем, а его жену Галочку — «мадам Юра». Мы тоже «перекрестили» забаний — Габри стал «Гаврюшой», а Гизау — «Гизей».

По вечерам ребята любят слушать приемник. Очень популярны у них

семнадцать лет, но это его не смущает — в школе много перестанков. В свободное время Гиза читает, читает все подряд, что попадает под руку.

Мы помогаем ребятам запоминать русские слова, и они уже довольно бойко говорят по-русски. Лингвистические упражнения часто носят своеобразный характер. Как-то наш шофер-захоз, проверив, как Гиза отремонтировал электропроводку «газика», сказал:

— Ну, Гиза, ты просто молоток!
— Мадоша, мистер?

— Мадоша, мадоша, — засмеялся Василий Иванович и объяснил, что слово «молоток» у рабочего люда — высшая оценка мастерства. Это очень понравилось нашим забаньям, но они применяют этот термин на свой лад: «мадоша» — хороший человек, а «метребия» (топор) — поганый.

— Не надо купить мыло у Захария. Ходи один-два день грязный, мистер. Потом купить мыло у Баса. Захария — метребия, Баса — ошень мадоша.

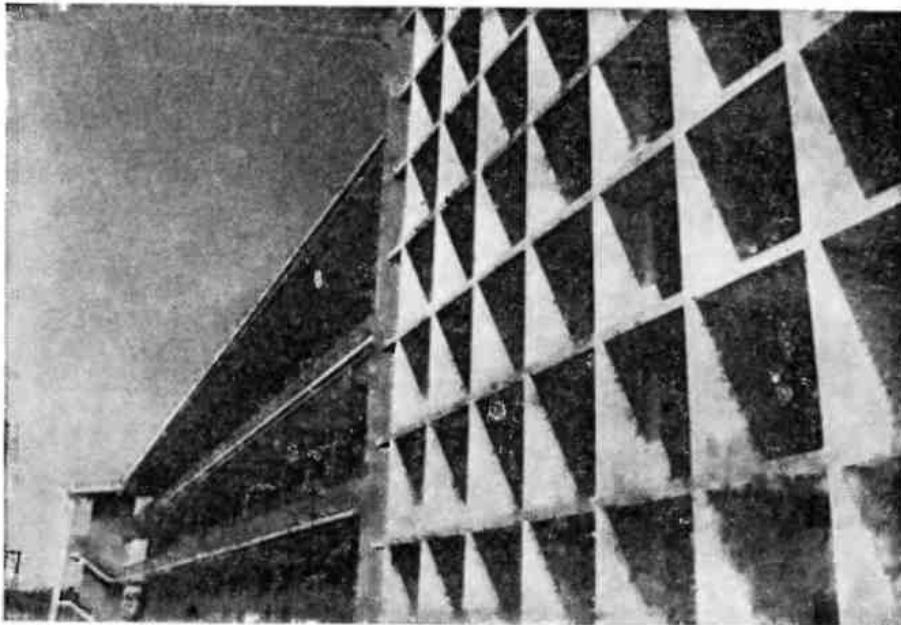
Габри и Гизау очень разные. Габри любит приодеться попроще: вот сейчас на аэродроме на нем зеленая шляпа, красная рубаха и голубые шорты. Гиза одевается со вкусом и очень практичен во всем, что касается туалета. Гаврюша подвижен, ловок, у него поразительный глазомер, Гиза медлителен, неуклюж, рассеян. У Гаврюши никогда не было возможности учиться, а Гизау с помощью дяди дотянул в столице до шестого класса. Габри влюблен в землю, в природу; его мечта — обзавестись собственным хозяйством. Гизау частенько видит себя за рулём столичного такси.

Оба очень ценят отношение к ним как к равным со стороны советских людей. Никогда и никто не видел и не слышал в Бахрдаре, чтобы иностранец здоровался с забаньей за руку, чтобы он ел с ним за одним столом, чтобы он говорил ему «пожалуйста», чтобы он читал ему книги, чтобы он помогал ему копать, пилить, красить, чтобы он научил его водить машину, чтобы он бесплатно лечил. Для советских людей это естественно.

...Как-то, ближе к окончанию строительства Технической школы, прошел слух, что нашу группу перебросят на берег Красного моря. Гаврюша и Гиза велели своим женам немедленно собираться в далекий путь. Когда на следующее утро мы услышали их сдержанный суровый рапорт о готовности к тысячекилометровому путешествию в неведомые места, наш шеф не выдержал и смокнул обоих по очереди в курчавые макушки, а женщины прослезились.

ДЫМЯЩАЯСЯ ВОДА

Более романтическое место, чем Бахрдар, для Технической школы трудно было бы найти. В двух километрах к северу — истоки Голубого Нила; на востоке, сразу же за сетчатым

Бахрдарская школа будет выпускать ежегодно двести пятьдесят специалистов для разных отраслей хозяйства Эфиопии.

ГАВРЮША И ГИЗА

На аэродроме меня встречают забаны Габри и Гизау. «Забанья» по-амарски — «стерож», «часовой». Они дежурят посменно на нашем участке, помогают по хозяйству. Оба не плохо научились управлять «газиком» и все чаще выполняют шоферские обязанности.

Их принесли на работу еще в Аддис-Абебе. В Бахрдар забаны ехали с разным настроением: Габри с радостью — этому впечатлительному деревенскому пареньку с юга страны было неуютно в огромном городе; Гизау, напротив, свыкся со столицей, любил ее шумные многолюдные улицы, а в провинции грустил.

Долго и упорно старались мы отучить этих парней от поклонов — так крепко въелись в них обычай

московские передачи на амарском языке. Забаны часто переводят нам то, о чем рассказывает Эфиопии далекая наша столица.

Крепкий, скучающий, очень смуглый Габри — гураге. Эта народность живет к югу от Аддис-Абебы. В Эфиопии около полутора миллиона гураге, причем более ста тысяч их переселились в столицу и другие города. Гураге давно уже приняли амарский язык — государственный язык Эфиопии. Большинство гураге — христиане, но есть среди них мусульмане и последователи местных традиционных верований. Дело доходит до парадоксов: наш Гаврюша — христианин, а его родной брат — мусульманин.

Круглолицый, добродушный и очень любознательный Гизау — чистокровный амара-шоанец. Каждое утро Гиза уходит в школу. Ему во-

той оградой, окаймляющей школьные спортивные площадки, — папирусное болото; на загаде, всего в полутора метрах от главного учебного корпуса, — знаменитое озеро Тана, колоссальный неисчерпаемый резервуар, питающий Голубой Нил.

А в сорока километрах от Бахрдара — одно из природных чудес Эфиопии — водопад Тис-Аббай. «Аббай» — эфиопское название Голубого Нила, «тис» по-амарски значит «дым», «дымящийся». И действительно, уже километров за десять до водопада над приречными джунглями видно большое белесое облако, сотканное миллиардами водяных брызг. В половодье оно клубится высоко над рекой, а в сухое время года оседает. Тис-Аббай — один из крупнейших водопадов Африки.

Что же это такое — Тис-Аббай? В Эфиопии я видел много водопадов и повыше: летят струи воды в два обхвата с высоты в сто метров, но впечатление — будто просто полнует где-то наверху водопроводная труба.. А здесь, на Тис-Аббае, тысячи, десятки тысяч тонн воды низвергаются сплошной стеной высотой в пятьдесят и длиной в триста метров. Низвергаются с грохотом и ревом. В любую погоду и с любой точки на падающем водяном занавесе видны переливающиеся радужные пояса, отраженные в мириадах раскаленных в воздухе капель.

Первое чувство при встрече с Тис-Аббаем — ошеломление. Потом оно сменяется восторгом и восхищением. Хочется распевать бодрые песенки, декламировать стихи.. И почти каждый поэт или выкрикивает что-то, во всяком случае, у всех двигаются губы, а руки выделывают замысловатые жесты, которые должны выражать одно: «Вот это да!»

Внизу вода выбила огромную каменную чащу. Из этой чаши Нил, огибая куполообразный полуостров, круто устремляется в не менее знаменитый пятисоткилометровый каньон. Тис-Аббай — начало этого каньона с почти отвесными стенами.

Полуостров-купол под водопадом — настоящий ботанический сад. Пальмы, дикие бананы, древовидный вереск, какие-то огромные темно-

Тис-Аббай — водяная стена на Голубом Ниле.

зеленые кусты с крупными красными цветами, трехметровые папоротники, лобелии, орхидеи. Все это отлично гармонирует с яркими выющиеся растениями по обе стороны гигантского водопада.

В сухое время года Тис-Аббай значительно «худеет», разделяется на несколько отдельных каскадов, но и тогда водяное облако освежает и умывает все вокруг. Деревья на левом высоком берегу Голубого Нила сбрасывают листву, горы оголяются и словно сморщиваются, саванна на правом равнинном берегу в верховьях реки желтеет и чахнет. А зеленое ожерелье Тис-Аббая в эти месяцы кажется еще ярче и свежее.

«ДРУЗЬЯ» ИЗ ШТАТОВ

Клевертов госдепартамента США — добровольцев «Корпуса мира» можно видеть по всей Африке. Встречали мы их и в Эфиопии.

Одна из самых лицемерных заповедей «корпусников» гласит, что они должны жить «на уровне» того населения, среди которого работают. Интересно, как бы выглядели эти леди и джентльмены, если в соответствии с этим уровнем им платили бы по доллару-полтора в день?

В бывшей эфиопской столице, Гондаре, что лежит к северу от озера Тана, служили две медсестры из «корпуса». Сестры всегда вместе, как приязнанные, — словно боятся остаться наедине со своей «паствой».

Я сказал «служат». Военная выправка, крепкие плечи и угловатые движения «корпусников» подсказали мне выбор именно такого глагола. Я видел в Эфиопии много «добровольцев» (в 1962 году их приехало из США более 150 человек). Они очень назойливы, любят фотографироваться для прессы и прямолинейно, без выдумки и фантазии, выполняют одну из своих главных обязанностей — пропагандировать все американское.

В Гондаре один из спектаклей, поставленных неразлучными американскими дамами, разыгрывался следующим образом. Как-то в магазин, где за прилавком стоял наш приятель

Брахане, четким строевым шагом вошли обе медсестры.

На нас — никакого внимания (они уже знают, что мы советские специалисты с баходарской стройки); Брахане — заученные резиновые улыбки. Брахане, ничего у них не спрашивая, отвещивает каждой по килограмму апельсинов и бананов — очевидно, постоянную покупку «корпусников».

Дамы расплачиваются, затем поочередно поглаживают Брахане по курчавой голове. Наконец ему вручается небольшая брошюра «Корпуса мира». Это, догадываемся мы, главная часть пантомимы. Сделав поворот «кру-у-у-гом», медсестры, раскрывая на ходу сумочки, направляются к группе струдившихся у витрины ребятишек. Брезгливо косясь на их похмелье, дамы опять растягивают резиновые улыбки и аккуратно кладут на цоколь, у входа в магазин, маленькие пятицентовые медные монетки — по числу мальчишек и девчонок. Спектакль окончен. Хлопает дверца автомобиля — занавес закрывается.

«ДОРОГА ТЫСЯЧ НОГ»

Как во многих африканских крошечных городках, главная улица Баходара — это маленький отрезок сквозной междугородной дороги, в данном случае — великого, исторически сложившегося пути из центральной Эфиопии на север, в Аксумское царство. Зовется этот путь «Дорогой тысяч ног».

Когда мы приехали сюда летом 1961 года, «Дорога тысяч ног» дробилась на несколько кривых узких троп. Сейчас от центра до недавно построенной текстильной фабрики и до нового моста через Голубой Нил протянулось отличное шоссе-шебенка, утрамбованное машинами и стадами. Люди вытолтали тропку рядом, вдоль кюветов, — ходить по щебню босиком не очень приятно, даже если ноги «обуты» в твердую загрубевшую тканевую корку.

Дорога начинает жить до рассвета — мальчишки-пастухи, защищенные от утренней свежести овечьими шкурами, протяжным присвистом

«тью-ю! тью-ю!» погоняют много головые стада к реке.

На заре в ту же сторону бегут — не идут, а бегут — рабочие текстильной фабрики, главным образом парни и девушки пятнадцати-двадцати лет. В руках — узелки с обедом. Бегут, чтобы согреться, — по утрам даже в самые жаркие месяцы выпадает холодная роса.

Затем появляются основные пешеходы-крестьяне с обоих берегов Голубого Нила. По утрам большинство селян шествуют в сторону Бахрдара. Идут семьями, в одиночку, иногда сразу всей деревней (это не много, не больше ста человек).

Крестьяне одеваются одинаково. Юноши в коротких штанах, мужчины — в домотканых белых брюках-талифе; на плечах — неизменная шамма. Шамма — кусок хлопчатобумажной или шерстяной ткани. Она заменяет эфиопам и пальто, и плащ, и зонт, и одеяло. У многих — ярко-зеленые шинели: в этом районе из рода в род селятся «потомственные солдатские семьи». В руках — палка... За два года я не видел ни одного крестьянина без палки. Палка — опора, оружие (особенно против змей), балансир и «чемодан». На нее можно нанизать шкуры, рыбу, подвесить узелок — вообще эфиопский крестьянин находит палке тысячу применений.

Руки женщин почти всегда свободны: груз на голове, ребенок за спиной. Женщины одеты в свободные, иногда крупно плиссированные платья из домотканой, реже фабричной ткани «абуджедид», высоко подпоясанные, а поверх — та же шамма.

В одежде бахрдарских рабочих мелькают и европейские детали: ковбойки, шорты, сандалии, кеды, жокейские шапочки. Неизменная принадлежность туалета сельского богача — зонтик, пробковый шлем и кисточка — опахало из лошадиного хвоста — символ власти и защиты от мух и москитов. Люди победнее вместо зонтиков иногда пользуются во время дождей сложенной вдвое соломенной циновкой, а на мух и москитов просто не обращают внимания.

...Шествие на «Дороге тысяч ног» не прекращается и в самый солнечный день, особенно много путников по базарным субботам и в праздничные дни, тогда к базару тянутся целые процесии. Главная фигура ее — помещик или сельский староста на лошади. Свита — пешком. Впереди идет крепкий юноша с палкой, а у хозяина побогаче — с винтовкой за спиной. Это традиция, перешедшая в наши дни из смутных времен феодальных междоусобий, когда за каждым поворотом тропы хозяина могла подстерегать засада. Но авангард нужен помещику и сейчас — еще много глухих мест на дорогах-тропах, где можно повстречаться со змеей, волком или гепардом. За хвостом лошади или мула цепочка из нескольких слуг — число их зависит от важности персоны всадника. Два-три вооружены винтовками или тяжелыми палками, остальные несут поклажу. Когда всадник вздумает пройтись рысью, на «крысы» переходит и вся свита.

...Последними по «Дороге тысяч ног» проходят текстильщики, рабочие второй смены. Идут с факелами и песнями, отпугивая шакалов и филинов. В ливни сбиваются вместе, локоть к локтю, накрывшись самодельной общей «крышей» из шаммы и одеяла.

Ребята и девушки вместе — такие никогда не видела «Дорога тысяч ног».

КОРАБЛЬ ПЛЫВЕТ ОТ ИСТОКОВ

Немного статистики. В средних школах Эфиопии обучаются 255 тысяч человек — это в десять раз меньше всего числа детей до 15 лет. В стране с населением 23 миллиона человек всего 1250 школ, причем половина из них — миссионерские, частные, церковные и общины. В генерал-губернаторстве Годжам, например, где находится Бахрдар, около 50 школ (в том числе церковных) на 1,5 миллиона жителей, зато церкви и монастырей — более тысячи. Окончивших полную среднюю школу (12 классов) настолько мало, что списки их умещаются на одной газетной полосе.

За девять лет, с 1954 по 1962 год, колледжи страны выпустили только 767 специалистов.

А ведь они так нужны — и как можно скорее — полям и нефтепромыслам, текстильным фабрикам и лабораториям. Вот потому-то так чужда стране Техническая школа в Бахрдаре: она будет готовить агротехников, текстильщиков, химиков-аналитиков, специалистов по деревообработке.

В итальянском путеводителе 1938 года о Бахрдаре написано: «Бахрдар» — в переводе «Ворота в озеро». Почта, телеграф, катер до Горгоры. Церковь св. Георгия. Деревня состоит из хижин народностей амара и уйто». В 1961 году такой путеводитель можно было перечитать почти без исправлений.

А за последние три года население городка стало вчетверо больше. Здесь построена крупная текстильная фабрика, от Тис-Аббая подошли линии электропередачи. Через городок пролегла автомобильная дорога Аддис-Абеба — озеро Тана — Гондар — Асмара — Красное море. Поговаривают о перенесении в Бахрдар административного центра провинции Годжам, а в будущем, может быть, и столицы.

Я прощаюсь со школой. Светлый трехэтажный учебный корпус похож на большой бело-розовый теплоход: просторные классы, кабинеты, лаборатории. Столовая на 500 мест в течение пятнадцати минут может быть превращена в актовый зал или кинотеатр. Большие мастерские, навесы для сельскохозяйственных машин. Рядом — футбольное поле, игровые площадки. Огромное количество станков, машин, лабораторного оборудования, наглядных пособий, технической литературы, поступившей из Советского Союза, — все самое новое, самое современное.

Еще полтора года назад в адрес строителей школы начали приходить сотни писем. В них эфиопская молодежь говорила о страстном желании учиться в «русской школе». Прошлым летом директор бахрдарской школы-семилетки сказал мне, что почти все его выпускники изъявили желание учиться в Технической школе. «Ворота в озеро» становятся «воротами знаний».

Шум нильской воды доносится сюда, наполняет просторные аудитории, лаборатории и холлы. Это очень символично, что Техническая школа высится у самого истока жизни-несторящей реки.

Я всматриваюсь в знакомые, ставшие родными лица бахрдарцев. Прощайте, Гаврюша и Гизя. Скоро вам и вашим сверстникам водить трактор по полю, управляться с рубильниками на новой электростанции, валить для лесопилок могучие стволы можжевельника и подокарпса, определять состав почв на нильской пойме или вычеркивать из списков импортных товаров дорогой заграничный текстиль — вам еще так много нужно сделать.

Счастливого вам старта!

Выстрел в тайге

Повесть

НИК. КОРОТЕЕВ

Рисунки И. БРУНИ

ЛЕСНИЧИЙ

Лесничему мешало брюшко. Он с трудом дотягивался щеткой до сапога, поставленного на колоду у двери замики. Выпрямляясь, он переводил дух и, излагая свои мысли, клонил голову то к правому, то к левому плечу — присматривался к зеркальному сапогу. Потом Егор Аполлинарьевич снова полировал носок и говорил:

— Вы, Семен Васильевич... олицетворение закона здесь. Не всяких там таежных обычаяв да привычек, а государственного закона. А у нас в тайге закон понимают своеобразно...

«Интересно, и чего он так старается? — подумал Семен, глядя на лесничего. — Словно матрос собирается к выходу на берег».

Отфыркиваясь, Егор Аполлинарьевич снова разогнулся:

— Да, весьма своеобразно! С позиций крайне личного интереса. Деревья в тайге не считаны, а звери не мечены, а о рыбе и говорить нечего. Закон — тайга, прокурор — медведь. Я вижу, Семен Васильевич, вы со мной согласны. Закон и только закон. Никаких поблажек!

Лесничий дотронулся до козырька форменной фуражки.

Продолжение. Начало в № 7.

Семен увидел, как из двери замики, пригнувшись, вышла Мария Ивановна — охотовед. Казалось, проем двери ей мал не только в высоту, но и в ширину.

— Ловко же я проспала. Этак, выходит, от зари до зари, — сказала Мария Ивановна и оглянулась. — Вас, товарищ участковый, завтракать зовут.

Где-то за громоздкой фигурой Марии Ивановны мелькнула борода деда Прокопа, хозяина замики.

В замике, однокомнатной избе с подслеповатым окошечком, с выставленной на лето рамой, Семену ударили в нос странный здесь запах кофе.

Лесничий сказал:

— Берег, можно сказать, для торжественного случая. Присаживайтесь.

Егор Аполлинарьевич был без фуражки, и теперь Семен видел, что лесничий плешил: на темени его лежала искусно зачесанная с виска прядь.

— Прошу, прошу к столу, — сказал Егор Аполлинарьевич, — в городе кофе — обыкновенный напиток, а здесь — экзот.

На столе, сбитом из досок такой толщины, что выдержали бы трактор, была наставлена вся посуда, которая нашлась в хозяйстве деда Прокопа. Сам он, беловолосый, сухонький, примостился с краю стола

и принюхивался к кофе, не сводя глаз с котелка. Чашки ему не хватило, он приспособил себе банку от консервов.

Семен сидел спиной к окну и слышал, как под умывальником плескалась и отфыркивалась Мария Ивановна. Дед посмотрел на нее и, поморщив лоб, сказал:

— Какой же мужик нужен нашему охотоведу? Тут окрест ищи — не найдешь. Заморится в девках.

— Полно, Прокопий. Не твоя забота, — сказал лесничий.

— Ласка-то человеку нужна.

Егор Аполлинарьевич махнул на деда рукой, налил кофе в чашку Семена и себе. Прокоп в рассеянности постучал тихонько банкой об стол.

Раскрасневшаяся от ледяной воды, с капельками в волосах, Мария Ивановна усилась за стол, по-хозяйски переставила какие-то миски и тарелки, взяла у Прокопа банку.

— Попробуй-ка, дедушка, — и налила ему кофе. Потом себе полчашки, не больше. Из котелка потекла гуща.

Лесничий поморщился. Семен молчал, прихлебывая маленькими глотками слишком горячий и поэтому безвкусный кофе.

Лесничий взял с тарелки седло косули, большим охотничим ножом с хрустом рассек мясо у хребта, положил вторую половину обратно.

— Больно смотреть... Вот вы, Мария Ивановна, третий год у нас. А порой я даже не пойму, чем вы занимаетесь. То ли ведаете заготовкой грибов и ягод, то ли в самом деле охотой.

— Заготконтора подчинена Центросоюзу. Нам дают план и на грибы, и на ягоды, и на пушину. Так что же вас удивляет? — сказала с вызовом Мария Ивановна.

— Меня-то уже давно ничего не удивляет.

— Вы прямо говорите, — сказал Семен. — Или деда Прокопа стесняетесь?

Старик Прокоп осторожно притрагивался пальцами к банке с кофе:

— Я в чужие силки не заглядываю.

— Федька, Федька в тайге шалит, — резко заговорил лесничий. — И еще как! И шалости у него тысячные.

«Опять Федор», — подумал Семен и спросил:

— Где?

Лесничий швырнул нож на стол:

— Пожалуйста, Мария Ивановна. Расскажите. Будьте добры.

— Не могу я так. Это дело серьезное. И вот так за столом... Либо есть, либо работать, — сказала охотовед.

— Оригинальная вы женщина, Мария Ивановна, — лесничий улыбнулся. — Вот так за обедом, за завтраком, а еще скорее за ужином, в узком кругу и решаются большие и серьезные дела. Можно еще и по рюмочке... Но закон тайги свят. Вы знаете об этом законе, Семен Васильевич?

— Слышал.

— А как вы думаете?

— Либо есть, либо работать, — ответил Семен.

Дед Прокоп засмеялся.

— Нет, право, Егор Аполлинарьевич, — извиняющимся тоном сказала охотовед. — Ну, никак не могу. — Мария Ивановна потерла руки, слов-

но снимая с них мыльную пену. — Я третий год здесь, — сказала она. — Всего. А участок мой — целая Голландия. В первую же зиму я провела обследование соболиной станы на севере — в широкой части. Там, собственно, никто почти не охотится, кроме Федора. Обследовала довольно бегло — скорее это была экскурсия. Подробнее я познакомилась с более южными угодьями. По моим подсчетам, — Мария Ивановна достала карту из рюкзака, — по моим подсчетам вот в северной части плотность заселения высокая. Сюда и следовало направить охотничьи бригады. Однако у охотников ни сил, ни средств недостает выбраться в эти места. Выюком — месяца три затратишь. Этак и на саму охоту времени не останется.

— Не об этом речь, Мария Ивановна, — перебил лесничий. — Вы суть расскажите, а сугубо охотничьи дела — зачем они ему? Семен Васильевич участковый, че охотовед.

— На следующий год я по первой породе снова пошла на то же место. И вдруг вижу: соболей стало меньше.

— Чувствуете? — спросил лесничий.

— Пока слышу, — отозвался Семен, — интересно.

— Участок Федора, — продолжала Мария Ивановна, — единственного человека, который охотится поблизости от этих мест, расположен слева. Федор Фадеич сдал в прошлом году пушину на две с половиной тысячи.

— Новыми, — заметил лесничий.

— Все соболя добыты им по лицензиям, прошли как самые дорогие — «высокая головка». А по экспортным ценам каждая шкурка такого соболя стоит немало.

— Золотом, — бросил лесничий.

— Так, — протянул Семен. — Значит, никто, кроме Федора, в этих местах не охотится?

— Трудно туда добираться. За морем телушка — полушка, да дорог-

перевоз. Федор, по-моему, там из-за одного упрямства живет, — сказала Мария Ивановна. — Налегке туда недели две пути, а со всем скарбом — месяца мало. Я-то налегке-шила.

— А сколько нужно времени, чтобы поймать, ну, полсотни соболей? — спросил Семен.

— Это какой охотник, — протянул дед Прокоп.

— Лицензий столько охотнику не выдается, — сказала Мария Ивановна. — Ведь он может истребить всех соболей на своем участке. Их потом двадцать лет разводить, а то и больше. Вот, чтобы разобраться в этом деле, я и иду снова в предгорья. И к Федору наведаюсь. Честно говоря, хотелось бы с вами вместе, Семен Васильевич.

— В общем, — как бы подводя итог разговору, сказал лесничий, — вы правильно заметили, Семен Васильевич, совершина кража. Преступник не найден. Подозрения ложатся на Федора Фадеевича Зимогорова. И пойти туда стоит, хотя вам, Семен Васильевич, можно и не торопиться.

Участковому понравился деловой подход лесничего ко всей истории с соболями, и доказательства Марии Ивановны представлялись обоснованными.

Вместе с лесничим Семен вышел из избы. Они уселись на колоде у входа.

— Мне по своим делам надо бы попасть в Горное. Я ведь там еще не был, — сказал Семен. — Это же центр моего участка.

— Отлично, Семен Васильевич! Неделей раньше, неделей позже. Такой срок в тайге роли не играет. Это по-городскому все равно, что в гости сходить. Ну, задержитесь на неделю. Догоните Марию Ивановну. Дело-то нехитрое. Я к тому, что человек она горячий, а вы спокойно разберетесь. А я вместе с Мариной Ивановной пойду. Нам по пути. Мне в том районе таксацию леса закончить надо.

В ГОРНОМ

На вершине сопки виднелся огромный выворотень, похожий на одеревеневшего осьминога. Корни-щупальца казались черными на вечернем небе.

Семеч схватился за корневище, вскарабкался, присвистнул от неожиданности.

Открывалась долина, освещенная рыхим закатным светом. Внизу лежало Горное. Плетни делили землю на ровные квадраты. В каждом загоне — изба.

«Добрался. Сам. Сам, черт возьми!» — обрадовался Семен.

Он спустился к деревне. Собаки равнодушно бродили по дворам. Мальчишки в рубахах, выпростанных из штанов, оставили игру и молча смотрели ему вслед. Женское лицо приплоснулось к стеклу в окне крайнего дома.

На завалинке сидел старик в серых

штанах с синей и зеленой заплатами на коленях. Он сосредоточенно тесал чурку и, не подняв глаз, спросил у Семена, когда тот проходил мимо:

— Далеко ли?

— В заготконтору.

— На том краю. Видишь светлый тес на крыше?

В дверях заготконторы Семена встретил высокий сухопарый старик с тяжелым взглядом красноватых глаз. Ничего не спрашивая, он пропустил Семена в дом и пошел за ним.

В доме сохранилось дневное тепло и стоял плотный инистрибимый запах старого курева.

— Антип я, — сказал старик и запнулся. — Так ить... Несподручно в сапожках-то по тайге ходить. Ишь, как расхлябались! Другую обувку-то надо вам, таежную... Спать-то будете здесь, начальник? Или пойдете к кому постоим.

— Надо мне комнату снять. Да уж это завтра. Здесь пересплю, если не возвращаю.

— Сейчас тулуп принесу, начальник.

— Какой я начальник? А тулупа мне не надо. Да и вы как же?

— Мне привычно. Случилось что? — спросил Антип.

— Я просто новый участковый. Вот и пришел познакомиться.

* * *

С утра охотники набились в заготконтору. Курили махорку и разговаривали разом. Окна почему-то были закрыты, словно январь на дворе.

— Вот что, товарищи охотники, — сказал Семен. — Надо по душам поговорить. Поблизости от участка Федора Зимогорова обнаружена пропажа соболей.

Разговоры оборвались.

Только старик Антип, сидевший у окна за столом, заваленным бумагами, поднял голову:

— Так ить...

Пожилой охотник с темным обветренным лицом стасил с головы ушанку, вытер платком белую лысину, потом шею и лениво сказал:

— Спешите куда, Семен Васильевич? Может, пропажи-то и не было.

— Я не спешу. Мария Ивановна сообщила мне о своих наблюдениях.

— Мы тоже против браконьерства, — сказал лысый. — И против одиночного и против массового. Особенно. А если мы и дальше станем охотиться на ближних участках, то это и будет самое что ни на есть любое браконьерство. Выбит зверь вокруг Горного. Наскую сотню километров выбит. А дальше — нетронутый. Богаче, чем при Ерофееве Павловиче.

— При ком? — спросил Семен.

— Да при Хабарове самом. Перед войной ученыe там и соболя и ондатру выпускали. Реакклиматизировали, значит, фауну. Так они называли. Для чего же тогда зверя расселяли, как не для добычи? Это все равно, что пшеницу посеять, а убрать позабыть.

— Вы об этом знаете. А охотовед не знает? — спросил Семен.

— Кто что знает. Напугал ее лесничий. Никому не доверяет. «У меня целая Голландия на учете, за всеми не услужу». А чего за нами следить?

— Ладно. Пошли, ребята, — и лысый поднялся первым. За ним гуртом, сталкиваясь друг с другом в дверях, двинулись остальные. Чувствовалось, что люди несколько удивлены манерой участкового вести разговор: не то разговор, не то дознание.

«Плохо...» — решил участковый.

— Идемте обедать, Семен Васильевич. Чем бог послал, как говорится, — сказал Антип грустно.

— Спасибо за приглашение.

— Брезгуете?

— Что вы! Нет. Одно дело в тайге, другое в поселке. Чайная у вас хорошая. Я и завтракал там, как квартиру снял.

— Ну смотрите. Я ить от чистого сердца.

— Верю.

шина. На половине чайной было тихо, разговаривали степенно, сидели чинно.

Посетители Семену были знакомы. Они только что расстались в заготконторе. Только в углу, у зарешеченного окна, оставалось незанятое место.

— Не выпиваете? — поинтересовался охотник с белой лысиной, когда Семен устроился за столом.

— Бывает.

— Стесняетесь?

— Нет, просто не хочу.

— Жаль. Когда начальство выпивает, оно добреет. Правда? — лысый повернулся к охотнику с аккуратно постриженной бородкой, с кустистыми лохматыми бровями.

— Правда, — подтвердил густобровый. — Прошлый год приезжал к нам товарищ Седых. Охотничий наш царь и бог в районном масштабе. Выпить с нами он не побрезгал и на обещания не поспушился. Клялся и божился — будет промхоз. Да, видать, мы на радостях пере-

* * *

Чайная помещалась в пятистенной избе в центре села. В одной половине расположился магазин, а в другой — стойка, и около нее алюминиевые столы и стулья, крытые небесно-голубым пластиком.

Командовала и в магазине и в чайной веселая, но, видать, строгая жен-

поили его малость. Протрезвел он в районе, а вместе с хмелем обещания из головы испаряются.

Семен чувствовал, люди присматриваются к нему, прощупывают, и каждый вопрос, заданный ему, кроме обычного смысла, таил еще что-то, что нужно было разгадать.

— Буде, — сказал густобровый,

Иваном меня зовут. Терентьев. Вы, Семен Васильевич, не серчайте. Это ведь не от зла. И обижать людей не след.

— Выходит, — сказал Семен, — Мария Ивановна вам обещала промхоз. Седых — тоже, а дело-то ии с места?

— Так точно, — подтвердил Терентьев.

— А чего же это вдруг загорелось? Жили же без промхоза до сих пор.

— Оно как жить. И медведь живет. Полгода бродит, полгода спит, — азартно заговорил лысый, — так и мы жили. Зимой охотились, летом баловались, а весну и осень отлеживались. Вот приехала охотовед, расписала, что можно круглый год во всю силу работать. А ведь разве нам не хочется? Только Мария Ивановна-то вроде сама и на попятный. Забоялась чего-то...

— А кто соболей извел? — спросил Терентьев. И сам ответил: — Так мы уже лет десять как браконьерничаем!

охотимся — выбит зверь в окруже Подчинистую. Нам уже несподручно идти на ближние участки. А на дальние — ни сил, ни средств: не поднимем мы снаряжения. Туда загодя выходить нужно. Избушки строить. Тропы бить, всю снасть тащить.

— Значит, кто-то набезобразничал в тайге, а охотовед на всех и обиду и вину перенесла? Но ведь кто-то из охотников и виноват. Вот и помогите разобраться.

— Что же, с этой стороны вы, Семен Васильевич, куснули ловко. Только ведь это не наша вина. Зверь настоящего охотника любит. А заготконтора что? Купил охотник лицензию на соболя там, на сохатого, на кабарожку — иди. Где встретил — там и убил.

— Так чего же вам надо?

— Промхоз. Фабрику охотничую, чтобы понятнее вам было. Хозяйство в тайге нужно, а не отхожий про мысел!

— А кто против?

— Да никто. Только от этого нам

— А Федор как насчет промхоза? Терентьев нахмурил брови:

— Здесь эни с охотоведом-то разошлись.

— Вон как! — воскликнул Семен.

— Только, товарищ участковый, — заметил Терентьев, — расхождения здесь особого рода. Мария Ивановна, она за постепенность, так сказать. Сначала перевести на штатные единицы охотников, чтоб перед сезоном. А потом по мере необходимости и ягодами, и орехами, и грибами заняться. А Федор... Тот, чтобы сразу, по всем статьям. У Марии Ивановны свои соображения... Чтобы промхоз организовать, кредиты нужны. Сразу и лошадей, и трактора закупай, лодки, подвесные моторы. Оснащай все хозяйство, одним словом. А эта статья все районные доходы от охоты съест. Временно, конечно, а потом доходы возрастут. А Мария Ивановна не решается. Сейчас заготконтора план выполняет на полтораста процентов.

— Сейчас мы вроде единолични-

— Ну? — удивился Семен и подумал: «Опять подвох». — Факты давай.

— Мы с вами всерьез, — буркнул Терентьев.

— Так вы толком говорите!

Терентьев открыл голубые острые глаза:

— Толком и говорим! Близ села

не легче. Сам знаешь, когда никто не против, дело и не двигается.

— Я же не охотовед, а участковый милиционер.

— Будто нам чего от вас, товарищ участковый уполномоченный, нужно...

Участковый оглядел собеседников. Они словно спрашивали его: ты «за» или тоже «не против» — и в кусты.

ков. А в промхозе мы рабочие. Как на заводе, — сказал лысый.

— С оплаченным отпуском, с боле ляниями, коли заболел, — вставил Борис, охотник, сидевший за тем же столом.

— Погоди со своим отпуском, — остановил его Иван и как бы поды ткнул: — Государство получит вдвое-

ФОТОКОНКУРС ВОКРУГ СВЕТА

Искусенные солнцем горы древней страны Зуванд, на юге Азербайджана. Здесь среди гор возвышается колоссальный бюст мужчины в шапке, напоминающей средневековый головной убор. Бюст вытесан из цельной скалы. Этот монумент — причудливый каприз природы. Она изваяла скульптуру мягкими ладонями ветра и сверкающим резцом солнечных лучей.

Н. ДРОЗДОВ, Москва

втрое больше пушнины, когда промхоз будет.

— Я-то чем вам смогу помочь? — спросил Семен.

— Как чем? — развел руками Терентьев. — Теперь вы наш человек.

— Послушай, участковый, не хочешь ли ты узнать настоящего охотника? — спросил лысый.

— Еще бы!

— Ступай к Федору. Тогда поймешь, о чём говорили.

— Я думал к нему зайти, — проговорил Семен, но не стал рассказывать, что уже договорился с Марией Ивановной об этом. — Трудненько, конечно, придется одному.

— Зачем одному? — сказал лысый. — Возьми с собой вот Недонимку, — и показал на Прохорова. — Пойдешь, Борис?

Борис покосился на лысого, пожал

плечами, словно предоставляя им право решать.

— Так мне одному снаряжения не дотащить, — сказал Борис.

— Помогу, — поддержал Семен.

— Тогда что! — повеселел Борис.

— Ставь пол-литра, Недонимка! — воскликнул лысый. — Сам бы пошел, да тебе нужнее.

Только потом, выйдя из чайной, Семен остановился посреди улицы и понял все. Он едва не расхохотался.

«Купили! Вот устроили мне покупочку! Подговорили меня тащить Борисову поклажу! Ну и «охотнички».

Восхищенный, он даже головой покрутил.

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

По ночам тайгу трогали легкие кочевые заморозки. И вчера еще однотонная в своем зеленом наряде, она преображалась. Наутро загорались оранжевым пламенем осины, вспыхивали позолотой лиственницы.

Вторую неделю шли Семен и Борис по тайге, переваливая с сопки на сопку, утопая в густой зелени распадков, перебираясь по завалам и перекатам через быстрые речушки.

— Стой!

Крик был далекий, но ясный. Крик шел откуда-то сверху.

— Чего-то? — с испугом огляделясь Борис. — Бабий голос. Ей-богу, бабий! Откуда тут?

— Стой! Стой — стреляю! — приблизился крик.

Они остановились.

Того загудели кроны.

Борис зашептал:

— А ведь голос-то охотоведа нашего, слышишь... Ошалела, что ли? А и ухлопать может! Нагнись, — и Борис присел.

Далеким потоком шумел верховой ветер. Стволы сосен качались вразнобой. Неожиданно и резко скрипнуло дерево.

«Чем она так испугана?» — подумал Семен. И крикнул:

— Мария Ивановна! Мария Ивановна! Я участковый! Семен Васильевич. Со мной Борис Прохоров! Мария Ивановна отозвалась:

— Идите прямо на сопку.

Семен и Борис побежали.

Там, у сосны, возле шалаша, опирався на ружье, как на костьль, стояла Мария Ивановна. Нога ее была обмотана тряпками.

— Наконец-то... — сказала Мария Ивановна так, как будто они заставили ее долго ждать.

— Что с вами? — спросил Семен.

Мария Ивановна махнула рукой:

— А! Нога подвернулась. Пустяки! Она опустилась на камень у входа в шалаш.

— Неладное что-то стряслось. Вчера. Как раз под вечер. Выстрелы. Вон оттуда! Со стороны предгорий.

— И делов! — Борис фыркнул. — Там участок Федора. Скраб он мясного зверя. Самая пора.

— Выслушай сначала толком, — нахмурилась Мария Ивановна.

Семен сел на камень, снял фуражку, вытер платком лоб и затылок;

— Так вы толком и говорите. Когда и что произошло?

— Не знаю, Семен Васильевич, как вам лучше объяснить...

— Как ногу-то подвернули? — Семен уже знал Марии Ивановну. Начине ее расспрашивать, Мария Ивановна от волнения расскажет путано, а пока говорит про свою ногу, о себе — успокоится.

Это была даже не хитрость, а просто один из обычных приемов распроса.

— Да что нога? Спешка все... Это третьего дня случилось. Мы еще с лесничим шли, с Аполлинарьевичем. У Вороньего распадка, на каменной осыпи. Лесничий взобрался на камень, мне руку протянул.

— Ну? — поторопился Борис.

— Не перебивай, — попросил Семен.

— Меня не собьешь... Подал руку, хотел помочь да и поскользнулся сам. То ли ненароком мою руку выпустил. Ну нога и попала в расщелину. Сгоряча — ничего. Только потом чувствуешь — дальше ни шагу. Ступлю на ногу, а в глазах эти самые... огненные муhi прыгают.

— А он-то что? — настойчиво спросил Борис.

— Лесничий ногу перебинтовал. Перелома-то вроде нет. Повязку наложили. И обидно мне, что идти дальше не смогу. А он, чувствуешь, мается. Знаю — дела. Он мне еще по дороге уши прожужжал про дела-то. И такое со мной.

Семен про себя отметил: «Успокоилась...»

— Я подумала: чего со мной сделается, если отпущу его? Ну, побуду одна три дня. Вернется — выберемся. Говорю ему: я подожду. А самой, ох, как не хотелось, чтобы он ушел.

— А он? — снова спросил Борис.

— Он сперва ни в какую. Что же, говорю, вы меня за человека не считаете? Если бы с вами мужчина был, небось не задумываясь пошли. Помслялся он. Сказал: «Вернусь через день, к вечеру».

— Значит, он должен был прийти еще вчера? — стал уточнять Семен.

Мария Ивановна кивнула.

— Сейчас семнадцать, — взглянул на часы Семен. — Опаздывает на сутки.

— Выходит, — согласилась охотвед.

— Напрасно вы перепугались, Мария Ивановна, — сказал Борис. — Он и стрелял. Предупреждал: не бойтесь, мол. я поблизости. И всего! — Борис с силой развел руки в стороны. — Давайте лучше чаевать. Костер запалим побольше, чтоб он шел на огонь.

— И вы думаете, все это просто так? — сказала Мария Ивановна участковому.

Тревоги охотоведа Семен просто не понял: стоит ли удивляться стрельбе в краю охотников?

— Я считал, что вы смелее, — улыбнулся Семен.

— А я думала, вы серьезнее.

— Эх, таежники! Пойду за хвостом. — Борис хлопнул ладонями по коленям, поднялся, словно говоря: баба — она баба и есть.

Мария Ивановна повернулась к Семену.

— Он обещал — к вечеру. В шесть часов. А он человек точный. Он знает, что мне не по себе одной. Я ведь фактически беспомощна, — как бы оправдываясь, быстро добавила: — Как, впрочем, любой другой на моем месте. А в тайге-то кого хочешь оторопь возьмет — от одиночества-то и погибают.

— Это верно, — согласился участковый.

— И вот к вечеру оттуда, — Мария Ивановна махнула рукой в сторону предгорий, — от старицы... Там по карте старица. Оттуда и донеслось пять выстрелов. Один за другим. Нервные выстрелы. И ощущение у меня такое было, что не просто по зверю. Однажды, когда на практике еще была, я слышала такую стрельбу. Потом оказалось, что медведь на охотника напал. Понимаете, почему я говорю — нервные? Это не объяснишь...

— Понимаю.

— Я в шалаше дремлю. Глаза закрыты, а сама прислушиваюсь. И чудится, чудится, будто крадется кто-то к тебе. Вдруг выстрелы. Далекие. Вскочила я. И все время идет этот верховой ветер. Накатами. Чуть он приутихнет, слышится мне: кричит

человек. Я-то и помочь ничем не могу. И куда-то лесничий запропастился. Тут и я, как Борис, решила — зверя убили.

Мария Ивановна склонила голову, прислушалась.

Ветра не было. В кустах неподалеку возился Борис.

— Нет, сейчас не чудится. Знала ведь: кричит, не кричит кто там — не услышать мне. Но винтовку лесничего я, по-моему, узнала. Звук с оттяжкой. У короткостволого оружия звук такой замкнутый — дуд. А длинностволое-то по-иному — дук. Карабин, он в тайге удобнее, но лесничий говорил, что привык к своему «ПТР». Так в войну противотанковые ружья назывались. У его винтовки оттяжка в точности «к» выговаривает.

— Ошибиться вы, Мария Ивановна, не могли?

— Да... как вам сказать? Далеко это было. И нервы, тыфу, у меня чуточку того, — Мария Ивановна смущенно улыбнулась. — Впервые я калекой в тайге. Раньше мне ничего не чудилось. Я любого мужика бы за это «чудилось»... А вот этой ночью... Я вам, Семен Васильевич, правду говорю.

Семен глянул в лицо собеседницы. Ее взгляд был доверчив и чуточку растерян.

— Что вы, Мария Ивановна! Ничего не случилось. Зверя мясного добыл — всего-то!

— Его сутки нет. В тайге такими вещами не шутят.

— Нет причин для беспокойства.

— Н-не знаю...

— Стрелял-то он сам. Вы же узнали его оружие?

— Не нравится мне все это. — Мария Ивановна потрясла головой. — Все это как-то...

— Нерви, Мария Ивановна.

— Будто мне очень хочется, чтобы что-то случилось!

— Почудилось, вот и все. — Семен чувствовал: не договаривала Мария Ивановна всего, что думала, поэтому так и ответил.

— Ведь здесь участок Федора, — сказала Мария Ивановна. — Он не навидит лесничего за то, что тот догадывается о его проделках. Я и пошла в эти края Федоровы дела проверить...

— Ждем ночь, — ответил Семен. — Если лесничий не придет, искать придется. Не мог он заблудиться или бросить вас.

— Ясное дело, ясное...

Семен начал волноваться с того момента, когда Мария Ивановна успокоилась. Пропажа лесничего, выстрелы, намек на Федора...

Участковый понимал: если что и случилось там, в предгорьях, то уж серьезное.

Встретились на узенькой дорожке люди с крутыми характерами.

(Продолжение следует)

НАШЕ КОСМИЧЕСКОЕ ЗЕРКАЛО

Можно ли, глядя на Луну, догадаться, какая погода сейчас преобладает на земном шаре: ясная или пасмурная? Можно. Не всегда, правда, а только во время лунных затмений.

Помните, как выглядит затмение? Яркий кружок Луны на глазах становится ущербным, превращается в мячиц, наконец, исчезает. Но не совсем. На небе висит что-то вроде крупной вишни — тусклово-красный диск. Это лучи Солнца, преломившиеся в атмосфере Земли, освещают красным полусветом нашу небесную спутницу. На Луне в это время солнечное затмение. На бархатно-черном ее небе — черный круг Земли окружен ярко-красным кольцом освещенной атмосферы. Все пылающие закаты и розовые утренние зори Земли дают вместе такое сильное освещение лунной поверхности, что где-нибудь в море Дождей на Луне во время затмения, пожалуй, можно читать.

Если наблюдать лунное затмение не один раз и внимательно, нетрудно заметить, что яркость затмений Луны бывает разной: иной раз Луна почти черная и еле заметна на небосклоне, а иногда — очень яркая. Это прежде всего зависит от прозрачности атмосферы, а значит, и от погоды по всей полосе закатов и восходов, то есть по всему кольцу границы дня и ночи на Земле.

Луна — экран, на который проецируются солнечные лучи, прошедшие через огромную призму — атмосферу нашей планеты. Изучая свет затмений Луны, можно судить не только о прозрачности этой призмы, но и о составе ее высоких слоев, труднодоступных земному исследователю. В частности, земную тень ученыe использовали для изучения озона в атмосфере.

Тонкий слой озона образуют на больших высотах — в так называемой озонасфере — лучи Солнца, вернее их ультрафиолетовая часть. Значение его для всего живого очень велико. Озон задерживает наиболее губи-

тельный жесткий луч ультрафиолетовой радиации Солнца. За этим слоем ведутся непрерывно наблюдения.

Содержание озона в атмосфере можно определить прибором — спектрометром. Чем шире на фотопластинке темная полоса, означающая, что часть солнечного спектра поглотил озон, тем, значит, больше озона между прибором и Солнцем.

Ну, а если требуется узнать, как распределается озон по высоте? Вот тут-то и приходит на помощь лунное затмение. Атмосфера преломляет солнечные лучи. Чем ближе к поверхности Земли проходит луч, тем больше он отклоняется от прямой и, следовательно, тем ближе к центру он отражается на Луне. Вот и получается, что тень Земли на лунном диске — это готовая схема строения ее атмосферы: в центре Луны — проекция самых низких и плотных слоев земной атмосферы, к краям — все более высоких, разреженных. Ученые читают эту схему и соотносят полученные результаты с высотой соответствующих слоев воздушной оболочки Земли.

Так выяснилось, что содержание озона в воздухе возрастает обычно до высоты 15—20 километров, а дальше, до высоты 60 километров, оно постепенно сходит на нет.

«Лицом к лицу лица не увидать», — сказал поэт.

Глядя на наше космическое зеркало — Луну, ученые смогли узнать одну из черточек лица нашей планеты.

А. ГАНГНУС

Человек, одетый в шкуры, живущий в пещерах, едва научившийся обтачивать камни, высекать огонь, еще не умевший возделывать поля, приручать животных, — мог ли он создать великолепные шедевры искусства, изображения точные, живые, совершенные по исполнению?

Теперь мы знаем хорошо — мог. Рисунки древнейших людей найдены в странах Европы, Африки, Азии, рассортированы по эпохам, изучены по стилям, рассмотрены в связи с общей историей развития человека.

А как было добыто это знание?

Писательница из ГДР Елизавета Гартенштайн возвращается в своей книге читателя на сто, восемьдесят, семьдесят лет назад. Антропология тогда лишь становилась на ноги. Дарвин отставал свои гениальные идеи от многочисленных противников. А первые смельчаки, посмевшие утверждать, будто древнейший человек знал искусство, были подняты на смех.

История открытия наскальной и пещерной живописи, как, впрочем, история любой науки, развивалась в борьбе передовых и реакционных сил, в борьбе, не лишенной трагических сцен. Об этом и рассказывает книга «Тысяча лет — как один день», главы из которой мы публикуем в этом номере.

Е. ГАРТЕНШТЕЙН

ТЫСЯЧА ЛЕТ — КАК ОДИН ДЕНЬ

ТАКАЯ ЖЕ, КАК И ВСЕ?

В 30 километрах западнее испанского города Санандера, у деревни Альтамира, есть невысокий холм. С него открывается чарующий вид. К югу видны причудливые очертания огромных Кантабрийских гор. На западе остроконечная гряда Пикос-де-Эуропа очерчивает границу между землей и небом — ослепительной белизной сверкают ее вершины. К северу в безбрежной дали синеет океан.

Человек медленно поднимается на холм. Через плечо у него перекинуто ружье. Он охотник. Впереди бежит собака.

Но что это? Вдруг посреди луга собака исчезла, как сквозь землю провалилась. Охотник спешит туда и слышит откуда-то снизу тихий приглушенный скрежет. С трудом разбирает он нагроможденные в беспорядке глыбы.

Охотник внимательно осматривает расчищенную щель, пролезает в нее и убеждается, что ход отсюда ведет в глубь горы, в пещеру.

Пещера не производит на него особого впечатления. Удивляет только, что она находится на почти ровном месте — нет поблизости ни крутых склонов, ни скал. Крупным камнем охотник закрывает дыру в земле, чтобы нечаянно кто-нибудь не провалился в нее.

Встретившись с владельцем луга доном Марцелино де Сотуолой, он рассказывает мимоходом и о своем приключении.

Дон Марцелино де Сотуола очень занятый человек. Он адвокат и вот уже несколько лет защищает интересы жителей провинциального городка Сантиланы и его окрестностей. Но любимая его наука — археология. Свободные часы он проводит за чтением археологических трудов. Сотуола знает об открытых во Франции пещерах, где были найдены следы древних людей, выписывает но-

вники об исследованиях в области предыстории человечества. Ему тем не менее долго не приходит в голову заняться раскопками в пещере, находящейся на его собственной земле, вблизи имения Альтамиры. Лишь через семь лет он, наконец, решает посетить ее.

...Гладкая глинистая почва — как будто никто до Сотуолы не появлялся в пещере со временем ее возникновения. Это вызывает у исследователя чувство радостной тревоги. Идти нетрудно. В одной руке держит свечу, другой ощупывает стены. Вдруг рука повисает в пустоте. Сотуола приподнимает свечу и видит, что стоит в гроте.

Археологу приходит в голову мысль, что в этом гроте могли жить первобытные люди. А что, если сохранились их следы? Сотуола приносит лопату и осторожно перекапывает весь глинистый пол грота...

И вот при свете свечи он рассматривает несколько удлиненный кремень с отточенным острием и чуть блескующим лезвием. Его пальцы дрожат. Чьи руки притрагивались в последний раз к этому орудию? Сколько лет могло пройти с тех пор? Тысячи, десятки тысяч? Глубокая тишина кажется наполненной звука-

ми. Давно ушедшие в вечность голоса словно гудят вокруг него...

Сотуола нашел еще несколько кремней с острыми краями — несомненно, их обрабатывала человеческая рука. На одном из таких кремней — зубья, как у пилы. На другом плоском камне нарисованы штрихи. По своей конфигурации они напоминают голову животного. «Может быть, это случайное совпадение? Ведь здесь жили обезьяноподобные «дикари». Им и в голову не могло прийти украшать камень», — так думал тогда исследователь.

В 1878 году Сотуола посетил Всемирную выставку в Париже. Перед отъездом во Францию тщательно упаковал адвокат из маленького испанского городка свою скромную добычу в чемодан — ему хотелось сравнить ее со знаменитыми находками, которые будут экспонироваться на выставке. Ученому было немного боязно. А что, если он ошибся, если его находки — случайные творения природы?

К большому удивлению Сотуолы, в археологических коллекциях оказалось немало предметов, на которых были выгравированы изображения животных, живших в ледниковый период. Значит, искусство все-таки существовало у древних людей?

Найдки Сотуолы осмотрел знаменитый археолог того времени Пьет, с которым испанцу удалось познакомиться здесь же, на выставке. Он уверил археолога-самоучку, что это действительно орудия древнего человека. Рассказал Пьет и о том, как надо вести раскопки, как распознавать подлинность находки. Домой Сотуола вернулся, горя желанием продолжать исследования.

«TOPS! TOPS!»

«Возьми меня хоть раз с собой, папа! — просит пятилетняя девочка отца. — Завтра, ладно? Мне очень хочется».

Мария — в пещере со свечой в руке. Сначала ступает она на цыпочках, робко, озираясь. Но проходит некоторое время, девочка смелеет и, упираясь маленькими ручонками в холодную, сырую стену, осторожно пробирается вдоль нее. Она рискует даже забраться в дальний конец помещения, туда, где отец может передвигаться только ползком. Здесь большие глыбы свисают с потолка, отбрасывая длинные причудливые тени. Вдруг Мария пугается так, что свеча падает у него из рук. «Торс, Торс! Бык!» — кричит она и бежит к отцу.

Сотуола успокаивает дочь: «Иди поиграй. Откуда здесь взяться быкам?» Но возбужденная девочка не унимается и тянет его за руку туда, где она сделала свое открытие.

Взглянув на потолок, выходит из равновесия и ученый. Тысячелетия было скрыто от человеческого глаза то, что увидели Сотуола и его дочь. Скалистые выпуклости выделяются на потолке, формами они напоминают туловища отдыхающих животных. Но что это за линии, которыми они очерчены, краски, которыми они покрыты? Черные, коричневые, красные и желтые, они светятся так, как будто их нанесли только вчера. Краски влажные — следы остаются на пальцах. Здесь нет печати времени. Здесь тысячи лет прошли, как один день.

Животные, которых Мария приняла за быков, были бизонами. Вот один щиплет траву, другой лежит, еще один падает от стрелы охотника. Высокие гривы, выразительно обрисованные головы, ноздри точно шевелятся от дыхания.

Как эти изображения очутились в древ-

ней пещере? Сотуола совершенно уверен, что за последнее время никто, кроме него, не был в ней, каждый чужой след обратил бы на себя его внимание. И потом зачем современному художнику рисовать давно вымерших животных? Но чтобы те «дикари», изготавлиявшие каменные орудия, могли создать такие совершенные произведения — невероятно! Археолог стоит в оцепенении. Он мучительно раздумывает и не находит никакого объяснения. Но все больше его захватывает красота изображений. Он так взволнован, что крепко прижимает к себе голову юной первооткрывательницы. Пусть она не видит слез восторга, которые навернулись ему на глаза...

Чем дольше Сотуола рассматривал картины в пещере, тем больше он приходил к убеждению, что только охотники могли быть их творцами. Только тот, кто долго наблюдал животных, мог изобразить их в таких подробностях, в таких разнообразных позах. Археологу пришла мысль, что над рисунками работало, верно, много поколений. Часть живописи со временем подновлялась. Встречались изображения сложные и попроще — очевидно, они относились к более древним временам. Итак, охотники, одетые в звериные шкуры, были создателями чудесных картин. А каковы были они сами? Насколько развито было их мышление?

Раздумывая об этом, сидел Сотуола на полу пещеры. Мерцали маленькие огоньки расставленных вокруг свечей. Глаза животных смотрели на него с потолка грота то сонно, то опасливо, то угрожающе.

Неожиданно археолог вспомнил о плоском камне со штрихами, который нашел в пещере раньше. Такие же видел он и в Париже. Ученые рассматривали такие украшения на орудиях труда как некую детскую забаву. А между тем среди них ведь было немало вещей тонкой работы. Разве они не свидетельствуют о большом мастерстве?

В 1809 году молодой швейцарец Буркхардт, ученый и путешественник, обнаружил на базаре сирийского города Хама камень, покрытый причудливыми линиями. Маленькие фигуры и знаки напоминали иероглифы.

Буркхардт не придал особого значения своей находке, и в книге, вышедшей через пять лет после его смерти, уделил ей всего несколько строк.

Хаматскому камню было суждено быть открытым заново только через 60 лет.

Его, а также еще несколько других камней, обнаруженных неподалеку от города Хама, ученые доставили в Стамбул. А гипсовые слепки, снятые с них, отправили в Британский музей в Лондоне. Вопрос о происхождении этих надписей налагало занят умы ученого мира.

И вот археолог Райт предложил свое решение загадки: по его мнению, это могли быть только язык и письменность хеттов, народа, который никогда не правил Сирией и поддерживал отношения с египетскими фараонами.

Дальнейшие поиски и раскопки дали в руки ученых множество памятников хеттского письма. Хетты употребляли клинописную технику и иероглифы. И если клинопись была учеными дешифрована сравнительно быстро, то дешифровка иероглифов затянулась почти на 80 лет.

Так весь образованный мир узнал о существовании великого Хеттского царства с 1600 по 1200 год до нашей эры.

Книга Эриста Добльхофера «Знаки и чудеса»¹ — это книга о письменности. В ней собрано несколько увлекательных рассказов о том, как были открыты и дешифрованы забытые письмена и языки древних народов мира.

Автор прослеживает сложный путь глиняной таблички с таинственной надписью от лопаты археолога — через записи путешественника и частное собрание любителей древностей — в кабинет ученого, знакомит читателей с творческой лабораторией выдающихся дешифровщиков, чьи знания, талант и целестремленность заставили заговорить, казалось бы, навсегда умолкнувшие камни.

В. СИНИЦЫН

¹ Эрист Добльхойфер. Знаки и чудеса. Издательство восточной литературы, 1953.

ВСЕ ПРОТИВ СОТУОЛЫ

Зал города Сантандера был набит битком. Наступила напряженная тишина, когда перед зрителями представили зарисовки пещерных изображений. Докладчиков — Сотуолу и его нового сторонника профессора Виланову из Мадридского университета — слушатели приняли так, как обычно принимают знаменитых артистов...

На следующий день городские газеты раскупались нарасхват. Первые полосы их были заполнены докладами о находках. Жители Сантандера немало гордились тем, что в их отдаленной провинции произошло столь важное событие. Вскоре весть о пещерной живописи дошла и до Мадрида.

Пещера Альтамира стала известной по всей Испании. В Сантилане появилась масса паломников. Даже испанский король с семьей и двором изволил посетить пещеру.

Сотуола радовался, как ребенок, но, увы, преждевременно.

Итог своих исследований археолог изложил в книге, которую представил Международному конгрессу по антропологии и доисторической археологии, проходившему в 1880 году в Лиссабоне. Туда съехались биднейшие ученые. На повестке дня наряду с другими вопросами стояла и дискуссия об изображениях в Альтамире. В залах заседания были развесаны их уменьшенные копии. Докладывал, как это было предусмотрено, профессор Виланова. Он подробно изложил доказательства того, что открытая Сотуолой живопись относится к глубокой древности.

Ученый достаточно часто принимал участие в обсуждениях такого рода и знал, что каждое новое открытие вызывает сомнения, возражения. Но все же атмосфера в зале ему не нравилась. Что-то враждебное виделось в глазах слушателей.

Другое дело — Сотуола. Он был так полон решимости внести свой вклад в науку, что ничего не замечал.

Поднялся на трибуну председатель собрания. Он говорил медленно и монотонно, что придавал его речи оттенок высокомерия и безразличия.

«Я думаю, господа, что выражу наше общее мнение, если констатирую, что предыдущий оратор предъявил нашему доверию слишком высокие требования. Все мы знаем большое количество египетских и вавилонских художественных произведений. Египет — это родина художественного искусства. До этого не было другого. То, что профессор Виланова утверждает, противоречит всему, что известно о развитии человечества. Я полагаю, мы собрались не для того, чтобы тратить дорогое время на недостаточно проверенные, шаткие доводы. По-моему, мы можем обойтись без дискуссий по этому вопросу. Или, может быть, кто-нибудь просит слова?»

Он оглянулся и с удовлетворением убедился, что ни одна рука не поднялась. Никто не выступил в защиту открытия, никто не принял предложения посетить место находки.

Нам, людям XX века, способ, каким участники конгресса отклонили замечательное открытие, представляется недопустимо легкомысленным и недостойным серьезных ученых.

Но дело было не в легкомыслии.

Материалистические взгляды на историю развития человечества в то время еще только пробивали себе дорогу. Всего девять лет прошло с тех пор, как появилось произведение Дарвина «Происхождение человека». Бушевала ожесточенная борьба мнений. Ученые, утверждавшие, что человек произошел от обезьяноподобного предка, подвергались нападкам. Последователи консервативного направления не хотели отказываться от своей веры в текст библии. А тут от них требовали признать, что «дикари», «полуобезьяны», ничего общего не имеющие с Адамом и Евой, создали шедевры живописи.

Но не только реакционеры — и передовые исследователи не могли сразу по достоинству оценить открытие Сотуолы. Сегодня мы знаем, что изображения в пещерах на севере Испании возникли примерно

между пятисттым и сотым столетием до н. э., в период позднего палеолита. Знаем, что до этого периода со временем своего появления человек прошел уже длинный путь. Однако для ученых Лиссабонского конгресса этот путь был еще неведом. По их мнению, в палеолите жили люди-полуживотные.

...Во время перерывов участники конгресса в одиночку или группами с любопытством останавливались перед зарисовками пещерных изображений. Сотуола бросался от группы к группе, пытаясь высказать свои доводы: пещера была нагло закрыта до тех пор, пока охотник не обнаружил ее, кроме него и его дочери, никто не ступал в нее, пока он не ввел туда профессора Виланову. Наконец, чтобы создать обнаруженные рисунки, должны были потребоваться долгие годы. Его слушали, вежливо и снисходительно улыбались и говорили примерно так: «Но, многоуважаемый, никто ведь не считает, что вы хотите нас обмануть».

Но дискуссия, официально отмененная, все же разгорелась в коридорах. Все страсти, что накопились во время яростной борьбы вокруг нового учения о происхождении человека, нашли свое отражение в этой дискуссии. Сотуола этого не знал...

Разочарованный, опечаленный, вернулся он с Лиссабонского конгресса.

А вскоре и испанская пресса, которая раньше на все лады воспевала открытие Сотуолы, разразилась бранными статьями. «Фальсификатор из Альтамиры» — гласили заголовки.

Казалось бы естественным, если бы Сотуола, огорченный, отказался от дальнейших попыток рассказать ученым о том, о чем они не хотели знать. Однако археолог продолжает борьбу.

Казалось, он черпал новые силы, глядя на замечательные произведения искусства, открытые им. Его как бы вдохновляло мужество их творцов, смелых охотников, которые со своим примитивным оружием выстояли в борьбе за существование.

Уже через два года на французском антропологическом конгрессе и вскоре после этого на международном конгрессе в Берлине он вместе с Вилановой заявляет протест против непризнания открытых изображений, требуя нового рассмотрения.

И опять ледяное молчание было ответом. И Виланова, боясь за свою университетскую кафедру, отказался от всех своих прежних заявлений. Сотуола остался один. Никто больше не приезжал в Сантилану, чтобы осмотреть Альтамиру. Но исследователя тянуло в пещеру, где он мысленно вел беседы с древним художником.

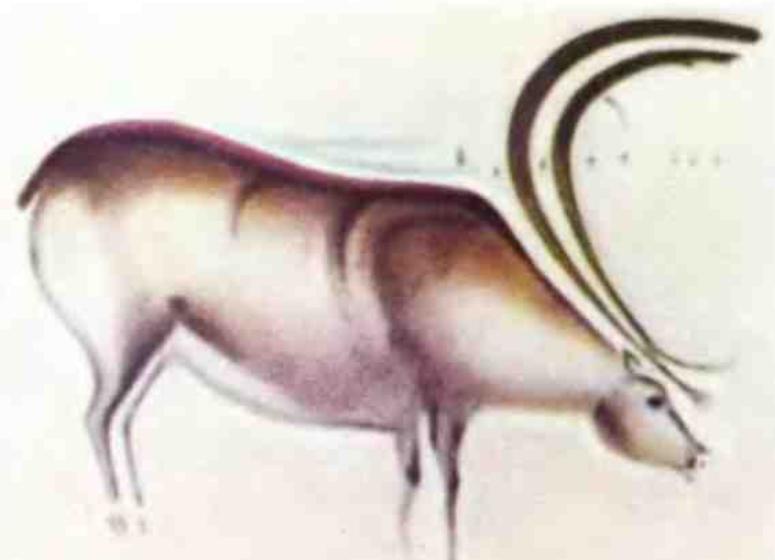
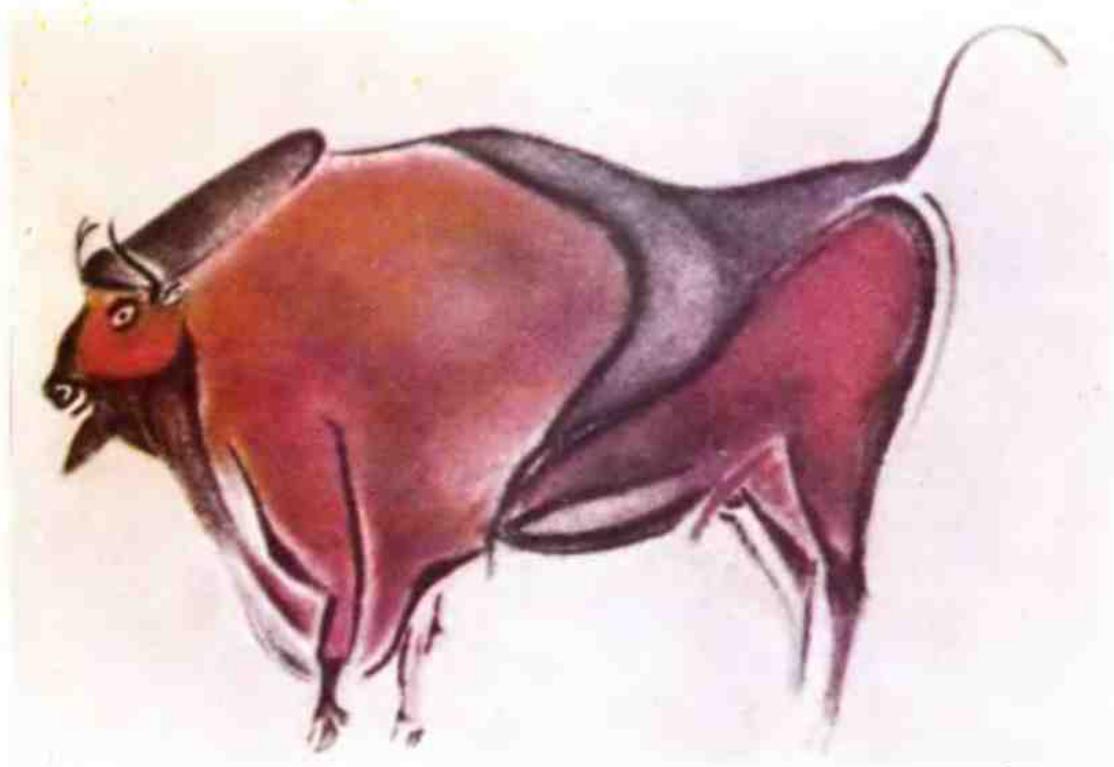
Удивительно, как часто Сотуола ни рассматривал изображения в главном помещении пещеры, каждый раз его охватывали трепет и благоговение! А с каким чувством должны были смотреть на них люди ледникового периода! И что означают эти странные знаки, штрихи? Почему именно эта темная пещера так нарядно украшена, а другие гроты поблизости почти лишены рисунков?

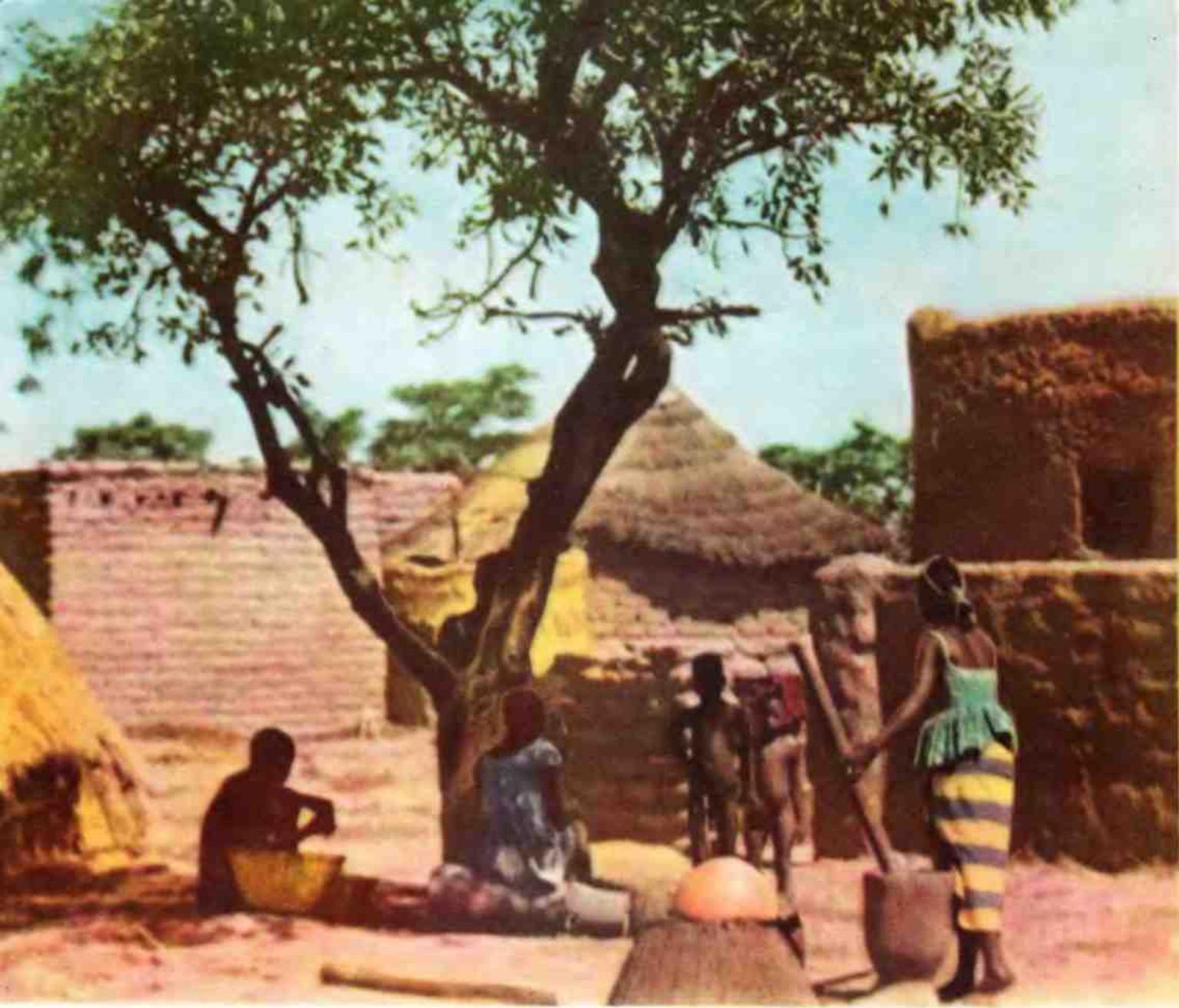
Ответить на эти вопросы, вставшие перед первооткрывателем, Сотуола сам, конечно, не мог. Может быть, другие, которые, возможно, после него будут здесь заниматься исследованием, окажутся более счастливыми. Ведь когда-нибудь ученые мира должны признать замечательное искусство древних.

В это он не переставал верить до своей смерти. Человеку, который продолжит его дело, Сотуола завещал орудие своего труда, свою археологическую лопатку в знак благодарности и в знак ответственности того — будущего преемника — перед историей.

Перевод с немецкого Ю. БОГУСЛАВСКОГО
и И. БОГУСЛАВСКОГО

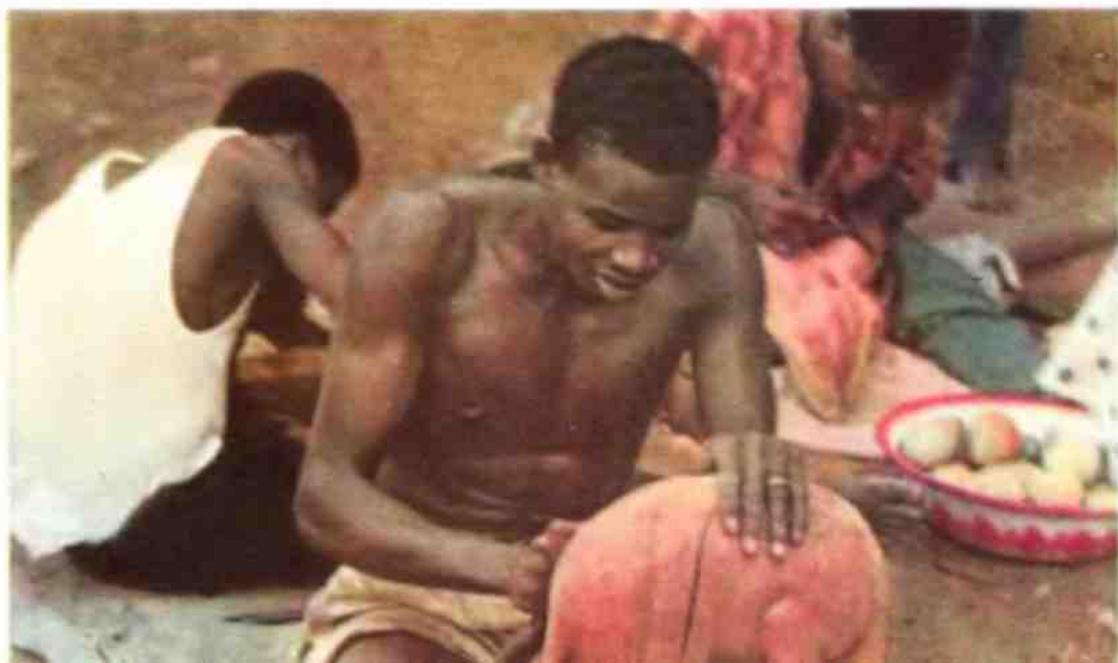
→
Точность, яркость, живость этих созданий древнейших мастеров не могут не восхищать всякого, кому довелось побывать в пещере Альтамира — одном из самых популярных ныне мест паломничества художников, искусствоведов, антропологов и просто любителей искусства.

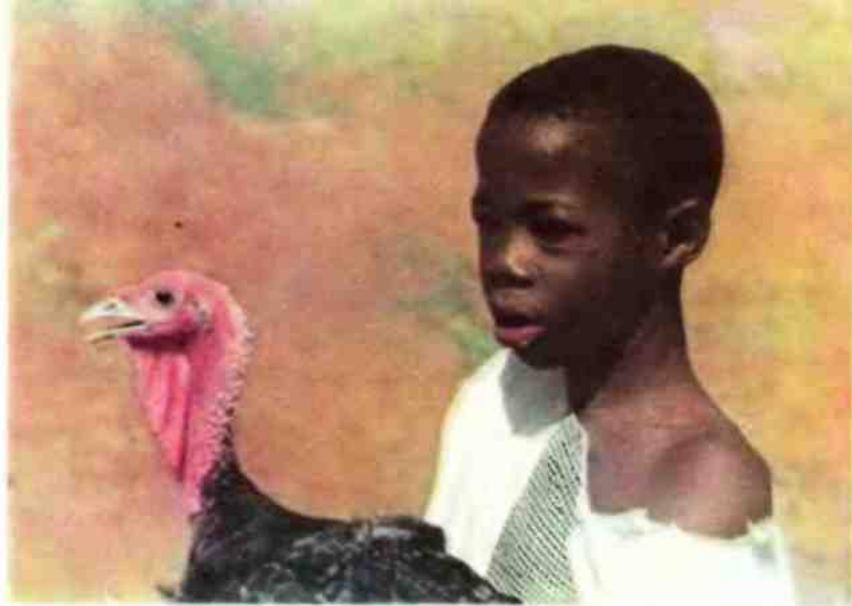

Под кроной дерева в полуденный зной собирается вся семья.

Последнее движение резца, и из куска дерева рождается грациозная антилопа.

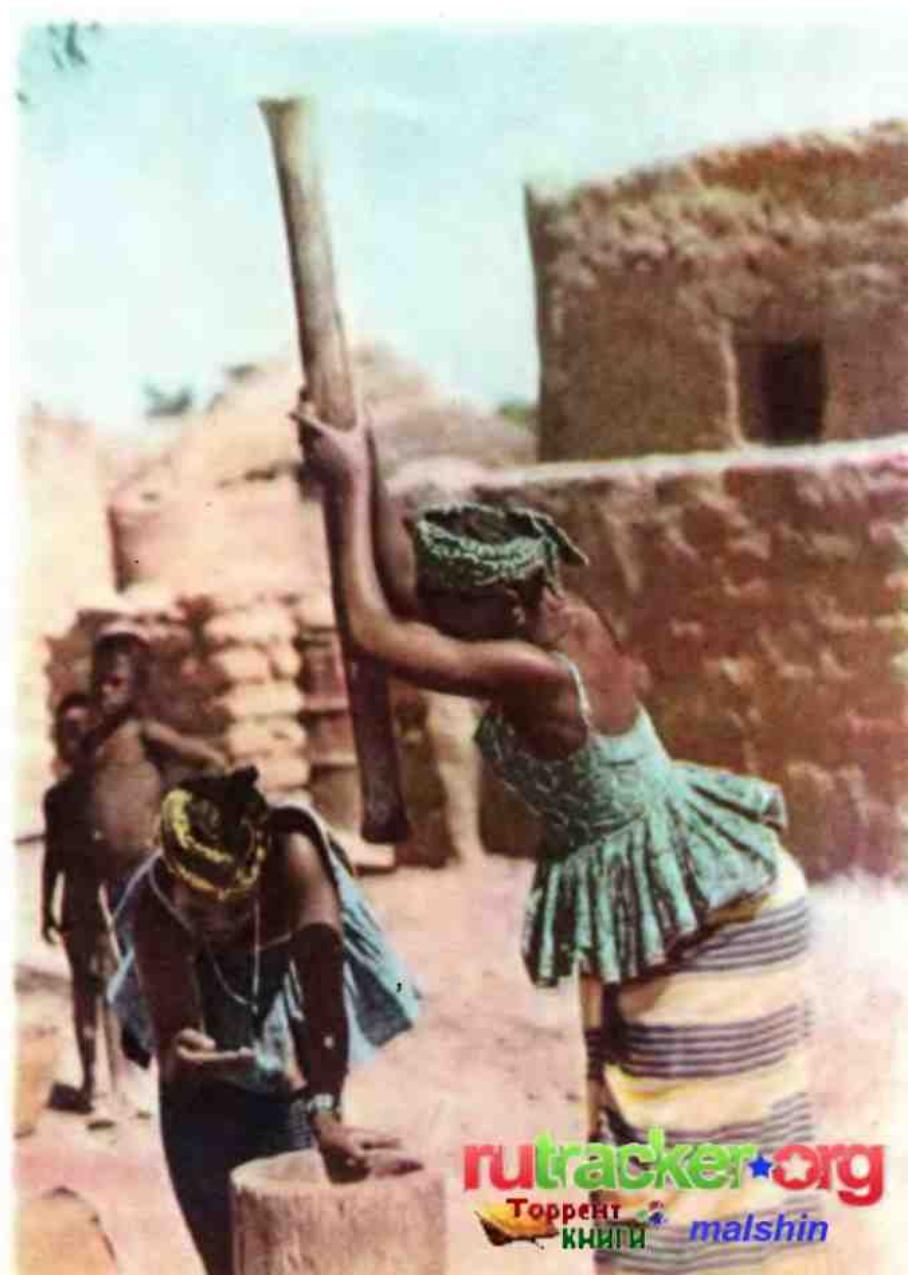
ПОЛДЕНЬ В МАЛИЙСКОЙ ДЕРЕВНЕ

Фото Ю. ЯСНЕВА

Часами ждет покупателя мальчишка на деревенском базаре.

Стук деревянного пестика о ступу возвещает, что скоро хозяйки начнут печь лепешки из перемолотого сорго.

Дома, загоны для животных, заборы и ограды у колодцев — все это сооружают из глины, смешанной с соломой.

РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ,
польский писатель

в пещере Туачаро

Повесть

Рисунки Г. ФИЛИППОВСКОГО

Наконец я высвободил из-под камней руку и ринулся вверх. Выскочив из пучины, поплыл к берегу, хватая ртом воздух. Где-то наверху блеснул свет.

— Все в порядке! — крикнул я.

И в тот же момент ударился головой о скалу. — Плыви вдоль стены! — донеслось сверху.

Эхо, глухо повторив слова, заполнило грот. Я перевернулся на спину и поплыл. Надо мной замигали огоньки фонаря.

Наконец, собрав последние силы, я выбрался на берег и потерял сознание. Очнувшись, услышал хруст гальки. Я поднял голову. Из расщелины в стене вышел человек. Он нес перед собой карбидную лампу.

Я узнал Силью.

Если я позвоню ей, она испугается. Пусть сначала услышит крики Бельского и Стшелецкого. Силья присела, набрала в котелки воды и пошла обратно. Я слышал, как под ее ногами шуршат обломки камней. Когда Силья исчезла за поворотом, я вскочил и бросился за ней.

— Сеньорита! — крикнул я. — Сеньорита Фермин!

— О боже!

— Как вы себя чувствуете?

Фермин бросила лампу. Кинулась ко мне и, охватив за шею, начала обнимать и целовать, выкрикивая непонятные слова.

— Ну, успокойтесь. Как ваши товарищи?

Она кивнула головой и закрыла глаза

«Ничего страшного, она только ослабела, — подумал я — Сейчас придет в себя. Это обморок от голода и внезапной радости»

Окончание Начало в № 6, 7.

Сквозь темное отверстие, ведущее в зал, доносились удары молотка, вбивавшего крюки. Бельский и Стшелецкий еще не знали, что здесь произошло.

— Эй, вы там! На галерее! — закричал я. Удары прекратились. — Я нашел девушку! Здесь они все!

Минуту они молчали, ошарашенные неожиданным известием. Потом пещера наполнилась радостными криками. «Впрочем, это еще полдела, — подумалось мне, — надо ведь отсюда выбраться».

— Бельский! Возьми аптечку, — распорядился я, — и давай быстро вниз!

Девушка подняла голову, открыла глаза.

— Сейчас придет врач.

— Но они, — она кивнула головой в глубь пещеры, — еще ничего не знают.

— Мы пойдем к ним все вместе. Несколько минут ничего не изменят.

Перекладины лестницы, сброшенной сверху, застучали по камням, как пулеметная очередь.

— Как вы себя чувствуете? — спросил Бельский.

Он достал лекарство и дал ей несколько капель. Я посмотрел на часы.

Час ночи! Пятнадцать часов назад мы вошли в грот.

— Я уже могу идти, — сказала Силья.

Поддерживая ее под руки, мы пошли к лагерю спелеологов. Узкий коридор повернулся направо.

— Эухенно! Луис! — позвала девушка.

Двое мужчин выскочили из палатки. Первые минуты они были в состоянии выговаривать лишь отдельные слова. Пожимали нам руки, хлопали по плечам, обнимали. Потом, перебивая друг друга, начали спрашивать: «Когда выступим? Какая дорога? Идет ли кто-нибудь еще за нами?»

Каррера, руководитель экспедиции, был высоким худощавым мужчиной. Фернандес пониже. Он бурно выражал свою радость. Глубоко запавшие глаза спелеологов блестели. Пальцы дрожали.

«А где третий? — думал я, не решаясь задать вопроса. — Неужели погиб?»

Посредине плоского зала стояли две палатки. Рядом на камнях лежали кухонная посуда и измерительные приборы. Бензин для примусов давно кончился. Только карбира было еще достаточно.

— Паэс болен, — сказал Каррера. — Он лежит в палатке. У него гистоплазмозис. Гистоплазмозис вызывает вирус, живущий в глине некоторых пещер. Высокая температура у больного может держаться неделями. Больные часто погибают от истощения. В больницах их поддерживают искусственным питанием. Если мы тотчас не двинемся в путь, парень умрет.

* * *

Я открыл глаза. Рядом слышалось тяжелое дыхание спящих людей. Пламя карбидной лампы угасало. Этот зал был уже мне знаком. Дно покрывал мягкий песок. Из него торчали сталагмиты, словно пеньки вырубленного молодого леса. На каждом «пеньке» углубление — след непрерывно падающих капель. С потолка и покатых стен свисали гирлянды из кальцита.

Зашевелился Бельский.

— Ты не спишь? — спросил он меня. Поднес к лицу руку. — Скоро полдень. Пора их будить.

Уже двенадцать часов мы в этом гроте. Еще двое суток, и они бы погибли. Бельский заметил, что Кэррера не съедает своих порций. Часть незаметно подкладывает товарищам.

Несколько часов назад меня разбудили шаги. Приоткрыл глаза, я увидел, как Бельский доставал из рюкзаков фрукты — все, какие там были. Набил ими карманы и, держа в руке маленький фонарь, ушел. «Гуачаро! — вспомнил я. — Колония погибающих птиц. Летать они уже не могут. Вслушиваются, лежа в темноте, в шепот воды».

...Послышался шум крыльев. Птицы спустились к воде. «Оживают», — подумал я.

Скоро мы двинемся в путь. Венесуэльцы ели уже три раза. После уковов, которые им сделал Бельский, они уснули, как мертвые. Приходилось их будить и кормить. Паэс успокоился. Мы умыли его теплой водой. Он весь горел. Температура упорно держалась около сорока градусов. Но дыхание стало мягким. Он перестал метаться.

Стшелецкий в глубине грота отыскал лестницу. Специалисты принесли ее сюда еще год назад. Ступеньки поросли плесенью, но дерево сохранилось хорошо. Из жердей и полотняной ткани мы сделали носилки...

...Бельский разбудил Кэррера. Мы поправили лампы. Стшелецкий принес воду и вскипятил ее.

— Расскажите теперь, — обратился я к Кэррере, — как все случилось.

— Ночью мы были в этом гроте. Все спали. Меня разбудил удар воздушной волны. Я лежал без движения, не зная, что произошло. В ту же минуту прокатилась вторая волна. Она едва прошлась по палатке и тут же утихла. Рядом лежал Фернандес. Он вскочил и заглянул фонарь. Я видел, как он схватился за голову. Что-то говорил мне, но я ничего не слышал.

— Было четыре часа утра, — продолжил Фернандес. — В голову лезли самые страшные предположения. Я выскочил из палатки. Мы посмотрели вверх. Свод был цел. Как всегда, с него свисали сталакиты.

«Невероятно! — подумал я. — Сотрясение горного массива настолько ограниченное, что в одном месте обваливается целый склон горы, а в этой части пещеры уцелели даже сталакиты!»

Я поднял голову. Прямо над нами свисали нарости толщиной с руку. На конце — тонкие острия.

— Тогда, — вступила в разговор Силья, — я вышла босиком из палатки и увидела, как они стояли, оглядываясь по сторонам. Толчок не повторился. Только из темноты слышались крики птиц. Гуачаро кружились в коридорах. Никто не решался вслушаться в то, что у всех было в мыслях. Кэррера с Паэсом побежали в сторону выхода. Я осталась ждать с Фернандесом. Через час они возвратились...

Осколки скал и камни еще сыпались из трещин. У них была саперная лопатка — попробовали пробиться. Нашли боковой коридор. Он был забит глиной и кальцитом. Коридор, казалось, вел к поверхности. Лопата поломалась, и им пришлось пустить в ход ложки. Несколько дней работали они, лежа под низким сводом. Одежда пропитывалась водой. Вдобавок ко всему заболел Паэс. Кончились продовольствие. Они ходили, слушали, не раздастся ли за грудой скал, заваливших выход, стук кирок. Работа отвлекала от горьких раздумий. А когда, погасив лампы, они ложились спать, в голову приходили самые страшные предположения...

* * *

Последнее, что оставалось сделать, это написать письмо. Я адресовал его тем, кто после нашего ухода, может быть, проникнет сюда другим путем. Я сообщил число и час, нарисовал дорогу к сифону, описал состояние Паэса.

Мы вышли к озеру. По лестнице я взобрался на галерею. За мной шел Стшелецкий. Три раза он бросал вниз веревку, чтобы помочь подняться Фернандесу, Кэррере и Силье. Я повел их по галерее до отверстия, ко-

торое было прорублено по дороге сюда. Там снова, обвязавшись веревкой, мы спустились к реке. Я оставил внизу венесуэльцев, а сам вернулся к лестнице. Бельский приготавливал носилки для Паэса. Мы подняли носилки с Паэсом на галерею и понесли. Проход оказался слишком узким для носилок, пришлось его рас-

ширить. Бельский и Стшелецкий перешли на другую сторону. Я страховал их. Они спускались по пологой стене, осторожно продвигая вперед больного.

Я покидал галерею последним. Пещеру снова окутала тишина. Внизу негромко плескалось озеро. Сверху нависал неподвижный «каменный дождь» сталакитов.

В три часа дня мы начали марш по туннелю вдоль

реки. Разговоры смолкли. Фонарь размеренно покачивался на моей груди, выхватывая из темноты овальные своды и бурые стены. Бельский и я несли носилки с больным. Входя в воду, я старался выбирать места, покрытые песком. За нами шли венесуэльцы. Шествие замыкал Стшелецкий.

Продовольствия у нас хватит на неделю, но больной немедленно должен быть доставлен в больницу. Кроме того, я немного опасался впечатления, которое произведет на наших товарищев вид Сальто Анхела. Больной тяжело дышал. Во время переходов через глубокие места мы поднимали носилки на плечи. Венесуэльцы все время предлагали нам помочь, но для нас было важнее сберечь их силы.

Каждый час мы делали короткий привал, во время которого Бельский осматривал больного. Через три часа мы приготовили горячий обед, используя «Alux» как печку.

— Где можно купить такую вещь? — спросила Силья. Я рассказал о случае в Копенгагенском аэропорту.

— Вот как? — удивилась она. — Разве вы из Дании?

— Нет. Из Варшавы, — ответил Стшелецкий.

Они не хотели верить. Спелеологов, очевидно, ввели в заблуждение то, что мы хорошо говорим по-испански.

— Слушай! — сказала Силья, повернувшись к Бельскому. — Я тебя где-то видела... Затопленный город! В газетах были снимки... Так, значит, ты и есть Бельский!

Только теперь мы вспомнили, что на радостях не успели познакомиться.

— Там, на поверхности, четыреста людей участвуют в спасательных работах, весь мир слушает радио, ожидая сообщений из пещеры, — сказал я.

Мы двинулись дальше. Тремя часами позже послышался шум водопада. Каскады напоминали о своем существовании. Мы шли медленно. Венесуэльцы очень устали. Мы не сказали им, что дорогу прерывает сифон. Если бы они раньше узнали, что вода перекроет путь, они наверняка чувствовали бы теперь себя еще хуже. А они шли, думая, что вот-вот увидят солнце.

Шум каскадов нарастил.

— Стоп! — сказал я. — Здесь будет наш последний подземный лагерь.

В полночь Бельский разбудил меня.

— Паэс пришел в сознание!

Паэс спокоен, глаза закрыты, руки неподвижно лежат поверх одеяла. Дышит ртом. Мы подняли носилки. Решили перенести больного через каскады. Паэса покрыли непромокаемым покрывалом из пластика. Брызги летели нам в лицо. Очень медленно мы спускались по скалистым ступеням. Чтобы не споткнуться, я садился на край порога и, погрузившись по грудь в пену, ногами нащупывал дно. Промокнув до нитки, мы, наконец, добрались до сифона. Бельский остался с больным, а я вернулся назад.

Стшелецкий уже раздавал завтрак. Мы упаковали рюкзаки для подводной переправы. Вскоре все уже были внизу. Венесуэльцы с удивлением смотрели на акваланги. Я объяснил им, что этот участок коридора нужно преодолеть под водой. Заметив, что Фернандес колеблется, я приказал ему снять ботинки. Пока он с ними возился, я уже разделся. Стшелецкий тоже. Решили, что Фернандес поплынет в одежде.

— Я никогда не нырял, — сказал Фернандес растерянно.

Стшелецкий подал ему акваланг. Мы пристегнули ему пояс с грузом, ввели в воду. Он не сопротивлялся и ни о чем больше не спрашивал. Мы не давали ему времени на раздумья. По нашему примеру он взял в зубы мундштук.

— Мы тебя перетащим, — предупредил я Фернандеса. — Когда почувствуешь в ушах боль, глотай слюну.

Подхватив под руки Фернандеса, мы нырнули. Показалась труба в скале. В одно мгновение мы очутились внутри нее. Я изо всей силы работал ластами. Фернан-

дес я держал двумя руками, чтобы он не смог вырваться. Течение быстро несло нас вниз. Из акваланга Фернандеса вырывалась цепочка пузырей. Показались камни. Мы проскользнули над ними прямо под сводом ворот. Течение потащило нас наверх. Мы поднимались, как на скоростном лифте. Несколько ударов ластами, и мы уже на берегу.

— Отлично! — только и сказал ошеломленный Фернандес, снимая акваланг.

А мы уже отплывали на середину озера.

До дна мы добрались без труда — третий акваланг был достаточно тяжелым. Труднее всего проскочить через проход. Мешало течение — сбивало в сторону, прижимало к воде.

Силья уже была готова к старту. Пока она надевала акваланг, мы лежали, успокаивая дыхание. Второе путешествие прошло без приключений. Зато Каррера заставил нас поволноваться. Уже на дне сифона ему в маску попала вода. И он испугался. Пытаясь вырваться из наших объятий, Каррера сбил дыхание. Вместе с воздухом он втягивал воду. Мы поплыли быстрее, крепче стиснув ему руки.

Я почувствовал боль в спине. Она ползла дальше — к бешено работающим ногам. Нам не стало хватать воздуха. Целый рой пузырей, вылетавших из клапанов, окружил нас. Наконец мы выскоции на поверхность. Каррера в изнеможении упал на берег.

Тотчас же мы поплыли обратно за больным.

Девятый раз приходилось сегодня переплывать сифон. Стшелецкий приготовил к транспортировке рюкзаки. Наполненные камнями, они быстро пошли вниз. На дне мы отцепили балласт.

Пещера осталась за сифоном. Ни один луч света больше не тревожил ее мрачную тьму. Лишь журчанье воды и шелест крыльев гуачаро нарушили тишину огромных гротов.

Через несколько минут мы увидим конец туннеля. Сначала покажется пятно серого света. Потом нас ослепят лучи солнца. Засверкают капли водопада. Из долины донесется жужжение геликоптера. Я вижу перед собой лица горняков, профессора Пьетри, Вероники. Заголовки газет, портреты и снимки. Лица журналистов, придумывающих звонкие слова для своих репортажей: «Сальто Анхел. — Балкон смерти. — Загадки подземелья. — Трагедия гуачаро. — Таинственный лабиринт».

* * *

Было шесть утра. Солнечные лучи проникали в пещеру. Я стоял по пояс в воде, окруженный венком пены. Течение толкало меня наружу. Через порог водопада было видно темное дно долины. Внизу лениво ползли клубы тумана. Ветер приносил запахи джунглей.

Через главный туннель я вышел на обрыв, держась руками за трос, который мы протянули, высалившись с геликоптера. Передо мной был карниз, он вел к нашей площадке. Там лежали завернутые в непромокаемый материал ракетница и патроны.

«Сейчас слишком светло, — подумал я. — Могут не заметить ракет. Надо использовать дымовые патроны».

Я сделал шаг к карниzu. Вдруг что-то сильно обожгло ногу. Змея?! Рядом глухо ударило по скале, брызнули осколки. Сквозь шум водопада донеслось эхо выстрела. Я отпрянул и скрылся в пещере.

«Петтучи! — пронеслось в голове. — Возвратился и мстит нам». Весь обрыв как на ладони. Мы не сможем nosa высунуть из пещеры.

— Что там? — спросил Стшелецкий. — Ты почему вернулся?

— Петтучи! — ответил я. — Геликоптеру лучше не взлетать. Петтучи может его сбить. Можно дождаться ночи, проникнуть на площадку и дать сигнал о нашем возвращении. Но ночью нас смогут снять. Ждать нельзя. Паэс уже сегодня должен быть в больнице. Венесуэльцы не должны знать ни о чем. Пусть думают, что все идет нормально.

Обвязавшись тросом, я взобрался на порог водопада. Под напором воды трос натянулся. Я сделал глубокий вдох и стремительно заскользил по отполированным плитам. Если трос оборвется, я выскочу, как из катаapultы, и вместе с водой совершу полет на семьсот метров.

Через какие-то доли секунды я проскочил порог и повис у стены. Над головой неслась стена воды. Здесь уже можно было дышать. Я открыл глаза. Дернув за сигнальную веревку, попросил опустить меня еще ниже. Ногами нащупал выступ. Огляделся. Брызги хорошо меня укрывали. На фоне неба был виден верхний край обрыва. С него свешивались лианы. Где-то там лежит Петтучи. Я подал наверх последний сигнал и отвязал трос. От места, где я стоял, по стене влево-вправо бежала косая трещина. По ней я добрался до расщелины.

Дождевая вода отполировала стены. Сейчас они были сухими. Ухватиться было не за что. Упираясь ногами и спиной о края расселины, я медленно поднимался вверх. Порывами налетал ветер, сбрасывая пучки сухой травы. Когда он утихал, сверху сыпалась земля. Черная пыль оседала у меня на руках, набивалась за воротник. На востоке из-под плоских облаков показалось солнце. Одежда не высыхала. Со лба и висков стекал пот. Рукавом я вытирали лицо. Кожу саднило. Открытым ртом я жадно ловил сухой воздух. Горячий ветер нес с собой запах дикого чеснока. От резкого запаха кружилась голова. Я наткнулся на кустик, прилепившийся к скале. Страшно хотелось пить. Попробовал пожевать листья, стебель и корень. Все было сухим, как опилки.

Расселина расширялась

«Достаточно, — подумал я, — чтобы одна нога скользнула с опоры...»

Наконец голова коснулась чего-то твердого. Выход из расселины закрывала каменная плита. Если я не смогу взобраться на нее, надо будет возвращаться. Не знаю, сумею ли тогда добраться до водопада...

Я высунулся наружу. Поверхность плиты была неровной. Пальцы вцепились в какой-то выступ. Откинувшись назад, я висел над свернувшейся далеко внизу тонкой ниточкой реки. Я перенес на плиту другую руку, подтянулся. Ноги потеряли опору. И вдруг плита покачнулась. Я стиснул зубы, мышцы одеревенели.

«Падаю», — пронеслось в голове. Плита сползала в пропасть. Потом она, качнувшись, замерла.

Я находился в воронкообразной впадине на краю обрыва. Стены, покрытые кустами, поднимались вверх неровными ступенями. Сверху впадину окружал вал зелени. С ветвей свисали толстые лианы, к которым прилепились мелкие вьющиеся растения.

Дыхание успокоилось, пальцы перестали дрожать. Я начал продираться через кустарник. Ножом резал стебли, ногами ломал ветки. Скалистым галереям, балконам и площадкам, казалось, не будет конца. По нагретым скалам сновали ящерицы. Они шелестели в зарослях травы и в опавших листьях.

Сейчас восемь утра. Час назад я покинул грот. Петтучи не может быть далеко, я должен вот-вот его найти. К полудню, может, удастся добраться до геликоптера.

Наконец показались деревья. Я остановился. Со стороны обрыва сквозь листву просачивалось солнце. Над головой слышался шорох крыльев, в чаще кричали птицы. Надо идти лесом. Петтучи наверняка лежит где-то на краю обрыва лицом к пропасти и, держа палец на спусковом крючке, наблюдает за гротом.

Я крался от дерева к дереву. Укрывшись за стволами, я осматривал близлежащие кусты, заросли трав и груды камней на краю обрыва. Мне пришло в голову, что Петтучи мог спуститься на какую-нибудь площадку или выступ. Тогда я пройду мимо, ничего не заметив.

«Надо идти по самому краю, — решил я, — и заглядывать вниз».

Вот и граница зарослей. Я раздвинул листья иглянул. В каких-нибудь двадцати метрах боком ко мне стоял Петтучи. Под мышкой он держал карабин. На голове у него была шляпа с широкими полями. Рубашка расстегнута до пояса. Кожаные джинсы туго обтягивали икры. На пояске висел патронташ.

В этом месте скала выступала вперед, словно бастион крепости. Петтучи стоял посередине выступа в мелкой траве. Над его головой распростерлись ветви огромного дерева. Солнце поднялось уже высоко, и небо напоминало теперь раскаленную белую чашу. Петтучи вытирал рукой лицо, сдвинув на затылок шляпу. Над горизонтом, утонувшим в безбрежной дали, белыми тонкими струйками вились дымки. Это воздух дрожит над бесконечными пляжами Ориноко. А на рассыпчатом, как мука, песке дремлют кайманы.

Я отступил назад в заросли. Надо залезть на дерево. По висячему мосту я переберусь на платан, под которым стоит Петтучи.

Я поднял руки и ухватился за сук. Двинулся вперед по ветвям. По ним можно было спокойно идти, держась руками за свисающие сверху ветки. Чем дальше от ствола, тем листья становились гуще.

От места, где я стоял, толстая связка лиан бежала к соседнему дереву. А дальше виднелась крона платана. Я пополз по лианам. Сверху их покрывала густая сеть мелких вьющихся растений.

Соседнее дерево уже рядом. Я нырнул в его крону. Добрался до ствола и, обойдя его, пошел по точно такому же мосту из лиан. Вот и платан. Осторожно я начал спускаться с ветки на ветку. Из-под ладоней вниз посыпались обломки коры.

Вдруг кругом все затихло. Без единого крика птицы взмывали вверх и исчезали в глубине леса. Я замер и сквозь листья стал осматривать землю. Внизу показалось желтое пятно, медленно двигавшееся вперед.

Ягуар! Огромный кот беззвучно крался по траве.

Гладкий мех переливался на солнце, играя мозаикой темных пятен. Вот хвост его напрягся. Хищник припал к траве. Спина выгнулась дугой, задние лапы поджаты. Сейчас прыгнет! Я отодвинул ветку. Петтучи стоял лицом к обрыву и вытирали лицо рукавом. Ягуар то поднимал, то опускал голову. Подался вперед и прижался мордой к земле.

— Петтучи! — крикнул я. — Берегись!

Он обернулся, точно ударенный током. Шляпа упала. Карабин метнулся вверх. Ягуар прыгнул. Выстрел и хриплый рев слились воедино. Петтучи упал на спину. Ягуар лежал рядом с ним на боку, царапая когтями землю. Я соскочил с дерева и схватил карабин. Щелкнул затвором. Выскочила гильза. Ягуар поднялся на передние лапы и зарычал. Я прицелился и нажал курок. Сухо щелкнул боек. Магазин пуст! Ягуар двинулся ко мне, волоча заднюю лапу. Широко разинутая пасть, сморщененный нос и черные губы зверя были совсем рядом. Ягуар расставил лапы и бросился на меня. Я заслонил голову карабином. Ягуар придавил меня своей тяжестью к дереву, зубами впился в карабин. Послышился скрежет зубов о сталь и треск ломающейся кости. Я отпустил карабин, выдернул из-за пояса нож и всадил его в бок зверя. Ягуар глухо рыкнул и стал медленно оседать на землю.

Черные круги ходили у меня перед глазами. Мокрые волосы прилипли к голове. Я высвободил ноги из-под тела зверя. Спрятал нож. Пошатываясь, сделал несколько шагов — болели помятые ребра. Наклонился над Петтучи. Он дышал. Под кустом я нашел остатки костра, сковородку, сумку с продовольствием и кожаную фляжку с водой. Вылил воду ему на голову. Петтучи открыл глаза. Некоторое время смотрел на меня, потом внезапно сел и потянулся к карабину.

— Ну, знаешь, пожалуй, хватит, — сказал я ему. Связав ему руки, я забрал у него патронташ и зарядил карабин. Потом заставил Петтучи подняться.

— Вперед!

Мы вошли в лес. Он был не очень густой. Время от времени я поднимал голову, отыскивая сквозь листву солнце. Старался, чтобы мы шли все время вдоль обрыва. «Как только будет возможно, — думал я, — надо спуститься к подножью стены и повернуть к реке».

Вдали виднелся водопад Сальто Анхель и стена, упирающаяся в небо. Мы двинулись к ней. Земля в лесу была покрыта валунами. Между ними лежали обломки скал, поросшие травой и кустарником.

Порфировая стена возносилась все выше. Лес редел. Послышался шум реки. Мы сбежали вниз. Я вошел в воду по колени и умыл вспотевшее лицо. Петтучи, погрузившись до пояса, жадно пил воду. Перебрались на другую сторону. На откос я входил первым, выбивая тяжелыми ботинками в глине ступени. На берегу мелькали крыша палатки и красный корпус геликоптера.

— Вперед! — приказал я Петтучи.

Из палатки выбежала Вероника. Я поднял карабин и выстрелил в воздух.

— Пилот готов? Вылетаем.

* * *

Я открыл люк в днище кабинны. Опустил трос. Обвязавшись, заскользил вниз и повис в воздухе. Теперь передо мной была стена. Двое людей двигались по ней в сторону площадки. Вместе с Бельским и Стшелецким мы привязали трос, свисавший с геликоптера, к носилкам, на которых лежал Паэс. Дали знак пилоту. Машина взмыла вверх.

Каррера, Силья и Фернандес все еще оставались в глубине грота. Наконец они вышли на дневной свет. Я сопровождал Карреру. Щеки у него ввалились, кожа на лице пожелтела, под глазами — темные круги. Он шел за мной, прижимаясь спиной к скале. На площадке пошатнулся и опустился на землю. Пришли Стшелецкий с Сильей и Бельский с Фернандесом.

Геликоптер вернулся. Пролетел перед нами и поднялся выше. Из кабинны свешивался трос с грузом на конце. Пилот повторил маневр: полетел в сторону стены, а затем резко остановил машину. Трос по инерции понесло к стене. К концу троса были привязаны парашютные лямки. Мы выстроили венесуэльцев лицом к обрыву и надели на них парашютные лямки.

— Закройте глаза, — посоветовал Бельский.

Я дал знак пилоту. Геликоптер со спасенными спелеологами начал подниматься.

* * *

Взревели моторы. Шум заглушал слова. Профессор Пьетри, Силья Фермин, Луис Каррера. Ромуло Фернандес стояли впереди группы проводящих и махали шляпами.

В руках у меня был целый рулон газет. Крупные фото, красные заголовки:

«ПАЭС БУДЕТ ЗДОРОВ!»

«ПОБЕДИТЕЛИ ПЕЩЕРЫ ГУАЧАРО В СТОЛИЦЕ», «НА САЛЬТО АНХЕЛЬ СНОВА СПОКОЙНО!»

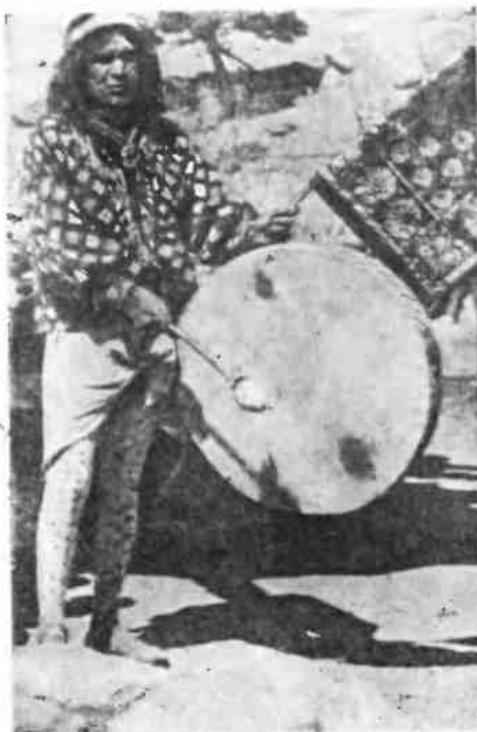
Сокращенный перевод О. РЯЖСКОГО

«БЫЧЬИ БЕГА»

Во многих штатах Индии, в Индонезии и некоторых других странах Азии «бычни бега» являются популярными соревнованиями. Возницы, стоя на легкой повозке, погоняют бешено мчащихся быков. Упряжки пробегают дистанцию со средней скоростью около сорока пяти километров в час. Вот вам и бычья медлительность!

Быков специально готовят к соревнованиям. Это свирепые и сильные животные, и перед началом гонки повозку с трудом удерживают несколько человек. От возницы требуется немалая сила и сноровка, чтобы справиться с упряжкой. Победители пользуются большим почетом среди населения и получают солидные денежные премии.

«ТАРАХУМАРА» — ПЛЕМЯ БЕГУНОВ

Как известно, марафон — одно из древнейших состязаний и одно из самых изнурительных. Бег на расстояние в сорок с лишним километров требует от человека исключительной физической и волевой выносливости.

Недавно в иностранной прессе промелькли сообщения, что Спортивная федерация Мексики предпринимает попытки уговорить кого-либо из индейцев племени тараумара («тарахумара» означает «бегун») принять участие в марафоне.

По сравнению с соревнованиями «каррере», которые устраивают тараумара, марафон кажется детским развлечением. Дистанция «каррере» — около 270 километров. Индейцы тараумара пробегают это расстояние за 27 часов. Впрочем, и это не рекорд для феноменальных бегунов. Рассказывают, что один из индейцев за пять дней пробежал... 960 километров!

НЕОБЫЧНЫЕ

ПРЫГУНЫ ПЕНТЕКОСТА

Новые Гебриды, островок Пентекост... Жители этого островка, затерянного в просторах Океании, издавна ежегодно собираются на празднество, кульминационным моментом которого являются прыжки с вышки.

Представьте себе прыгуна, летящего с тридцатиметровой высоты вниз головой. К ногам храбреца привязаны две лианы, концы которыхочно закреплены на вершине вышки. Вот голова прыгунаН почти коснулась земли, в этот момент лианы, длина которых рассчитана исключительно точно, натягиваются струной, пружинят, прыгун слегка взлетает вверх и... мягко опускается на вспаханную землю.

Победителем обычно считается тот, кому удается в момент падения лишь слегка коснуться земли руками или... лбом. Если же кто-либо из прыгунов струсит или откажется от участия в соревнованиях, его ожидает крупный штраф. Пока неудачник не отдаст в общую казну нескольких свиней, он не имеет права появляться на глаза людям.

Для юношей острова такие прыжки становятся своеобразным «экзаменом на аттестат зрелости». Только тот, кто успешно прошел испытания, может считать себя настоящим мужчиной.

Старики островитяне, готовящие вышку и лианы к соревнованиям, обладают удивительной интуицией. Ведь стоит им лишь на несколько сантиметров удлинить или укоротить лианы, как прыгун либо врежется в землю, либо, отброшенный назад, со всего размаха ударится об основание вышки. На острове еще не было случая, чтобы прыжок имел несчастный исход.

СОРЕВНОВАНИЯ

ЧТО ТАКОЕ СИПА?

Сипа, новая игра с мячом, как вид спорта родилась недавно в Маниле; на Филиппинах сипа распространилась с эпидемической быстротой, вытеснив такую популярную ранее игру, как баскетбол. Из Манилы она успела перекочевать на Гавайи и в Соединенные Штаты Америки.

Сипа сравнивают одновременно с футболом, теннисом, волейболом и бадминтоном, а чаще всего назы-

вают «ножным теннисом». Играют в специальных ботинках, разместившись на площадке размером с теннисный корт, ногами перебрасывают через сетку мяч, сплетенный из ротанга. Задача игрока состоит в том, чтобы мгновенно перебросить мяч на половину противника.

Филиппинская любительская атлетическая ассоциация, пропагандируя новую игру, собирается проводить ежегодные международные турниры по сипа.

«ЛОВЦЫ ВОЛН»

Посмотрите на этого безумца, столкнувшегося с огромной свирепой волной. Удастся ли ему избежать удара волны и выбраться из водоворота? Или, как и трех его коллег, «кобзэкающих» гигантские волны близ Сансет-Бич, на Гавайских островах, смельчака навсегда поглотит океан?

Скользжение на доске по гребням волн — вид спорта, пользую-

щийся в наши дни большой популярностью в ряде стран. Но сотню любителей острых ощущений, обосновавшихся на гавайских пляжах Сансет-Бич и Банзай-Бич, не удовлетворяла обычная, дозволенная «техникой безопасности» игра с волнами. Они решили сражаться с самыми большими валами, достигающими

почти 10-метровой высоты, которые нередко приходят к Гаваям как отголоски далеких штормов и землетрясений.

Для того чтобы человек, стоящий на доске, смог оседлать такую большую волну, ему надо набрать порядочную скорость. Смелчаки из гавайской «сотни» научились скольз-

зить от одного пенящегося гребня к другому со скоростью глиссера — 35 узлов.

Что ж, покорители гигантских волн добились своего, о них заговорил пресса. На них приезжают смотреть богатые бездельники со всего света. Но успех был завоеван ценой человеческих жертв. Зато опасный аттракцион приносит немалый доход. «Плата за страх» продолжается. «Ловцы волн» выходят в океан, чтобы проделывать головоломные трюки.

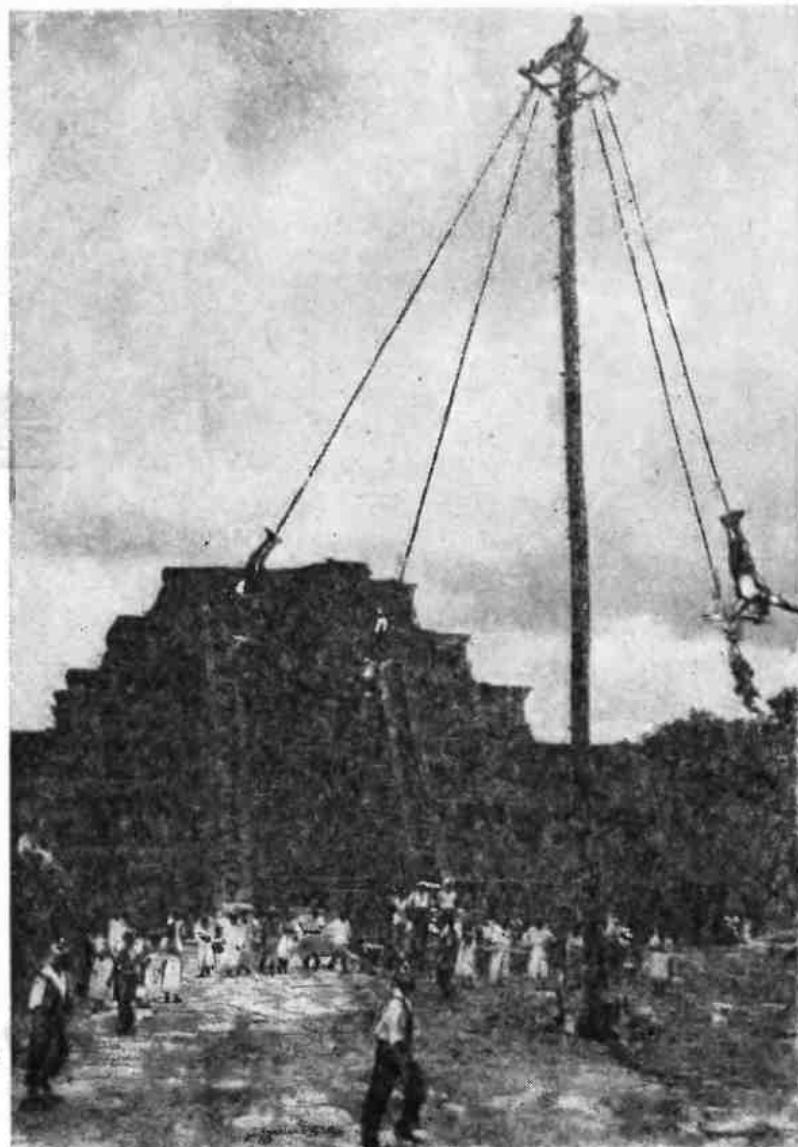
«ЛЕТАЮЩАЯ МАЧТА»

...К подножию 33-метровой мачты медленными шагами приближаются четыре человека в красочных одеждах.

Цепляясь за веревку, оплетающую мачту, люди один за другим взбираются на ее вершину...

Маленькая площадка на вершине мачты еле вмещает четырех человек, но они все-таки ухитряются на головокружительной высоте исполнить ритуальный танец в честь жестокого бога Солнца — Тонатиу. Минута перерыва, и вот уже канаты обвивают тела танцоров. Барабаны «взрываются» с новой силой. Одновременно оттолкнувшись, танцоры падают вниз головой. Резко натягиваются веревки, и фигуры «летающих людей» скользят в воздухе. Каждый совершает тринадцать оборотов вокруг мачты. Это не просто случайная цифра — в ней заложен скрытый «магический» смысл. Вращаясь вокруг мачты на канатах, «летающие люди» исполняют серию сложных акробатических фигур.

Каким образом «летающие люди» достигают такой совершенной техники прыжка — остается тайной. Этот секрет ревниво хранят от непосвященных, тем более от чужестранцев. Известно только, что «летающих людей» отбирают с детства и подвергают долгой тренировке. Праздник в честь бога Солнца до сих пор сохранился у ацтеков Гватемалы.

Александр Черешнев молод, но у него большая трудовая биография. Он был шахтером и горноспасателем на рудниках Сибири.

Сейчас Черешнев работает горным диспетчером на строительстве тоннелей Нурекской ГЭС. «Обвал» — его первый рассказ, публикуемый в центральной печати. В основу рассказа положены подлинные события.

А. ЧЕРЕШНЕВ

Рисунок П. ПАВЛОВА

Рассказ

ОБВАЛ

Михаил выключил перфоратор и крикнул помощнику:

— Иди за взрывником! Два шпура я добурю.

Василий прислонил к стойке лопату и, кивнув, ушел.

Перфоратор затрепетал в руках, наполняя все вокруг басовитым гулом. Струйки воды полились из шпура, вымывая буровую пыль. Темный бур поблескивал мелькающими гранями, все глубже уходя в породу.

Михаил, навалившись на машину всем телом, не давал буру сдвинуть ни одного оборота впустую.

Перфоратор смолк. Михаил перевесил на новое место карбидную лампу, кайлом выровнял место для последнего шпура, но включить перфоратор не успел.

Раздался глухой удар. Свистнул воздух. Пламя карбидки погасло, будто спрыгнуло с горелки.

Забой утонул во тьме. Михаил с трудом нашарил спички. Дрожащее пламя озарило черные стойки и сразу же пропало: следовали новые удары, глухие, частые. Упруго закачался воздух. Где-то хрустнула стойка.

Михаил замер, вслушиваясь. Одеревеневшими пальцами он царапал спичечную коробку, а сам смотрел в непроницаемую тьму, в сторону выхода, где опять затрясало дерево и осыпались куски породы.

Михаил побежал к повороту, от-

куда должен доходить далекий свет главных откаточных выработок. Но впереди была тьма.

Воздух в штреке остановился. Вентилятор уже не мог загнать свежую струю в отрезанную от поверхности выработку.

Кольнула мысль о Василии: «Успел ли выйти? Не попал ли под обвал?»

Но Василий без карбидки, без каски, мокрый и грязный, уже побегал к Михаилу. Он крепко вцепился в его руку и закричал:

— Завалило. Миша, завалило!..

Михаил, увидев его невредимым, обрадовался.

— Успокойся, Вася, ну, успокойся... — Он обнял товарища за плечи. — Подождем, порода уляжется. Посмотрим. Выручат нас, не оставят в беде. Там, на-гора, всполошились теперь горноспасатели...

Вода в карбидке кончалась, и узкий язычок голубого пламени садился все ниже и ниже. Со всех сторон наступал туман, проглатывая рамы крепления. Порода уже не грохотала, она шуршала потихоньку, заполняя пустоты. С кровли редко, с одинаковыми промежутками капала вода. Эти всплески лишь подчеркивали мертвенно-тишину.

Пламя карбидки съежилось в синюю точку и начало помаргивать.

— Добавь воды. Тоскливо в темноте, — сказал Василий.

Михаил встрепенулся, повернул регулятор. Язычок пламени выпянулся, заголубел, с шипением раздвинул тьму, осветил лицо Василия. Оно осунулось, уголки губ опустились. Длинные, обычно пышные волосы влажными прядями прилипли ко лбу.

— Пойдем к выходу, посмотрим, — предложил Михаил. — Может быть, осталась щель...

— Пошли! — вскочил Василий. — Верно! Не может быть, чтобы закупорило!

Но штрек перекрыло наглухо.

— Пошли скорей отсюда. Опять завал будет, слышишь, как мелочь сыплется?! — быстро сказал Михаил.

— Подожди. Надо осмотреть.

Может, под кровлей где пролезем.

— Скорей идем! Ну! Жить надоело?

Василий все тянулся к завалу, поднимая над головой подобранный в штреке карбидку.

Михаил с силой потянул за собой товарища. Василий все оглядывался, не веря, что они совсем отрезаны, но сзади грохнула обвалившаяся глыба, за ней другая, третья... Василий шмыгнул мимо Михаила, прикрывавшего полой куртки пламя карбидки.

Когда Михаил пришел в забой, Василий по-детски всхлипал, дрожа губами и подбородком.

— Ну чего? — крикнул Михаил. — Чуть попугало — и скис... Сперва давай забой приведем в порядок.

Подчиняясь окрику Михаила, Василий отключил от труб и перфоратора шланги, собрал буры, свернул шланги в бухты, аккуратно развесил на штыри, забитые в стойки крепления. Вдвоем они перенесли и сложили в ящик весь инструмент, прочистили водосточную канаву. Работа отвлекла от

тревожных мыслей. Но больше и делать вроде было нечего. Михаил достал из ящика топор и приказал:

— Заточи, чтобы как бритва был.

— Зачем? — возмутился Василий. — Помирать впору, а он чистоту наводит.

— Точи-точка давай! Ишь, умник! Ты вот выбраться попробуй!

— А тут умнику и дураку однаково и выживать и подыхать. Откопают вовремя — выживем, не откопают... Силы надо беречь.

— Вот! Наконец слышу умные слова! Правильно, Вася, силы береги, но только знаешь, друг, на слезы да страх в сто раз сил больше уходит, чем на самую тяжелую работу. А работа слезы сушит и страх глушит. Наточил топор? Ладно, ложись!

Они улеглись на штабель досок, который был сложен в штреке. Штрек шел в обе стороны — направо к обвалу, преградившему выход, налево — в лабиринт старых выработок. Под прямым углом от штрека отходила рассечка, где был их забой.

Михаил встал и, чтобы не встревожить Василия, потихоньку пошел к завалу послушать, не слышно ли, как работают спасатели. Звук в камне далеко слышен. Но было тихо.

Постучал по стенке, приник ухом, ловя ответный стук. Тихо... Вздохнул, побрел обратно.

Еще тревожнее стало на душе: раз ничего не слышно — далеко завалило штрек. Большой обвал.

«Эх, шахта, шахта!.. Обманула. Поймала в ловушку!»

Михаил представил себе всю шахту в разрезе. С поверхности земли отвесно вниз на пятисотметровую глубину уходил шахтный ствол. Через каждые сорок метров отходили от ствола горизонтальные штреки, шли вдоль рудного тела, разрезая его на этажи. Запасные выходы со штрека, где оказались запертими шахтеры, остались за обвалом.

«А сзади, в старых выработках, тоже ведь есть колодцы, — подумал Михаил. — По ним, пожалуй, можно выбраться на штрек верхнего горизонта. Да разве они уцели! Все крепления давно уже обрушило, породой засыпало. А впрочем... — Михаил приподнялся на руках, сел, потер лоб. — Чем черт не шутит!»

Он быстро зажег лампу.

— Вставай, вставай!

— А? Что? Пробились? — вскрикнул Василий радостно.

— Нет. Мы теперь сами выйдем. Ты понимаешь, в старых выработках тоже есть проходы.

— Правда! — обрадовался Василий, но тут же сник. — Да они давно засыпаны.

— Может, какой и уцелел.

Долго бродили они по забро-

шенным выработкам. Громоздились мокрые камни, кое-где валялись изъеденные ржавчиной кузова отслуживших свое вагонеток, куски вентиляционных труб.

Воздух был жарок и влажен, как в низенькой старой деревянной бане. И пахло, как в старой бане: паром и мокрым гниющим деревом. Трухлявые остатки старой кровли заросли белой плесенью.

Местами породы навалилось так много, что приходилось ползти на животе под самой кровлей, обдирая локти и колени. От жары и недостатка кислорода они задыхались и обливались потом.

Василий скоро обессилел.

— Ну, вот что, — сказал Михаил. — Иди в забой, в инструментальном ящике лежит сумка, в ней хлеб и сало, поешь и отдохи. Карбидку потуши. Карбид у нас есть в запасе, да кто знает, сколько сидеть тут. Ну, иди. Только осторожнее, поглядывай на кровлю.

Василий ушел. Михаил почувствовал смертельную усталость. Хотелось повалиться навзничь и уснуть. Но он знал, что помочь придется не скоро и нужно самим сделать все возможное для спасения. Нужно искать!

Он с трудом встал и пошел дальше.

И снова завал. Лишь в левой стороне штрека под кровлей чернела треугольная щель. Михаил присмотрелся. Сомнений не было — это не обвал. Кровля выработки была из крепкого, окварцованных порфира, не тронутого ни одной трещиной.

Михаил повесил на стенку штрека карбидку, загнав ее крючок в щель, и начал лихорадочно, обдирая руки, разbrasывать породу, выгребая узкую, лишь бы втиснуть тело, нору к рудоспуску. Порода слежалась, поддавалась с трудом, но зато и не осипалась, не заваливала прорытую щель.

Рука, потянувшись за очередным камнем, повисла в пустоте. Еще несколько движений, и Михаил смог протиснуть в отверстие голову и плечи.

Михаил выполз из щели, схватил карбидку и бросился обратно.

...Когда Михаил открыл глаза, он увидел Василия, вытирающего полой куртки блестевшее от пота лицо. Рядом лежал ворох толстых, остро пахнущих сосновых досок.

— Доски? — удивился он.

— Ну да, — ответил Василий. — Я тебя ждал, ждал... «Дай, — думаю, — посмотрю, что с ним». Нашел тебя недалеко от колодца спящим. Заглянул в ствол, осмотрелся — вижу, завала нет, пусто! «Ну, — думаю, — теперь вся надежда на распорки». И начал доски таскать. Восемнадцать штук принес...

Михаил с благодарностью посмотрел на товарища. Конечно, за-

бивая распорки в ствол колодца, можно выбраться наверх. Как же он сам не додумался!

Они принесли еще досок, пилу, топор, кайло, шланги, кусок веревки. По штреку и без груза нелегко было пробраться. В обычном положении любой из них сказал бы, что с грузом здесь вообще не пройти.

А потом Михаил полез было в колодец, но Василий тронул его за плечо и протянул сумку.

— Подожди, поесть надо.

Михаил заглянул в сумку и удивленно спросил:

— Почему же ты не ел?

— Пока дошел, как-то расхотелось, — солгал Василий.

Перекусив на скорую руку, они взялись за работу. Василий подносил и подносил доски, привязывал их к шлангу, а Михаил, устроившись в стволе на узких, тугих между стенками досках, работал топором, забивал распорки. Потом, подтянувшись на них, начали строить новую ступень лестницы.

Вдруг раздался короткий вскрик.

Это Михаил разогнулся, поднимая очередную доску, и ударился головой о какой-то остроугольный предмет. Доска со свистом полетела вниз, с маxу ударила в распорку, с хрустом переломила ее и глухо шлепнулась о камни.

Михаил застонал, согнулся и, цепляясь за стенку, сполз на доску. Василий удержал его и прижал к стене. По лбу Михаила ползла кровь.

— Ничего, пронесло, — очнувшись, сказал Михаил.

Потом они поднялись вверх и, задохнувшись от счастья, увидели в мерцающем свете карбидки, как качнулась зыбкая темнота.

Свобода! Мгновенно забылись и боль и усталость. Михаил схватился за рельс, которым он только что поранил голову, и, не чувствуя тела, вымахнул на штрек.

— Иди к стволу, — сказал он, — а я по запасному лазу спущусь вниз. Там ребята боятся.

...Грохоча на стыках, пронесся электровоз с партией перегруженных до отказа вагонеток.

Другой электровоз мчался ему навстречу с порожняком. Михаил пошел за ним и еще издали увидел яркий свет, услышал пулеметный рокот отбойных молотков и характерный, словно рвут огромное брезентовое полотнище, треск породогрузочной машины. Шахтеры пробивались к ним.

Михаил вышел на свет и остановился, судорожно глотая подступающий к горлу комок.

— Миша! Ты?! — раздался чей-то радостный голос.

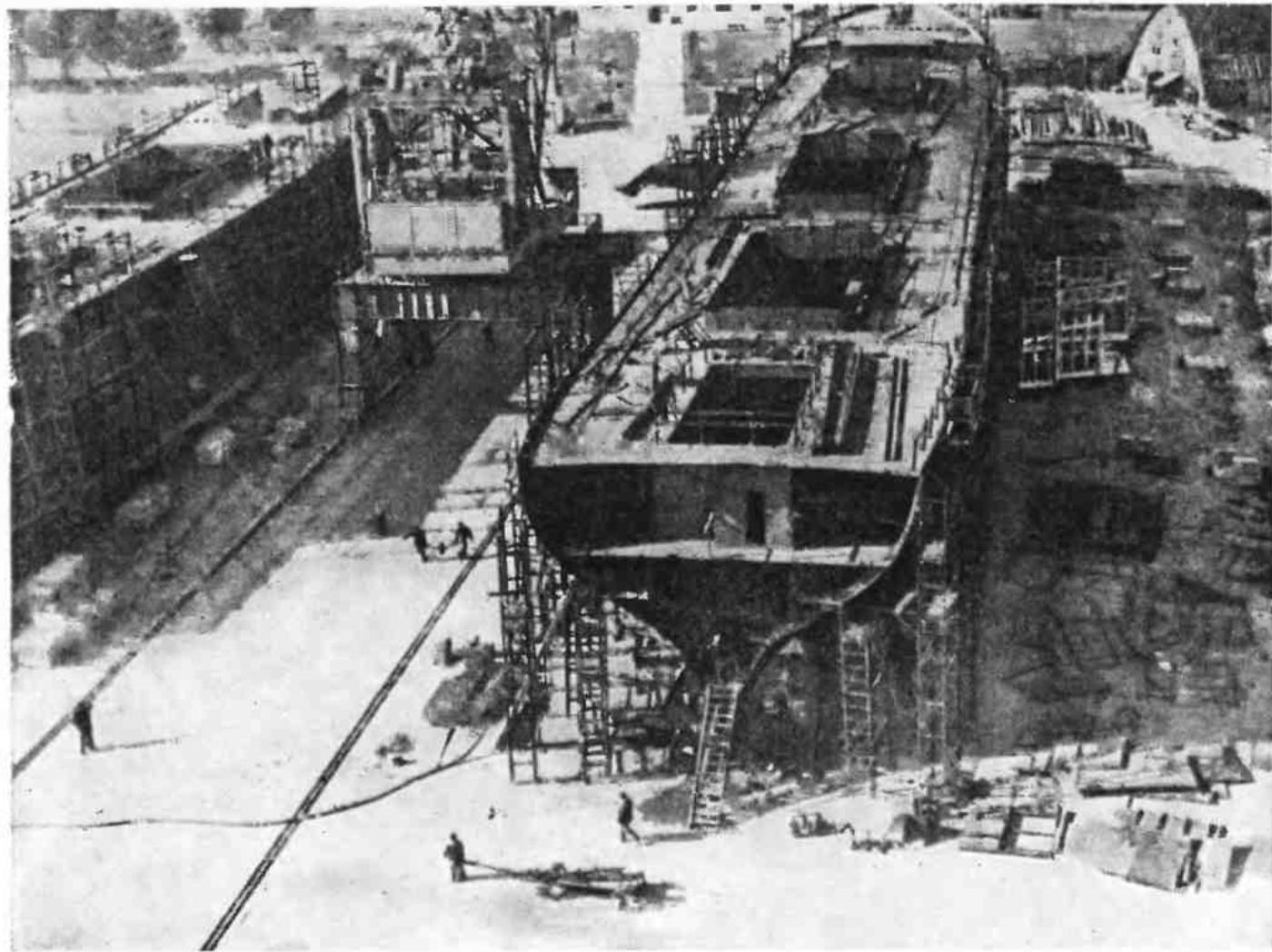
Машины разом смолкли...

Шахтеры подхватили его, вдруг ослабевшего, под руки и повели на гора, на радостный солнечный свет, на воздух, к людям.

Нурек

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН

РУМЫНИЯ

Порт Галац — судостроительный центр Румынии.

НАУКА — СЕЛЬСКОМУ ХОЗЯЙСТВУ

„Полюс засухи“ в Румынии проходит через Добруджу. Только прошло раньше на ее скучных иссушенных полях. «Огненной землей» называли прежде Добруджу.

В наши дни коллективные хозяйства, вооруженные новейшей агротехникой, собирают по 22 центнера пшеницы с гектара — в три раза

больше, чем несколько лет назад. Высокоурожайным сортом «триумф», выведенным на опытной сельскохозяйственной станции «Добруджа», засеяно восемьдесят процентов всех посевных площадей области.

На этой же станции выведена новая порода тонкорунных баранов — «паласский меринос». Питомец опытной станции уже «форсировал» Дунай: его теперь разводят по всей Румынии, вплоть до самых северных областей. На опытной станции позаботились и о том, чтобы «паласский меринос» был непривередлив в еде. Его вполне устраивают местные корнма — шалки подсолнуха, побеги виноградной лозы и даже ракушка мидия в приморских районах страны.

ЭЛЕКТРОСТАНЦИЯ БУДЕТ РАСТИ

Путешественники, подъезжающие к Бухаресту с юга, скоро увидят новое высокое здание теплоэлектроцентрали. Проектировщики позабочились о том, чтобы оно гармонично вписывалось в ансамбль многоэтажных домов, расположенных по соседству. Турины на станции будут самые мощные в стране — они работают под давлением 140 атмосфер, при температуре 570 градусов.

Мощность ТЭЦ будет увеличиваться постепенно, по мере роста столицы.

ВЕСТИ ИЗ БРАТСКИХ СТРАН

ГОРНЫЙ ЗАПОВЕДНИК

Там, где начинаются горы Фэгэраш у перевала Предял (Южные Карпаты), раскинулись громадные охотничьи угодья Румынии. Их площадь более 22 миллионов гектаров. Половину этой территории занимает заповедник, другая отдана охотникам — там разрешен отстрел дичи и зверей.

Здесь, в лесах из буков, скального дуба, граба и ясеня с примесью бересклета, рябины и каштана, полно прави-

ные хозяева — опытные егеря. Заботу егеря хватает на круглый год: зимой нужно устроить кормушки для оленей, косуль, кабанов и серн, развезти по кормушкам сено и соль, охранять зверей не только от волков, рысей и медведей-шатунов, но и от браконьеров; летом нужно прежде всего правильно провести отстрел дичи — особенно фазанов, вовремя организовать облавы на расплодившихся хищников.

Такое ведение хозяйства помогло хорошо сохранить охотничьи богатства Румынии. Год от года возрастает число оленей, косуль, медведей, дроф,

глухарей, фазанов. Подсчитано, что за год в охотничьи ягдташи попадают... 800 тысяч зайцев, 20 тысяч кабанов и барсуков.

Желанный трофей для охотников — карпатский медведь. В здешних районах встречаются экземпляры до семи центнеров весом. По подсчетам егерей, в стране около двух тысяч медведей.

На отстрел карпатского оленя, медведя, косули и горных козлов охотникам выдаются специальные лицензии. Со всей Европы съезжаются сюда любители во время охотничьего сезона.

«СЛАДКАЯ» АПТЕКА

Комбайны для резки камыша, моторные суда и вертолеты разогнали вековую тишину над водным лабиринтом дунайской дельты. На Бранильский комбинат уходят отсюда тысячи тонн камыша. Цехи комбината, производящего целлюлозу и картон, полностью автоматизированы. Зеленую пустыню Дуная — камышовые заросли дельты — осваивает молодежь Румынии: средний возраст рабочих на комбинате 22 года!

Почти в каждом румынском городе можно увидеть магазин с вывеской «Апикола». Здесь продаётся мед. Его собирают с цветов гречихи и подсолнуха, липы и акации 800 тысяч пчелиных роев.

Каждый год пчеловодческие хозяйства Румынии расширяют количество ульев, засаживают медоносной акацией новые и новые площади. «Сладкий урожай» широко используется не только в пищу, но и как ценный медикамент. В последнее время особым спросом пользуется пчелиное «молочко» — продукт, которым пчелы кормят матку.

КОНЕЦ МАЛЯРИЙНЫХ ЭПИДЕМИЙ

Олтения — одна из богатейших областей Румынии. Плодородные долины ее богаты влагой, которую приносят с гор многочисленные притоки Дуная.

И все же, несмотря на благоприятные географические условия, Олтения издавна «славилась» как край болезней. Повальные эпидемии уносили многие тысячи жизней. Особенно свирепствовала в старой Румынии малярия: ежегодно двести тысяч человек вновь заболевали ею.

За двадцать лет народной власти румынские эпидемиологи совместно со специалистами из Советского Союза создали сеть антималярийных станций. Теперь опасная болезнь сведена на нет и основное внимание эпидемиологии уделяют профилактике заболеваний.

ТЛИНКИТСКИЙ ВОИН

РУДОЛЬФ ИТС

Он стоит, гордо расправив плечи, правая рука сжимает боевой нож, глаза скрыты под наличником — забралом, на голове массивный шлем-маска — это тлинкитский воин в полном боевом костюме. Он существует теперь лишь в виде манекена, стоящего в зале «Индейцы Северной Америки» Музея антропологии и этнографии Академии наук СССР.

Здесь же хранится еще ряд экспонатов, рассказывающих о тлинкитском племени; отдельные вещи их разбросаны по другим музеям мира. Это все, что осталось от самобытной культуры могущественного племени, населявшего юго-восточное побережье Аляски лет сто назад.

...Гряда Скалистых гор ограждала земли тлинкитов на востоке, а на западе их омывали воды Тихого океана.

Тлинкиты снаряжали мужчин для рыбной ловли, для охоты на китов, тюленей, моржей, птицу.

Женщины разделяли добычу, запасали рыбий и тюлений жир, сушили и вялили лососей, выделывали шкуры, плели сети.

Тлинкиты жили родовым строем, но вожди родов и фратрий уже пользовались особыми привилегиями, имели рабов из военнопленных.

* * *

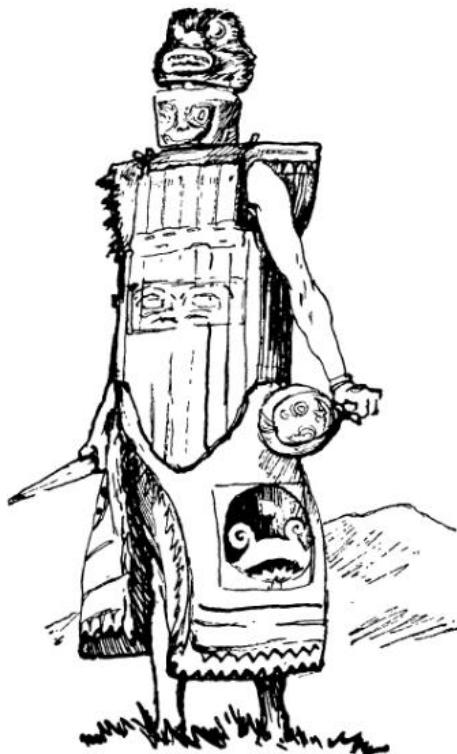
...Тот день навсегда остался в памяти Котлана. Вождь рода Орлиных когтей из фратрии Волка решил построить для себя новый большой дом. По обычаям племени сооружать этот дом могли только люди из другой фратрии. Вождь отправил посланцев к своим соплеменникам.

В селении рода Ворона из взрослых мужчин находилось только двое — Котлан и его дядя. Остальные были на охоте. Отказать в помощи дружественному роду было нельзя — воины Ворона отправились строить дом.

Каменными топорами мужчины вытесывали из толстых бревен доски и сооружали из них стены и крышу. На толстых, врытых в землю столбах, поддерживающих двускатную крышу, были искусно вырезаны изображенияtotема рода Орлиных когтей. Вот уже в землю перед домом врыт высокий тотемный столб, весь резной, покрытый изображениями орлиных и волчьих голов, птичьих лап и крыльев.

И вдруг в полном боевом облачении хозяева напали на строителей...

Тяжелораненый двадцатилетний Котлан стал рабом. В доме, построенном его же руками, теперь ему место было лишь у входа. Гнев он спрятал глубоко в сердце и выжидал. Он не надеялся на своих сородичей; если бы они могли, они бы давно выкупили его.

Рисунки П. ПАВЛИНОВА

Котлан ненавидел своего господина, заманившего его в ловушку. Не любили коварного и хитрого вождя и его сородичи, но они не осмеливались восстать.

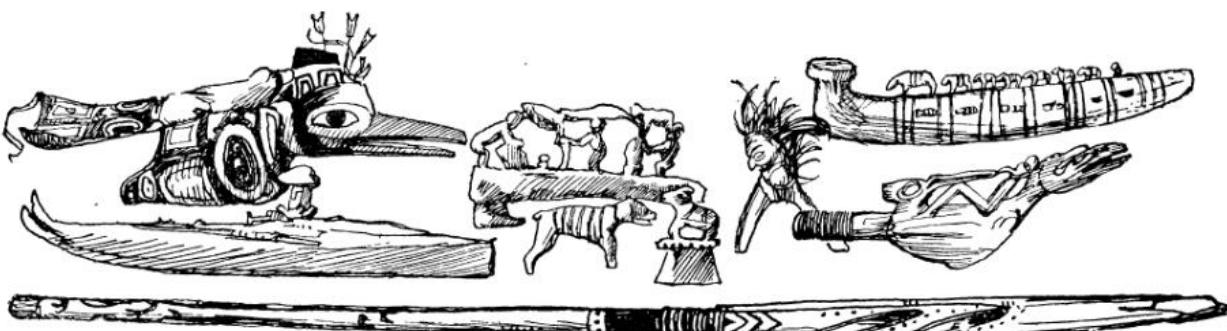
Только одна душа в этом доме была близка Котлану — юная рабыня из племени хайда. Звали ее Скету. Котлан любил наблюдать за ее работой, и, поймав ее взгляд, она улыбалась ему.

Однажды в огромном доме вождя собралась весь род на поминки умершего родственника. Вдоль стен на двухъярусных нарах сидело человек сто мужчин и женщин, стариков и детей. В центре дома горел костер. Вождь был в накидке с узорами, на голове — деревянная шапка, изображающая волчью голову с раскрытым пастью. В таких же нарядах сидела его почетная свита. Рабы приготовили пищу. Первые куски ее бросили в костер, чтобы пламя донесло их до умершего.

Но умершего ждала еще одна жертва... Когда начнутся «волчьи» танцы вокруг костра, под пение женщин в ряды танцующих войдет человек, одетый в точно такой же костюм, какой был на умершем, — тогда все поймут, что дух умершего получил свою жертву и довolen ею. Мaska умершего пройдет круг вместе со всеми, а потом останется одна у костра продолжать танец...

Котлан знал обычай племени, и, когда Скету послали за водой, он незаметно вышел следом.

Скету торопливо бежала по тропинке к устью реки, впадающей в залив. Острые иглы хвои кололи ей

ноги. Тропа оборвалась. По берегу, усыпанному галькой, бежать стало еще труднее. Прыгая по большим валунам, девочка подбежала к воде и погрузила в волну посудину — широкий туесок, сплетенный из корней кедра.

Гигантская льдина, покачиваясь на волнах, тихо ползла к берегу. Свинцово-серые тучи, ветер, темная вода пролива и безмолвие селения пугали Скету. Не переводя дыхания, она быстро побежала обратно по тропе. Вода выплескивалась из туеска, и холодные капли падали на разгоряченное тело.

Скету уже вбежала на порог, как кто-то высокий, с оскаленной волчьей пастью встал перед ней. Девочка вздрогнула и остановилась. Перед ней стоял человек, изображающий дух умершего, и острый кинжал был у него в руке. Туесок выпал из рук Скету. Вдруг от бокового столба дома отделилась тень. Мaska умершего осела под ударом кулака, кинжал выпал на землю. Скету узнала в своем спасителе Котлана.

— Не возвращайся в дом, жди меня здесь!

Котлан отвел Скету за угол дома, вернулся к поверхенному, снял с него облачение, надел на себя и решительно рванул дверь.

Легкими шагами вошел Котлан в круг танцующих. Гадостный взгляд раздался на нарах — дух умершего доволен рабыней, принесенной в жертву! Костер горел ярко, в полумраке жилища огромные тени танцующих прыгали по стенам. Тоскливы песни надрывали душу. Закончен еще круг танца. Теперь только один танцует у костра — это Котлан. Никто не признает в нем раба. Крепко скимает он кинжал и медленно приближается к вождю. Шаг, еще шаг. Клинок занесен. Вождь не успевает отклониться и падает с нар. Мaska медленно уходит к дверям, никто не двигается. Кто же будет гнаться за духом мертвого?..

Род принял беглецов, хотя и боялся мести Орлиных когтей.

Но род Орлиных когтей не стал мстить. Через год перед селением Ворона появились воины. Бросив оружие на землю, они высоко подняли руки — это значило, что они пришли с миром.

Вождь принял посланцев, и через четыре дня воины Ворона и Орлиных когтей вышли вместе в поход против чужого племени, напавшего на тлинкитские селения. Предводителем отряда стал Котлан — оба рода признали его военным вождем.

Пока муж был в походе, Скету боялась перевернуть нечаянно посудину с водой, чтобы лодка, на которой ушли воины, не потерпела крушение в океане. Она боялась сделать неосторожное движение и поранить руку, чтобы враги не пролили кровь мужа.

...Три воина вернулись из похода. Лодка их была набита захваченной добычей, но только двое могли грести — третий лежал и тихо стонал. Это был Котлан. На нем не было боевых доспехов, их не было и в лодке. А произошло вот что.

V Международному Конгрессу Антропологов и Этнографов

На предстоящем конгрессе будут широко обсуждаться вопросы музееведения. Наш корреспондент беседовал с руководителем музеологических секций конгресса профессором Леонидом Павловичем Потаповым. Вот что он рассказал:

— Работа этнографа немыслима без постоянного обращения к такому ценному источнику, как музейные коллекции.

Собранные воедино подлинные предметы культуры и быта различных народов раскрывают перед учеными мир человека труда, помогают познать историю развития общества.

Одним из крупнейших музеев в нашей стране считается Музей антропологии и этнографии АН СССР в Ленинграде. «Наследник» первых этнографических и антропологических коллекций знаменитой Петровской Кунсткамеры, наш музей в этом году, — говорит Леонид Павлович Потапов, — будет праздновать 250-летие своего существования.

На конгрессе будут работать две музеологические секции — «Собирание, изучение, хранение и консервация музейных коллекций» и «Музейные экспозиции и методы научно-просветительной работы». В работе обеих секций примут участие представители крупнейших этнографических и краеведческих музеев нашей страны — из Москвы, Ленинграда, Риги, Таллина, Еревана, Алма-Аты, Львова, Ташкента, Тарту, Хабаровска и Тбилиси. С докладами приедут зарубежные музееведы из Чехословакии, Польши, ГДР, Югославии, Японии, США, Израиля.

Тлинкитские воины сражались храбро и одержали победу. Двадцать рабов-тлинкитов было освобождено из плена, и только трое воинов осталось на поле битвы. Дети Волка возвращались домой, когда на вершине холма их остановили стрелы врага, укрывшегося в засаде. Это были остатки вражеского войска. Котлан успел дать сигнал, и его воины опустили наличники-забрала, плотнее надели деревянные резные шлемы, закрешили пластичные панцири. Грозными, всесокрушающими рядами двинулись на врага. Военные доспехи были тяжелы, и тлинкиты шли медленно. В лучах солнца блестели перламутровые глаза и зубы на масках-шлемах. До первой гряды камней осталось шагов двадцать. Котлан поднял руку с длинным боевым ножом и побежал навстречу неприятелю.

Вдруг он почувствовал сильный удар в грудь и упал.

Солнце стояло высоко, когда Котлан открыл глаза и, приподнявшись, оглянулся. Он лежал на вершине прибрежного холма, рядом с ним лежали его воины и его враги. Он попробовал сосчитать своих — двоих из них не было. С трудом он поднялся, поправил шлем и забрало. Он не верил тишине.

Он постоял над убитыми и медленно пошел к берегу. У самого входа в бухту стоял корабль. Люди на корабле увидели Котлана и стали спускать лодку. Котлан повернулся спиной к воде, хотел бежать, но упал.

Очнулся он в окружении двух своих воинов и ино-

Многие доклады советских и зарубежных ученых касаются вопроса, с которого мы начали беседу, — значение этнографических коллекций для научно-исследовательской работы. Скажем, американский ученый Е. Гюнтер в своем докладе подчеркивает, что в изучении культуры североамериканских индейцев, уничтоженной колонизаторами, большую помощь могут оказать коллекции Ленинградского музея антропологии и этнографии, собранные знаменитыми русскими исследователями XVIII—XIX веков Ю. Лисянским и И. Вознесенским.

На конгрессе будет обсуждаться и проблема этнографических парков-музеев. Представьте себе: вы видите — не на рисунке, не на фотографии, а воочию — древние крепости и остроги, курные избы и деревянные церквишки, то, что окружало жизнь наших предков. Как много впечатлений рождает такой необычный музей! Как зримо можно ощутить наше «русское чудо», когда встречаешься с ушедшей в прошлое «лапотной Россией»... В нашей стране уже давно существует музей под Ригой, где посетители могут войти в старинную крестьянскую избу, увидеть крестьянские хозяйствственные постройки, древние часовни.

Сейчас предполагается, — добавляет Потапов, — создать подобный музей-парк в Таллине.

Проблеме этнографического парка-музея на конгрессе будет посвящено пять докладов, в частности, румынские этнографы расскажут о своем «Музее деревни», а польские коллеги о своих парках-музеях.

И еще хотелось бы сказать несколько слов о докладе югославского ученого Тибора Секели «Новый тип музея для современного общества». Как видите, любопытно уже само название. Секели отстаивает идею создания таких этнографических музеев, которые на глядко бы показывали, что все народы «участвовали в создании цивилизации современного человечества». Наши советские музеи так именно и построены. Так что в лице советских ученых Тибор Секели найдет поддержку.

земцев в невиданных прежде одеяниях. Одного из них звали Ильей, он был старшим. Он снял с Котлана доспехи и перевязал рану. Потом Котлан узнал, что появлению корабля он обязан и жизнью. Враги Котлана, увидев большую чужую лодку под парусами, разбежались.

Забрав трофеи с поля битвы, воины Котлана перенесли своего предводителя в лодку и направились домой. Прощаясь с вождем корабля, Котлан в знак дружбы отдал ему свой боевой костюм¹. Лодка с тремя воинами из племени тлинкитов и корабль под русским флагом на прощанье отсалютовали друг другу каждый по-своему.

И хотя у Котлана теперь не было своих боевых доспехов, никто в селении не осуждал его...

¹ Выдающийся русский этнограф и зоолог Илья Гаврилович Вознесенский привез в Кунсткамеру Петербурга костюм тлинкитского воина в 1845 году.

ХУНЗА

На севере Кашмира среди отрогов Каракорума затеряна высокогорная долина. Там живет хунза — народ, о существовании которого до последнего времени известно было очень немногое. Сейчас там насчитывается около 200 деревень с общим населением в двадцать тысяч человек.

Впервые в долине Хунзы, притока Инда, в 1880 году побывал английский майор Биддулф с несколькими солдатами. В те времена, по весьма приблизительным подсчетам, население горной страны насчитывало 6000 человек. С тех пор хунза, или, как их еще называют, буриши, находились под постоянным наблюдением англичан. Однако сведения об этом районе были слухи и отрывочны. Одной из причин столь длительной изоляции маленького народа от внешнего мира явилось и то, что пробраться в эти районы необыкновенно трудно. Даже язык хунза и тот совершенно изолирован и не находит аналогий ни с одним из известных языков мира.

Лишь в прошлом году в Гималаях побывала первая большая научная экспедиция, возглавляемая французским биологом Бельвефером. Ее участники долго изучали нравы, обычаи и языки народа хунза, который называют «вечно юным», «не знающим болезней».

Деревни хунза невелики — в них обычно пять-шесть сложенных из камня домов. Позади каждого дома — крошечный садик, перед домом — двор. Жилищем хунза пользуются только в ненастные зимние месяцы, а в остальное время года вся семья — 20—25 человек, включая стариков и детей, — находится на воздухе. Спит во дворе или на террасе.

С начала весны и до поздних холодов хунза работают на полях и в садах. Они необычайно чистоплотны и опрятны, отличаются жизнерадостным, уравновешенным характером. И все-таки больше всего поражают их феноменальная физическая закалка и здоровье.

Белокожие, среднего роста, хорошо сложенные, хунза не знают усталости. Они совершают длительные переходы с большими грузами. Им незнакомы хронические и инфекционные болезни.

Секрет подобного необыкновенного здоровья кроется, видимо, в их образе жизни, строгом режиме и каком-то особом диетическом питании. Известно, что люди хунза едят очень мало хлеба и мяса, отдавая предпочтение овощам и фруктам, пьют воду из горных минеральных источников и добавляют в пищу «горный мед» — продукт, тайна приготовления которого по традиции сохраняется стариками. Среди людей племени не уви-дишь полных людей. Стойкие, поджарые — «люди без животов», как их с завистью называют соседи, — они сохраняют молодость до глубокой старости.

Говорят, что люди, перешагнувшие столетний рубеж, — не редкость среди хунза. Участники экспедиции встречали людей в возрасте 130 лет!

Экспедиция Бельвефера больше месяца добиралась в долину Хунзы по головокружительно узким тропкам. Но «игра стола свеч», и сейчас этнографы всего мира с нетерпением ждут опубликования отчетов этой интереснейшей экспедиции.

Н. АГАЙНЦ

ЛЕСТРЫЙ МИР

СЮРПРИЗЫ ТЕХНИКИ

Один из фермеров в штате Калифорния (США) спокойно работал на своем огородном участке, не обращая внимания на пролетавший вертолет. Велико же было его изумление, когда он увидел, как... вертолет приземлился посреди поля. Из него вылез пилот, срезал несколько лучших дынь и исчез в голубом просторе. Поистине техника смело входит в быт!

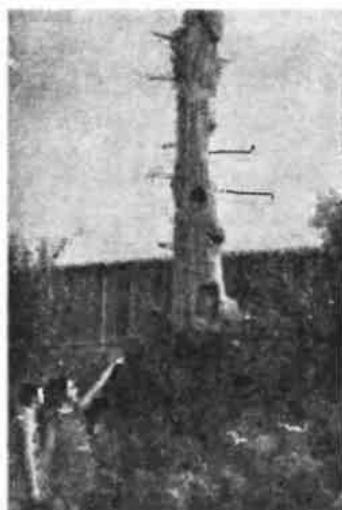

МАДАМ ПОМПАДУР №...

До недавнего времени в Париже в качестве телефонных индексов применялись географические названия, имена исторических личностей Франции и т. д. Был индекс «Алезия» — по названию местечка, где Юлий Цезарь взял в плен вождя галлов Верцингеториса, индекс «Ваграм» — от названия места битвы на плюеновских войск с австрийцами; как индексы использовали имена Диодо, Дантона, Ламартина, мадам Помпадур. Неудобства от пользования ими очевидны, и потому была проведена «телефонная реформа» — старые индексы заменили обычными номерами. Пользоваться парижским телефоном стало удобнее, но, по мнению почитателей старины, телефон потерял... романтический аромат.

ДРУЗЬЯ ПО НЕСЧАСТЬЮ

...Уки и Олаф до этого никогда не знали друг друга. Беззаботно ревались они в студеной воде океана. Но вот их поймали и привезли в нью-йоркский зоопарк. Моржей поместили в два соседних бассейна. Здесь и познакомились Уки и Олаф. Каждый день они перелезали друг к другу бассейн через барьер. Тогда служители зоопарка поставили между бассейнами забор из досок. Однако и это не помогло приятелям по-прежнему любят «поговорить» и «вспомнить» о прошедших временах.

ЗЕЛЕННЫЕ ТЕРРИКОНЫ

Терриконы — огромные холмы породы, вынутой из шахт, — давно стали неприятной, но неизбежной частью пейзажа угледобывающих районов Англии. Накопившаяся за целые столетия безжизненная масса пустой породы занимает значительные площади сельскохозяйственных земель.

Но вот недавно один английский естествоиспытатель решился поторопить медлительную природу, ускорить создание почвенного слоя на терриконах. На помощь он призвал... земляных червей. Выращенных в специальном питомнике червей выпустили на один из участков пустой породы. Легионы подземных работяг взрыхлили верхний слой холма. Это облегчило доступ воздуха и воды, пробудило к жизни бесполезную прежде землю. Холм покрылся зелеными ростками. Предполагается для дальнейших экспериментов выделить настоящему озеленителю цепь террикон.

«СКВОРЕЧНИК».

ПУГАЛО

Строители одного из новых зданий в Лунсбурге (ФРГ), казалось, все предусмотрели для удобства не только жильцов, но и пернатых обитателей сада. Посреди сквера воздвигли бетонный монолит с торчащими во все стороны прутьями. Это сооружение по замыслу авторов проекта должно служить... скворечником. Ультрамодный «птичий домик» должен был по мысли его создателей приобщить птиц к современной «цивилизации». Однако птицы предпочитают вить гнезда по старинке, а абстрактный скворечник облетают стороной, принимая его за пугало.

АРТИ-АКРОБАТ

Арти — собака пастуха из горной Шотландии — весь свой досуг отдает акробатическим упражнениям. Арти любит... качаться на ветвях деревьев. Хозяин собаки ничего не имеет против «хобби» своего помощника. «Ну что ж, — говорит он, — Арти — честный, трудолюбивый пес. Пусть себе раскачивается на деревьях, если ему это нравится».

КОЗА-СКАКУН

Нелли — так зовут эту козу — росла вместе с табуном при ипподроме города Кемптона (Англия). Она привыкла к лошадям, лошади — к ней. Нелли часто паслась на тренировочном поле и «наблюдала» за прыжками и скачками лошадей. Спортивный азарт захватил козу, и теперь Нелли стала заправским «скакуном».

СПОРТ С „ПЕРЕВЕРНУТЫМИ МОЗГАМИ“

„Чем же еще удивить мир и как-то разнообразить свою жизнь? — думают изнывающие от скучи богачи-коригиналы. И додумались...

На фешенебельных пляжах Калифорнии родился новый «вид спорта» — «звезда с перевернутыми мозгами». Нужно насколько возможно разогнать автомобиль по песчаным дюнам и ухитриться поставить машину на попа. Некоторым это удается, другим после первой попытки приходится «скучать» в больнице. Был изобретен и другой «вид спорта»: гонки на 200 метров на... бычьей шкуре. К лошади привязывают на длинном тросе шкуру, на нее садится человек и крепко держится за трос. Побеждает тот, у кого крепче... колени и живот — «спортсмен» должен продержаться на шкуре максимально долго, в то время как конь волочит его в бешено скакущем.

ЗОЛОТОЙ ПЕСОК

Что песок Аляски содержит золото, известно давно. Один предпримчивый канадский торговец решил нажиться на этой аксиоме по-новому. Ему пришла идея упаковывать в банки «чистый, беспримесный, отборный и золотоносный песок Аляски» и продавать его богатым туристам.

«Песочный» авантюрист уже продал больше тысячи банок. «Золотоносный» песок находит сбыт у доверчивых любителей экзотики.

ВОЗРОЖДЕНИЕ ТРАДИЦИЙ

После второй мировой войны кимоно — национальная одежда японцев — стало исчезать, его заменил европейский костюм. Осенью 1964 года в Токио состоятся Олимпийские игры, к которым готовится вся страна. Это событие вновь пробудило интерес к национальным традициям. Как сообщает зарубежная печать, во многих городах Японии открыты специальные курсы, где обучают «элегантному и непринужденному ношению кимоно».

КТО ЭТО?

Трудно поверить, что этот загадочный зверек с испуганными глазами — всего-навсего.. кокосовый орех. Обычно кокосовые пальмыроняют свои тяжелые, весом до восьми килограммов, плоды в зеркальную гладь морских лагун. Отсюда волны разносят их по всему белому свету — кокосовые орехи приплывают даже к берегам Норвегии. А этот хитрец спрятался совсем близко от родной пальмы.

ДЛЯ ЛЕСОВ, ОЗЕР И ПОЛЕЙ

Фазаны — пестрые птицы — уничтожают массу вредных насекомых и семена сорняков, которые не едят другие птицы. Поэтому на одной из крупных птицеводческих ферм ГДР — Гильдбургхаузен — стали разводить фазанов. Каждый год более тысячи голов фазанного молодняка выпускают на волю птицеводы ГДР. В скором времени флора страны пополнится новым видом красивых птиц.

Далеко разносится кряканье и шум крыльев тысяч уток. Опытная утиная ферма — гордость кооперативного хозяйства Кличмар (ГДР). Здесь птицевод-любитель Кири разводит диких и домашних уток из Европы; бразильских, чилийских, байкальских и австралийских уток. Все они чувствуют себя хорошо в необычных условиях и полностью акклиматизировались.

На фермах югославской Воеводины на специальному рационе содержится 20 тысяч... зайцев. Пройдет немного времени, и они переменят место жительства: заяц вылезет из Югославии во Францию и Италию. Это одна из статей югославского экспорта в эти страны. А сейчас будущих «путешественников» содержат на специальной диете, чтобы привыкнуть к обычной «заячьей пище» Италии и Франции.

Рисунки В. СТАЦИНСКОГО

ГРАМПЕАДОР

Проникнуть в малолюдные и малонаселенные районы аргентинской пампы — задача не легкая. На лошади пробраться туда невозможно, а подняться вверх по бурным, порожистым рекам юга Аргентины совершино немыслимо.

И вот двое путешественников, один из которых местный житель-охотник, другой — журналист, решают спуститься вниз по реке Кольон-Кура от ее истоков — на границе Аргентины и Чили — и проплыть по рекам Рио-Лимай, Рио-Неукен, Рио-Негро.

Один из путешественников отвечает за плавание, другой — за охоту; его зовут Франческо-трампейдор.

Во время плавания путешественники охотятся на нутрий, лис, гуанако и других животных. С ними приключается ряд забавных историй, о которых рассказывалось в прелыющем номере журнала.

Эти страницы приглашают читателей продолжить плавание вниз по Кольон-Куре...

АНТОНИО АРЛЕТТИ

Рисунки К. ЭДЕЛЬШТЕЙНА

«ВЕДЬМИН ВОДОПАД»

В роли мстителя за убитого гуанако выступила река. Эта могучая река, наш друг и одновременно недруг, услужливая и гордая, вызывавшая у нас любовь и ненависть, готовила нам подлое предательство.

Зажатая с двух сторон каменными стенами, река все ускоряла свой бег. Не видя впереди опасных препятствий и желая поскорее миновать эти голые скалы, где на богатую добычу рассчитывать не приходилось, мы отдалились на волю стремительного потока. Посреди реки, вдали от берегов, трудно установить, сколь велика и опасна скорость течения. Впрочем, когда ложе реки позволяет, на помощь приходит верный признак, ясно говорящий о надвигающейся опасности, — это шум камней, медленно катящихся по дну на глубине нескольких метров. Характерный грохот камней, ударяющихся друг о друга, ползущих по неровному дну, опрокидывающихся в воронки, подозрительным шелестом долетает до поверхности. Проплывая над одной из таких подводных банок, мы почувствовали, что нам грозит опасность. Шум стал каким-то пронзительным, чересчур громким. Мы приближались к повороту, после чего, по нашим предположениям, река должна была вновь раздаться вширь и умерить свой пыл. Между тем... берега еще больше сузились, и мы очутились в тесном ущелье. Нас потащило куда-то в сторону к громко шумящему водопаду. Ничего хуже нельзя было придумать. Попытка высадиться на берег носила совершенно символический характер: нам это не удалось бы и на моторной лодке, не говоря уже о наших мускульных усилиях.

Я попытался направить каноэ коромы к потоку, а течение несло нас в узкую горловину, где бушевали грозные водяные валы. Было бы логично, если б вода проносилась через открытый створ горловины. Но все

происходило наоборот. Вначале вода пыталась пробиться через острую скалу, глубоко врезавшуюся слева в реку, и лишь затем, убедившись в бесплодности своих наскоков, уносилась к внешней стороне горловины, куда ее гнали таинственные центробежные силы. Лишь теперь, свернув вправо, вода скатывалась по каменным ступеням вниз.

Продолжение. Начало в № 7.

Отданные во власть стихии, оглушенные шумом воды, мы покорно убрали весла и улеглись на дно лодки. Каноэ, поворачиваясь вокруг своей оси, обильно черпая воду и получая чувствительные удары, совершило невероятный подвиг. Оно продолжало плыть по течению и не затонуло даже после головокружительного прыжка с высоты. Испытание без каких-либо заслуг с нашей стороны было выдержано великолепно, и реке не мешало бы, наконец, утихомириться. Между тем, не дав нам даже перевести дыхание, река что есть мочи бросила каноэ на подводный камень. Леденящий душу скрип... Франческо вскочил и уцепился за скалу, готовый прыгнуть с каноэ

Но мы уже неслись дальше, и я даже не успел отдать ему приказ отпустить скалу. Минуту спустя мы угодили в грот, который вода выдолбила в гладкой стене скалы. Я попытался смягчить удар, перегнувшись через борт и вытянув руки. Но не мои руки коснулись скалы, а скала обрушилась мне на голову...

Волна приподняла каноэ, и я стукнулся головой о свод грота. Каноэ застряло в узком проходе внутри грота. Я валялся на дне с окровавленным лицом, а снаружи Франческо отчаянно цеплялся за каменную стену, в полнейшей растерянности глядя на меня. Решение я принял почти мгновенно, без малейшего колебания — снова направить каноэ в бурлящий поток. Нас опять понесло вниз по течению. Мы еще раз попали в водоворот, задели днищем подводные камни, но теперь каноэ уже можно было как-то управлять.

Победа была близка; мы схватили весла и, подбадривая себя дикими криками, спустились в долину, где течение было потише. Ценою отчаянных усилий подогнали к берегу отяжелевшее от обильных порций воды каноэ. Промокшие до нитки, озябшие и слегка одуревшие, мы разожгли костер. Нас начала бить нервная дрожь. Мы молчали и потихоньку тряслись в ознобе, получив полное право, поеживаясь от холода, смотреть издалека на негостепримный водопад. Наконец-то мы могли позволить себе такую роскошь, как страх. В полнейшей безопасности, на берегу этот страх был нам почти приятен.

Рана на голове оказалась неопасной. Франческо обмыл ее лечебным настоем из трав. Тепло костра согревало нас; понемногу к нам возвращалось обычное блажедство и чувство юмора. Заливаясь смехом, мы вспоминали, как я бодал головой скалу, а Франческо сжимал эту каменно-холодную красавицу в страстных объятиях. Нас переполняла радость жизни, и мы не сразу заметили, что костер начал угасать. В одних трусах бросились за сучьями и, комично пританцовывая, стали бросать их в костер, освещавший довольные лица двух неосторожных путешественников, которых любовь к природе и тишине забросила в безлюдные долины Патагонии. Взметнувшийся к небу огонь костра был символом нашего богатства — свободы, языческой одой жизни.

Наше каноэ получило серьезные повреждения. Нужно было устроить привал и привести все в порядок. Пришлось спуститься еще ниже, в долину, ведя каноэ на поводке. В тот день ни я, ни Франческо ни за какие блага в мире не ступили бы на борт нашего «корабля». Вниз мы спустились, чтобы как можно дальше удрать от глухого бормотания водопада, в котором нам чудились насмешка и угроза. Но злобный рокот воды всю ночь не давал нам спать и преследовал нас кошмарными сновидениями. Действительно, он оправдывал свое название «Ведьмин водопад», но об этом мы узнали позже.

Целый день мы чинили и конопатили каноэ, сушили все, что еще можно было высушить. Работы было столько, что мы не стали обедать, да, по правде говоря, нам обоим совершенно не хотелось есть. Это был единственный случай за все время экспедиции, когда у нас пропал аппетит. Зато поужинали мы погло — ведь не выбрасывали же подмокшие продукты.

После ужина при свете костра состоялась простая и торжественная церемония. Мы вырезали из пустой картонки буквы и наклеили их на левый борт нашего каноэ, которое получило отныне звучное название «Спагетто-1». Франческо тут же вручил доблестному каноэ «медаль», прикрепив сбоку у надписи сверкающую гильзу. Этим мы выразили нашу признательность неуклюжей и грубой плоскодонке, которой мы были обязаны нашим спасением.

НАНДУ И Я

Нанду — это страус Южной Америки. Он немного ниже своего африканского кузена, но этот недостаток частично компенсируется наличием лишнего пальца на ноге и позволяет нанду не чувствовать себя бедным родственником. Нанду горделиво выставляет напоказ две несоразмерно длинные ноги и длинную шею. Приплюснутый, поросший шерстью лобик согласно книгам по судебной медицине неопровергимо свидетельствует о кретинизме его владельца.

Если вы в Патагонии или в пампе упомяните в присутствии индейцев о нанду, вас не поймут. Индейцы решат, что вы задавака, и посмотрят на вас весьма косо. Может случиться, что один из них даже выхватит длинный нож, который носят за поясом.

Однако, если вы скажете «авеструц» — птица-страус, индейцы мгновенно исчезнут и вскоре прискакут верхом на коне, вооруженные болами — связками метательных камней. Окинув зорким взглядом местность, индейцы бросятся на коня в погоню. Кроме печального выражения, общего для всех лошадей в этих краях, местные кони не имеют никаких характерных особенностей. Но их обучили преследовать нанду! Как и нанду, эти кони привыкли с пятидесятикилометровой скоростью почти под прямым углом одолевать холмы и молниеносно менять ритм бега, что весьма опасно для неопытного наездника. Только на этих лошадях можно подобраться к нанду на нужное расстояние.

После пленения у огромной бегающей птицы забирают лучшие перья и, дружески хлопнув ее по «плечу», отпускают на свободу. Понятно, если под рукой есть еда покусней. Менее живописный способ охоты заключается в том, что, устроив на нанду засаду, его предательски убивают.

Спустя два дня после поединка с водопадом яшел в свой лагерь и... встретился лицом к лицу с неосторожным нанду. Мы оба крайне удивились и не знали, что делать.

Ноги у нанду оказались куда послушнее моих, а реакция почти мгновенной. Со стремительностью спринтера он бросился наутек. Это помогло мне разрешить сложную дилемму: коль скоро он обратился в бегство, я не обязан делать то же самое. Выяснив, что серьезная опасность мне не грозит, а главное, желая утихомирить указательный палец, нервно плясавший на спусковом крючке, я вскинул свою двустрелку и выстрелил. С того дня, слушая охотничью рассказы, я самодовольно улыбаюсь. Невезучий нанду, удирающий, не разбирая дороги, опрометчиво подсунул маленькую голо-

зув под мою шальную пулью. Бедная птица замертво рухнула на землю. Мне даже не понадобился охотничий нож, который я смело выхватил из-за пояса, чтобы нанести врагу последний удар.

Я бы еще долго соображал, что мне делать с этой тушей, если бы на помощь не пришел Франческо, прибывавший на выстрел. Исследуя, куда же угодила моя пулья, Франческо не удержался от изумленного воскликновения:

— Каррамба!

Он сказал, что лишь такой меткий стрелок, как я, мог целиться в голову. Сам он обычно старался попасть нанду в бок или в бедро, что, понятно, куда проще. К тому же, ему вряд ли удалось бы попасть в крохотную голову нанду или в тоненькую шею. Франческо еще долго поздравлял меня. Я не остался в долгу и заявил, что он превосходно гребет и непонятно почему отказывается вести каюз.

После обмена любезностями Франческо, к моему великому изумлению, не ошипал бедного нанду, а снял с него шкуру. При этом он не повредил и не потерял ни одного перышка. Все это он проделал с такой же легкостью, с какой снимают рубаху. С некоторого времени шкура нанду стала цениться дороже перья. Из нее делают экстравагантные кожаные туфли со вмятинками в тех местах, где были перья.

Эта мода весьма отразилась на здоровье нанду: уменьшился спрос на его перья, но сильно возросла в цене его шкуры. Если раньше у бедной птицы были кое-какие шансы на спасение, то теперь их не осталось вовсе.

По указанию Франческо я вырезал из крестцовой и тазовой костей нанду два огромных бифштекса и отделил желудок. Очищая его, я удивлялся содержимому этой большущей сумки: месиво из листьев, множество камешков, два кактуса величиной с кулак, со всеми колючками и какие-то незнакомые мне коренья. Назначение двух бифштексов я понял сразу; немного твердovатые, они все же пришли нам по вкусу. Но вот зачем нужно было вырезать несъедобный, с моей точки зрения, желудок, я никак не мог догадаться. В лагере Франческо, как всегда, подробно и убедительно все мне объяснил: желудок разрезается на тоненькие дольки, которые затем оставляют сохнуть на солнце. Когда они хорошенько высыхнут, их размельчают в порошок, добавляют немного соли и сахара и высыпают в мешочек.

Если у вас не дай бог заболит живот или возникнут

трудности с пищеварением, тут же примите щепотку порошка, разбавленного в воде. Итак, мы сделались обладателями своего рода домашней английской соли.

Увы, мое знакомство с американским страусом началось и кончилось в тот же день. Больше мне уже не удалось встретиться с ним с глазу на глаз. Зато нам пришлось познакомиться с новым представителем местной фауны.

ПЛОТ-«ЛЕДОКОЛ»

Это был обычный европейский заяц, завезенный сюда моряками. На своей новой родине заяц весьма легко акклиматизировался. Как бравый и трудолюбивый эмигрант, он стал быстро размножаться и завоевывать все новые и новые земли. В этом районе зайцев предостаточно, хотя и не так много, как на севере Патагонии, где они стали истинным бичом земледельцев. Однако и в этих затерянных в пустыне уголках земли до них добрался человек, хорошо ли, плохо ли, но представлений мною и Франческо. И вот теперь мы предали бедных зайцев огню и мечу, и по вечерам их шкурки уныло висели на кустах у нашей палатки рядом со шкурами нанду, лисиц, нутрий.

На смену красной лисе мало-помалу пришла серая, к счастью, значительно меньших размеров. Ведь наша работа становилась все более тяжелой. Когда все двадцать пять капканов вступили в действие, а это случалось почти каждый день, нам приходилось шагать по 12—15 километров в день. Если путь от палатки до капканов с одним лишь ружьем за плечами был приятной прогулкой, то возвращение превращалось в мучительный марш. Мы еле плелись, согнувшись под тяжестью богатой добычи. Кроме того, силки на зайцев, хоть мы и ставили их вблизи палатки, тоже надо было обойти один за другим. Но если ставить силки можно научиться, то собирать их — никогда. Обнаружение силков требует от охотника тщательного напряжения памяти и зрения. Ведь нужно отыскать тоненькие куски проволоки длиной в несколько сантиметров, спрятанные тщательно и в самых немыслимых местах.

По моим наблюдениям, если старые, опытные охотники теряют десять-пятнадцать процентов всех силков, то это уже крупный успех. Я обычно терял их от восьмидесяти пяти до девяноста процентов. Франческо же достаточно было пяти-шести обрывков бумаги, чтобы найти силки все до одного.

В нашем товариществе потеря силков допускалась, так как их нетрудно было заменить. Но вот потерять капкан не разрешалось. Думаю, что Франческо даже мысли об этом не допускал. Если подобное несчастье все же случалось, поиски велись до полного изнеможения, так как безвозвратно потерять капкан означало не только распрошаться с этим капканом и утянувшим его животным, но и со всеми животными, которые могли бы в него попасть.

Рассуждения Франческо отличались железной логикой, и я признавал их абсолютно справедливыми. Труднее было отыскивать капканы. На берегу животное, волоча капкан, оставляло четкие следы, и за все время мы не потеряли здесь ни одного капкана. Что же до капканов, поставленных под водой, — все зависело от сообразительности нутрий. Если зверек понимал, что, только достигнув берега и скрывшись в кустах, он сохранит надежду спастись, наша задача сильно облегчалась. Сообразительность зверька была нам только на пользу. Но часто нутрия этого не понимала и пыталась уйти под воду. В этих случаях тяжелый капкан утягивал на дно и топил глупую нутрию. Приходилось отыскивать утопленницу, застрявшую в придонных водорослях.

Неприятное открытие было сделано во время утреннего обхода. Две нутрии порвали цепочку капканов. Одну из них мы тут же обнаружили в прибрежных кустах, и ее постигло неотвратимое возмездие. Зато следов другой нутрии мы не нашли. Капкан был поставлен на илистом берегу речной заводи и прикреплен к тонкому колу. Как видно, нутрии без особого труда удалось его вырвать. Почти наверняка это был крупный, сильный самец, и он сразу ушел на дно.

Пришлося нам снять ботинки, засучить штаны и лезть в воду. Вода была просто ледяной, но Франческо не сдавался. То и дело мы высакивали на берег, чтобы погреться у костра, разведенного предусмотрительным Франческо. Затем снова лезли в воду, шарили палкой, где уже не могли достать ни ногой, ни рукой. Все наши усилия оказались тщетными, и пришлося вернуться в лагерь. Я решил, что поиски закончились и теперь у нас будет одним капканом меньше.

Франческо покернел от злости, таким мрачным я его еще не видел. После обеда он нагрузился канатами, проволокой, топором, ящиком с гвоздями, сунул мне свой карабин и велел трогаться в путь. Он говорил отрывисто, резко, и я счел за лучшее не задавать ему никаких вопросов. Все же я попытался угадать, куда мы идем.

Места для охоты здесь великолепные, залив очень красив. Вероятно, мы соорудим тут хижину и будем отдыхать — все же целый месяц мы путешествуем и непрерывно охотимся.

Размечтавшись, я даже не заметил, что мы подходим к заводи. Опять этот проклятый капкан!

Вместо хижины мы соорудили... плот. До полудня кружили на лагунке в тщетной надежде извлечь из воды утонувшую нутрию. Дно мы исследовали теперь

длинными шестами. Заводь была довольно широкой, и нам не улыбалась перспектива лезть голыми в ледяную воду и потом долго плыть к берегу, чтобы погреться у костра.

...Полчаса спустя у меня уже не хватило мужества посмотреть на мои вспухшие, кровоточащие и синие от холода ноги. Каждый раз, когда мне приходилось двигаться по нашему зыбкому плоту, я испытывал такое чувство, будто ступал по битому стеклу. Но Франческо пожелал обследовать дно той части воды, которая покрылась коркой льда. Итак, вперед, наши плот-ледокол! Моя нервы начали сдавать. Я почувствовал, что терпение мое кончилось. У меня зародилось подозрение, что я попал в руки фанатика и садиста, способного в любой момент сбросить меня в воду и продержать там до тех пор, пока я не принесу в зубах злосчастную нутрию вместе с капканом...

Наконец меня осенило — надо стрелять первым. Всегда стрелять первым! Кто дал мне этот драгоценный совет? Я отлично помню: это был Хуан Херейра, по прозвищу Красавчик. Он шесть дней скакал на коне, чтобы сразиться на ножах с нахалом, посмеявшим утверждать, что может выпить больше, чем мой приятель. Однажды после очередной драки Хуан сказал мне:

— В Патагонии всякое может случиться. Главное, не растеряться и выстрелить первым. Из тюрьмы выйти нетрудно, но вот с кладбища...

Я хорошо помню Хуана Херейру: огромный детина, весь в рубцах, шумный и разговорчивый, щедрый с друзьями и беспощадный к врагам. При этом разговоре присутствовал и Франческо. Значит, и он знает, что, когда настанет момент... Но, к счастью, настал момент прекратить поиски. Возвестил об этом могучий залп живописнейших и непотребных андалузских ругательств.

У огня я забыл о своих преступных планах, порожденных адским холодом и отчаянием. Только выпив чашку горячего чая, я признал, что Франческо был прав: это тоже была работа; не бесполезная трата времени, но настоящая работа. Ведь и электрик вдали от мастерской будет долго искать куда-то запропастившиеся клещи, а шофер — разводной ключ.

ВСТРЕЧА С ГАУЧО

Вот уже два месяца назад мы рас прощались с владельцем грузовика, доставившим нас на берег Колон-Куры. С тех пор мы еще не встретили ни одного человека. Только небо, река, горы, растения и животные. Путешествуя по реке, мы видели, правда, несколько заброшенных хижин и даже крохотный домишко. Но мы не хотели терять даром времени на новые знакомства, тем более что до места впадения нашей реки в Рио-Лимай, по моим расчетам, оставалось совсем немного, а там уже встречи с людьми не избежать. Поэтому на следующее утро мы решили сниматься и плыть безостановочно, пока течение не вынесет наше каноэ в Рио-Лимай.

Ближе к полудню мы погрузили палатку и все грузы в каноэ. На берегу осталась лишь наша походная кухня. Мы приступили к обеду, как вдруг из-за высотки показался на коне пастух — гаучо Минуту спустя рядом с нами присел красивый, стройный креол с большими черными усами. Я достаточно хорошо знал местные обычаи, чтобы понять, что гаучо еще не обедал и не откажется поесть вместе с нами, если мы его пригласим.

В самом деле, слезая с коня, он поздоровался с нами словами: «Добрый день». После полудня такое приветствие означает, что путник еще не обедал. Если бы гаучо сказал: «Добрый вечер», то под этим подразумевалось бы, что он уже поел или предпочитает подкрепиться в одиночестве. Тогда нам не следовало бы особенно настойчиво приглашать его разделить с нами трапезу.

Незнакомец без особых церемоний принял наше приглашение и сел как можно ближе к огню. Он ческрявал, что проголодался и сильно замерз. Я протянул ему

Пословицы и поговорки Пагальские

Отложи твой сегодняшний гнев на завтра.
Стерги огонь, чтобы не сгореть самому.
Сладко пахнет, да горько на вкус.
И в корыте можно увидеть плавающую рыбу.
Если вода шумлива, войди в нее — увишишь,
что она мелкая.

Бисайские

Спящую креветку уносит течением.
Кто настолько глуп, чтобы ожидать соленого дождя?
У сладкого плода горькая кожура.
Пересекай море, но поглядывай на берег.

Памильские

Спелый плод на ветке не удержишь.
И слон может поскользнуться.
Кто не пахал и не сеял, тому серп без нужды.
Глубину души не измерить, как воду в реке.
Кто поборет страх, тот для тигра враг.
У слона свой век, у кота — свой.
Роса не наполнит пруда.
Медный горшок звенит, а глиняный молчит.
Осел с седлом — все равно осел.

Перевод В. РЫЧАГОВА

чашку бульона, а Франческо взялся приготовить мате. Хотя это не входило в наш рацион, мы прихватили с собой немного толченых листьев мате, из которых приготавливают любимый напиток жителей Южной Америки. Мы захватили их в предвидении подобных встреч. Теперь нам представилась возможность принять гаучо по традиционным обычаям гостеприимства. Я колдовал над кастрюлей и не смог составить компанию Франческо и нашему гостю. Надо признаться, я нарочно затянул приготовление обеда, чтобы не пить мате. Как ни старались многие креолы, с которыми я подружился, им не удавалось привить мне любовь к этому напитку. Я понимал, что для людей, потребляющих в большом количестве мясо, мате очень полезен, и сам обычай мне очень нравится, но ничего не мог с собой поделать.

Аргентинцы щедро раздают награды и звания ино-

странцам, которые этого заслуживают, но вряд ли они присвоят почетное гражданство человеку, который не любит мате. Этот традиционный напиток, заменяющий одновременно аперитив и столовое вино, по-моему, «предусмотрен» законом. Слово «мате» включает в себя не только напиток, но и сосуд, в котором он хранится — подобие маленькой фляжки с узким горлышком. Иногда эта фляжка бывает из золота или серебра, но чаще всего мате хранят в обычных банках из-под сгущенного молока.

В банку насыпают немного измельченных листьев мате и затем наполняют ее до горлышка теплой водой. Воду подогревают в отдельной банке, причем ей не дают закипеть. Потом ее медленно, по капле, выливают в сосуд с мате. После этого вы берете бомбильлу, иначе говоря, длинную и тонкую металлическую трубочку с фильтром, и погружаете ее в напиток. Начинаете неторопливо его посасывать. Если рот остается сухим, то нужно проверить, не засорился ли фильтр. Но как только рот обожжет горячая жидкость, отдалено напоминающая по вкусу бульон из сухих каштанов, вы можете быть спокойны — это мате. Тот, кто заливал сосуд водой, пьет мате первым, а затем передает фляжку соседу. И так она идет по кругу. Само собой разумеется, что и хозяева, и друзья, и нежданные гости тянут мате одной и той же трубкой — бомбильлой.

Когда на освещенных солнцем долинах и открытых ветрам плоскогорьях гаучо или пеоны, усевшись у огня, пьют мате, кажется, будто присутствуешь на торжественной церемонии, своеобразном совете старейшин. Неторопливыми, плавными движениями они словно отмеряют время. Это горькое, мужское мате, которое делает мужчину еще более сильным. Его не следует пить со сладким, женским мате. Сладкое мате обычно приготавливают на ранчо, добавляя немного сахара.

Еще более приятным и сладким для гостя будет мате, которое с манившей улыбкой подадут вам нежные руки девушки. Тогда мате заводят с вами немую беседу; как руки и глаза, оно тоже умеет говорить — то нежно, то зло. Очень горячее мате: «О мое сердце!» Теплое: «Ты мне безразличен». Холодное: «Я тебя презираю» Бесконечная гамма температур таит в себе самые причудливые и неожиданные фразы. При некотором опыте нетрудно отличить мате: «Осторожно, мате идет» — от мате: «Я больше тебя не люблю». Очень скоро вы поймете и разницу между мате: «Этим вечером на том же самом месте» — и мате: «Муж что-то подозревает. О, это дьявольское мате!

Наш гость с невозмутимым видом потягивал горькое мате и вел с Франческо неторопливую беседу. Они говорили о погоде, о реке, о лошади гаучо — его единственном богатстве. Ни один из них не задавал вопросов. Желание узнать побольше и поточнее было взаимным, но каждый строго-настороже придерживался неписаного правила кочевников и скотоводов: «Никогда не спрашивай первым».

Когда гость ускакал, мы знали о нем ровно столько же, сколько он о нас. Если бы в пустыне встретились два итальянца, то после града вопросов и ответов они обнаружили бы, что являются родственниками в шестом поколении, и рассказали бы самые интересные подробности своей семейной жизни. Обсуждая нежданный визит, Франческо заметил, что наш гость мог быть и беглецом, которого разыскивают жандармы, и обыкновенным пастухом. Во всяком случае, нас это не касалось.

Гаучо, должно быть обманутый долгим переходом по пустыне, неверно указал нам при прощании расстояние до Рио-Лимай.

Он сказал, что мы доберемся до этой реки к полуночи следующего дня. Верно, он привык скакать на лошади и плохо представлял себе скорость каноэ. Так или иначе, но уже на закате наш «Спагетти-1» бросил якорь у самого устья Рио-Лимай. С высокой песчаной дюны, у подножия которой мы расположились на ночлег, мы любовались открывшейся перед нами панорамой. Тихо, почти бесшумно воды Колон-Куры сливались с прозрачными водами Рио-Лимай...

(Продолжение см. в № 10)

Перевод с итальянского Л. ВЕРШИНИНА

ЛУННАЯ ПЫЛЬ

(Окончание. Начало на стр. 2)

— Максимальная скорость — сто двадцать километров, — ответил Девис. — Но обычно она делает меньше ста. Экскурсия, зачем спешить...

Он упорно глядел на карту, точно надеясь пристальным взглядом вырвать у нее ответ.

— Если они в Лоре, найти их не долго. Вы уже послали пылекаты?

— Нет, я ждал распоряжения.

Девис поглядел на главного инженера, который на этой стороне Луны был старшим начальником после администратора Ульсена. Лоуренс медленно кивнул.

— Высылайте, — сказал он. — Но не надейтесь на скорый ответ! Нужно немало времени, чтобы обследовать несколько тысяч квадратных километров, тем более ночью. Прикажите им идти вдоль маршрута, начиная с последней известной позиции. И пусть захватят возможно более широкую полосу.

Как только распоряжение было передано, Девис тревожно спросил:

— Что, по-вашему, могло произойти?

— Возможных вариантов немного. Судя по тому, что они ничего не сумели сообщить, авария случилась внезапно. Обычно это указывает на взрывы.

Девис побледнел. Вероятность диверсии не исключена, и неизвестно, как оградиться от этой опасности. Из-за своей уязвимости космические средства передвижения, как это прежде было с самолетами, неудержимо привлекали некоторых преступников. Он вспомнил корабль «Арго» — летел на Венеру и был уничтожен каким-то маньяком, задумавшим свести счеты с одним из пассажиров, который его и не знал-то как следует. Погибло двести человек, в том числе женщины и дети.

— Может быть и столкновение, — продолжал главный. — Судно могло на что-нибудь наскоочить.

— Харрис очень осторожный капитан, — возразил Девис. — Он десятки раз ходил этим маршрутом.

— Никто не застрахован от ошибок... При земном свете легко просчитаться, определяя расстояние.

Девис уже не слушал его, он думал о том, что обязан предпринять, если дело обернется совсем плохо. Надо, не откладывая, связаться с Правовым управлением, выяснить вопрос с компенсацией. Достаточно любому из родственников предъявить «Лунтуристу» иск на несколько миллионов долларов, и никакая реклама не заманит туристов в следующем году, даже если Девис выиграет дело.

Дежурный по НТ нервно кашлянул.

— Разрешите предложить, — обратился он к главному инженеру. — Что, если мы запросям «Лагранж»? Возможно, астрономы сверху что-нибудь примут.

— Ночью? — skeptически спросил Девис. — На расстоянии пятидесяти тысяч километров?

— Очень даже просто, если прожекторы «Селены» еще горят. Стоит попытаться.

— Отличная мысль, — сказал главный инженер.

Он должен был сам об этом подумать. Может быть, еще что-нибудь упустил?.. Лоуренсу не впервые приходилось вступать в поединок с этим прекрасным и свое-нравным миром, таким волнующим в свои добрые минуты и таким грозным в приступе гнева. В отличие от Земли Луна никогда не будет полностью приручена. И это, пожалуй, хорошо: что, если не зов ее дикой природы и постоянный привкус риска, манит сюда не только туристов, но и исследователей? Разумеется, без туристов было бы спокойнее, однако они участвуют в оплате его труда.

А теперь пора собираться в путь. Конечно, все еще может кончиться благополучно. «Селена» объявится, даже не подозревая, какой переполох вызвала. Но Лоуренс почему-то сомневался в этом, и чем дальше, тем больше росла его тревога. Еще часок можно подождать; потом он отправится на суборбитальной ракете

местного сообщения в Порт-Рорис, а оттуда — к ожидающему его врагу, Морю Жажды...

Когда красный сигнал тревоги замигал на «Лагранже», доктор философии Томас Лоусон крепко спал. Он с досадой воспринял помеху: хотя двух часов сна в сутки вполне достаточно в невесомости, обидно, когда тебя и этого лишают! Но тут до него дошел смысл радиограммы, и сон как рукой сняло. Кажется, наконец-то представился случай сделать что-то полезное!

Он мечтал о научной работе, а на борту «Лагранжа-II» совершенно невозможно сосредоточиться. Балансирующий на некоем космическом канате между Луной и Землей (один из эффектов закона тяготения) спутник был для космонавтов таким мальчиком на побегушках. Идущие в обе стороны корабли проверяли по нему свою позицию, использовали его как узел связи, только что не подходили к нему за письмами... Находясь как раз над Эртрайдом, «Лагранж» был также релейной станцией для почти всех каналов лунной радиосвязи.

Стосантиметровый телескоп был рассчитан на наблюдение объектов, удаленных в миллиарды раз больше, чем Луна, но отлично подходил для задания, которое сейчас получил Лоусон. На таком близком расстоянии вид был великолепный даже при минимальной мощности. Том висел как раз над Морем Дождей, глядя на озаренные утренним солнцем острые пики Апеннин. Он плохо знал географию Луны, однако мог без труда различать великие кратеры Архимеда, одинокую пирамиду Пико, от которой по равнине тянулась длинная тень.

Но дневная область сейчас не занимала Лоусона; предмет, который он искал, находился в затмленном полуширии, где еще не взошло солнце. В чем-то это даже облегчало его задачу: можно будет без труда обнаружить сигнальную вспышку — даже огонек карманного фонарика. Он сверил координаты по карте и нажал кнопки управления телескопом. Воспламененные восходом горы ушли в сторону, уступив место плотному мраку лунной ночи, который только что поглотил два десятка человек...

Сперва Лоусон ничего не увидел — и во всяком случае, ничего похожего на мигающий фонарь, который слал бы свой призыв к звездам. Потом, когда свыклись глаза, он обнаружил, что внизу царит не полный мрак: освещенная Землей лунная поверхность источала призрачное сияние. И чем дальше он глядел, тем больше подробностей различал.

Вот горы к востоку от Залива Радуги ждут надвигающегося рассвета... А вот — постой, что это еще за звезда там, в темноте?! Но родившаяся было надежда тотчас умерла, Том видел всего-навсего огни Порт-Рориса, где в этот миг с таким нетерпением ждали результатов его поиска.

Нескольких минутказалось достаточно, чтобы понять, что визуальное исследование ничего не даст. Иное дело днем — он сразу обнаружил бы «Селену» по длинной тени, которую она должна отбрасывать на Море. Теперь же, когда Луна озарена лишь слабым светом Земли, глаз человека недостаточно чувствителен, чтобы с высоты пятидесяти тысяч километров различить объект размерами не больше автобуса.

Впрочем, это не обескуражило Тома. Он и не ожидал, что с первой попытки найдет судно. Прошло полтора столетия с тех пор, как астрономам приходилось полагаться исключительно на собственное зрение; теперь в их распоряжении были куда более тонкие приборы — целый арсенал усилителей света и детекторов излучения. Лоусон не сомневался, что один из этих приборов отыщет «Селену».

Он не был так уверен, если бы знал, что «Селены» нет на поверхности Луны...

(Продолжение следует)

Перевод с английского Л. Жданова

МЕЖДУНАРОДНОМУ
КОНГРЕССУ
АНТРОПОЛОГОВ
И ЭТНОГРАФОВ

Одна из старинных легенд, попавших в библию, гласит, что бог сильно разгневался на людей, которые дерзнули построить башню до неба. Вавилонская башня от божьего гнева разрушилась, а люди были разбросаны по всему свету. Дабы дерзкие не смогли соединить свои усилия и попытаться повторить неугодное, бог воздвиг меж народами языковый барьер.

Эта легенда невольно вспомнилась во время беседы с доктором исторических наук Юрием Валентиновичем Кнорозовым. Ю. В. Кнорозов — заместитель куратора секции этнолингвистики, которая будет работать на Международном конгрессе. Точное значение слова «этнолингвистика» — наука о языках народов мира.

«Создатели легенды о Вавилонской башне, — говорит Кнорозов, — жили в реальном многоязыком мире и стремились по-своему объяснить этот факт. Конечно, их объяснения наивны и абсолютно неприменимы для науки. Но напоминание о легенде вполне уместно хотя бы потому, что изучение причин возникновения языковых различий является сегодня важным направлением науки».

Как восстановить прошлое бесписьменных народов, их происхождение, культуру, места их расселения? Решить эту проблему помогают этнографам материалы, добытые археологами, географами, ботаниками, фольклористами и не в последнюю очередь языковедами. Вот почему на конгрессе будут выступать известные советские и зарубежные лингвисты, занимающиеся изучением истории языка, проблемами родства языковых семей, географической и этнической терминологии. Более десяти лет назад советская этнографическая школа выдвинула как основной принцип — принцип комплексного изучения проблемы происхождения народов, он принят теперь в мировой науке.

«Одним из вопросов, который будет рассмотрен на нашей секции, — подчеркивает Ю. В. Кнорозов, — о создании письменности для бесписьменных народов. Для наших зарубежных коллег будет интересным доклад об опыте работы над письменностью народов многоязычного Дагестана. Характерный факт: в работе нашей секции примут участие представители всех союзных республик страны».

Юрий Валентинович Кнорозов — известный исследователь истории, культуры и письменности древних майя — народа, создавшего высокую культуру в Центральной Америке до прихода испанских завоевателей. Ученому принадлежит капитальное исследование «Письменность индейцев майя», изданное в 1963 году. Ю. В. Кнорозовым был найден ключ к дешифровке иероглифов майя. Теперь известно подлинное древнее чтение и значение каждого знака письменности этого народа.

«На конгрессе, — сказал ученый, — я выступлю с докладом, развивающим выдвинутые мною принципы дешифровки письменности майя, только не на секции этнолингвистики, а на секции этнографии Америки. Я ведь все-таки американец».

Сокровища Эквена

А. НИКИТИН

С урова природа севера. Холодное и короткое лето не в силах победить вечной мерзлоты, таящейся под тонким слоем болотистой тундры, и непрерывный трехмесячный день слишком короток по сравнению с мраком долгой полярной ночи.

Эскимосы — самый северный в мире народ, сумевший приспособиться к специфическим условиям жизни в высоких арктических широтах. Европейцы застали их уже прочно обосновавшимися в Гренландии, на севере Канады и на Аляске. Охотники на морского зверя, эскимосы до недавнего времени жили еще в «каменном веке», выделявая свои орудия из камня и кости, а железо знали только метеоритное, которое считали разновидностью камня.

Вопрос о происхождении эскимосов, о путях развития их культуры чрезвычайно сложный и важный. Чтобы разобраться в нем, ученым нужно детально обследовать Чукотку, ведь, как считают антропологи, заселение Северной Америки шло из Азии через Берингов пролив, и к тому же разновременными волнами.

Эскимосы, по предположениям многих исследователей, попали на американский континент с Чукотки последними.

Раскопки советских ученых на Чукотке начались после Отечественной войны. Первым археологом, который приоткрыл занавес над тайной происхождения древней культуры эскимосов, был С. И. Руденко. Он создал ее периодизацию и установил, что своими корнями эта культура уходит в первые века до нашей эры. Вслед за ним молодой ленинградский археолог Д. А. Сергеев открыл и раскопал близ Уэлена древнейший эскимосский могильник.

Здесь, под каркасами из китовых и моржовых костей с наваленными на них камнями, лежали погребения древних зверобоев. В могильнике были найдены самые разнообразные предметы быта и орудий охоты — гарпуны, каменные топоры, костяные иглы, каменные ножи, скребки, наконечники стрел — короче говоря, все то, что древние эскимосы считали совершенно необходимым для загробной жизни. В Уэленском могильнике было вскрыто семьдесят шесть погребений, относящихся к разным временам.

А в 1961 году здесь же, на Чукотке, близ развалин древнего поселка Эквен, был найден другой, еще более богатый могильник. Его оставила одна из самых последних волн переселенцев из Азии в Америку. За три года работ археологической экспедицией здесь раскопано 105 погребений, но могильник еще далеко не исчерпан.

Ежегодно отправляются в далекое путешествие археологи Москвы и Ленинграда, чтобы поздней осенью вернуться с богатой добычей.

В № 7 «Вокруг света» за 1963 год мы опубликовали заметки археолога Н. Дикова «По следам древних костров». Автор рассказывал о раскопках памятников тех народов, которые пришли с юга на Чукотский полуостров вместо переселившихся в Америку древних эскимосских племен.

Море, лед, камни — так выглядит этот самый дальний берег нашей страны, обетованная земля археологов.

* * *

...Их было четверо в прошлом году — Д. Сергеев, С. Арутюнов, М. Санников, С. Фараджев. Начавшееся в Москве путешествие продолжалось почти целый месяц: сначала на поезде, потом на пароходе, на самолете. Наконец китобойные вельботы, доверху загруженные снаряжением экспедиции, пройдя по бурному морю вдоль черных отвесных скал, лишь кое-где прикрытых платками снега, приблизились к галечной отмели.

Стоя по пояс в воде, люди передают на берег вещи: не один-два мешка, а добрых два десятка. Последние рукопожатия — и археологи остаются одни на холодном холмистом побережье. Впереди — два месяца раскопок. Два месяца, полных романтики, тревог и приключений, когда не расстаешься с ружьем, чтобы всегда быть готовым к встрече с непрошенным гостем — хозяином здешних мест медведем...

День-два — и жизнь вошла в привычную колею. Под тихоокеанским ветром гудят оттяжки палаток; из камней и привезенного кирпича сложена печь, над которой вьется дымок; обновляется на могильнике тропа, вытоптанная за прошлые годы; из-под лопат и кирок появляются первые в этом сезоне погребения, а стало быть, и находки.

А находок много. Большинство предметов сделано из моржового клыка — прекрасного поделочного материала.

Любопытно, что художники украшали даже такие утилитарные вещи, как пуговицы, футляры для иголок, придавая им облик различных зверей — лягушек, лисиц, волков, медведей, моржей, нерп и котов. Искусству мастеров можно только удивляться: ведь первобытные скульпторы пользовались в основном лишь каменными резцами.

Наибольшую выдумку и изобретательность художники проявляли, украшая костяные наконечники поворотных гарпунов. Ведь гарпун — орудие охоты — был для них самым ценным предметом!

Немногие знают, что гарпун с отделяющимся наконечником, которым до сих пор пользуются при охоте на морского зверя во многих странах, был изобретен именно здесь, на побережье Чукотки, более двух тысяч лет назад. Во многом благодаря этому изобретению эскимосы освоили Арктику, смогли добывать

достаточно мяса и жира морского зверя для пищи себе и своим собакам, для освещения и отопления жилищ. Шкуры убитых морских зверей шли на одежду, ими покрывали хижину, обтягивали каяки и байдары, кости употребляли для самых разнообразных целей: из них делали и каркасы хижин и орудия труда.

Встречаются археологам и загадочные «крылатые предметы». Их нельзя назвать иначе — археологи и этнографы до сих пор не знают, для чего они предназначались. Вырезанные из цельного куска моржового клыка, они похожи на бабочек, распростерших крылья, покрыты затейливым узором. Что это? Нагрудные украшения? Деталь собачьей упряжки? Приспособление для метания гарпуна? Даже чушки, которые разбиваются порой лучше археологов в назначении того или иного предмета, не могут ничего о них сказать. Они не помнят, чтобы такие вещи делали их прадеды...

А вот маленькая модель каяка, вырезанная из клыка моржа, — на таких байдарках, обтянутых шкурами, отправлялись зверобоя на свой опасный морской промысел. Вот широкие пластины серых сланцевых ножей, заточенных до остроты бритвы. На их костяных рукоятях-оправах мы видим изображения различных зверей...

Почти в каждом погребении лежат амулеты — индивидуальные и семейные, связанные с различными обрядовыми праздниками, память о которых еще до сих пор жива среди самых старых обитателей этих мест. На одном из таких амулетов талантливый резчик сумел изобразить почти всю промысловую фауну этих мест: скульптурные изображения голов моржа, горного барана, нерпы, белого медведя и какого-то китообразного животного так удачно скомбинированы, переплетены между собой, что одна и та же деталь в одном ракурсе представляет рога барана, в другом — клыки моржа и т. д. В мужских погребениях обычно встречаются костяные пластины очков с узкими прорезями — для защиты глаз от ослепительного блеска весеннего снега...

Вот среди комков холодной и мокрой земли забытые пальцы археолога наткнулись на какой-то твердый предмет, облупленный глиной. Несколько минут волнения — и на ладони лежит маленькое изображение моржонка, потемневшее от времени и сырости, но

Вот он, клад Эквена.

Фото автора и Д. СЕРГЕЕВА

сохранившее глянцевую полировку. На его теле каменным резцом нанесен сложный узор-татуировка, как бы приобщающий его к морским охотникам.

Реалистические изображения человека редки. Кажется, будто какой-то запрет наложен на них. В сложных и запутанных узорах орнамента художник прячет человеческие лица под линиями татуировки, перьями птиц и бахромой меховой оторочки... Кто это? Люди? Звери? Боги? Или и то и другое вместе, расплавленное и перемешанное в огне первобытного искусства! Ведь первобытный орнамент не знает чистого украшательства: любой его элемент подчинен строгой символике и ритму, порой математически четкому.

И все-таки здесь есть изображения людей. Плоские и широкие лица с подчеркнутыми складками и узкими прорезями глаз подтверждают антропологический тип, воссозданный специалистами на основании костей из могильника.

А вот, наконец, эта долгожданная и необычная находка — костяная фигурка сидящего обнаженного человека. Полускрещены ноги, голова запрокинута к небу, правая рука закрывает в отчаянии глаза. Подобных скульптур еще не было найдено на Чукотке, и сопоставить ее можно разве что только с очень похожей глиняной фигуркой, обнаруженной при раскопках на земле древней Мексики.

Может быть, пришедшие на Чукотку предки эскимосов застали на этом побережье остатки народа, на много веков раньше совершившего свое переселение в Новый Свет, и эта фигурка — только обрывок ниточки, которая ведет к новому клубку.

Наряду с каменными наконечниками в Эквивенском могильнике впервые были найдены дреки стрел, даже деревянный лук. А в одном погребении лежали обломки сосуда — глиняные черепки, украшенные отпечатками грубой ткани!

Постойте, но ведь эскимосы почти не знали гончарного дела?! Из глины они делали только маленькие светильники... Видимо, это искусство в условиях сурового севера позднее было забыто. Кстати, точно такую же керамику археологи нашли на местах древних поселений в Восточной Сибири, и точно такую же посуду выделявали североамериканские индейцы до прихода европейских завоевателей! Это еще раз подтверждает выводы антропологов: в те далекие времена, о которых рассказал нам Эквивенский могильник, заселение Америки из Сибири продолжалось...

* * *

Проходят два коротких месяца раскопок, кончаются припасы, все ниже поднимается солнце над горизонтом, и по утрам на спальных мешках и зеленом брезенте палаток вырастает сверкающая шерсть инея. Все чаще виснет над морем густая пелена тумана, и штормы с дождями обрушиваются на берег... Упакованы находки, завернуты в kleenку чертежи и дневники раскопок, и вот, наконец, в назначенный день из-за дальнего мыса доносится слабый перестук моторов — идут вельботы. Через несколько часов берег опустеет и только медведь, выйдя на холм, недовольно замотает головой, втянув с океанским ветром запах остывшего костра...

Но для археологов отъезд — это не конец работы. Впереди — тщательное изучение находок, впереди — новые экспедиции...

Среди книг

Почти три четверти земного шара покрыто водой. Что скрывается под этим покровом? Какие тайны хранят океан? На эти вопросы стремится ответить в своей книге Т. Ф. Гэскелл, научный руководитель кругосветной экспедиции на английском гидрографическом судне «Челленджер».

Медленно движется корабль, прокладывая новый промерный галс. Посыпая ультразвуковые сигналы, эхолоты пропущивают глубину. Исследователи берут многочисленные физико-химические пробы воды, грунта. Анализируются новые и новые факты, создается карта рельефа морского дна. Огромные подводные долины, окаймленные гигантскими хребтами, океанические котловины, обломки скал и другие породы — таков скрытый от людских глаз подводный мир нашей планеты. Этот мир таин в себе многое скрывает. Но ученых интересуют не легендарные затонувшие корабли с грузом золота, а... морские осадки, тысячелетиями отлавливавшие на дне слой за слоем. «Листая» эти слои, морские геологи читают историю Земли, узнают закономерности развития ее коры.

Автор умеет просто и занимательно рассказать о самых сложных гипотезах происхождения нашей планеты, возникновения материков и океанов, о проекте изучения верхней мантии Земли и дрейфе континентов. В книге Гэскелла отражены успехи современной науки о Земле, в частности исследования советских ученых на экспедиционном судне «Витязь».

Автор справедливо утверждает, что ошибается тот, кто думает, что с завоеванием Джонолунгами и Антарктиды окончательно закрылась книга географических приключений. Романтическая музя открытий и неумная радость познаний продолжают вести человека вперед... В этом лишний раз убеждаешься, прочитав книгу «Под глубинами океанов»!

А. ПОДОЛЬСКИЙ

Т. Ф. Гэскелл. Под глубинами океанов. Изд-во иностранной литературы, 1963.

Вы знаете, что такое лед? «Кристаллос» — «застывший ход» — называют его греки. Ученые говорят, что это горная порода, состоящая из одного минерала, порода, не похожая по своим свойствам ни на какую другую.

Мир ледяных кристаллов бесконечно разнообразен. Вспомните бесчисленные варианты «морозной росписи» оконных стекол или множество самых разнообразных форм снежинок, покрывающих землю во время снегопада.

Лед плавает. Но, оказывается, есть лед, который, подобно камню, тонет в воде. Более того, есть льды, не тающие при температуре +200 градусов.

Ежегодно на земле происходит формирование и разрушение льдов на огромной площади суши и моря.

Что же происходит со льдами в настоящее время: сокращаются площади оледенения или увеличиваются? Почему полярные страны самые холодные на земле, ведь последние исследования показывают, что Арктика и Антарктика получают солнечного тепла больше, чем экваториальные страны.

О тайнах «океана твердой воды» вы узнаете из научно-популярной книги В. А. Маркина «В стране ледяных куполов». Автор сам участвовал в работе экспедиции на Земле Франца Иосифа в период Международного геофизического года. Он рассказывает о зарождении и развитии науки о льдах (глациологии), о роли ледниковых образований в жизни Земли, о том, какие результаты принесли новые научные исследования Арктики.

Г. МИХАЛЕВ

В. А. Маркин. В стране ледяных куполов. Изд-во АН СССР, 1963.

«АЛЯСКА – РАЙОН БЕДСТВИЯ»

...**27** марта 1964 года. Население небольшого 44-тысячного американского городка Анкориджа, расположенного на юго-западе Аляски, на берегу залива Принс-Вильям, отдохнуло. Учреждения, школы, предприятия были пусты. Ребятишки носились на коньках по льду лагун, скатывались на лыжах с горок, устраивали хоккейные бои.

В этом районе часто происходили небольшие толчки, и жители к ним уже привыкли; сильных землетрясений здесь давно не было.

В пять часов вечера земля содрогнулась, затем еще и еще раз...

Огромные волны побежали под землей; казалось, земля, как живая, вздохнула и ее огромный пульс застучал под городом. Еще минута, и мерзлая почва треснула, зазмеились дымящиеся провалы. Раскололся толстый лед в заливе Принс-Вильям, в лагунах и на озерах. Здания, улицы, мостовые, асфальт и бетон площадей съежились, сморшились, встали на дыбы и рухнули в бездну. Оставшиеся на поверхности дома, собранные в гармошку или осевшие посредине, приняли поистине фантастические очертания. Машины и автобусы, как в гигантской автомобильной катастрофе, громоздились друг на друга, повисали над бездонными трещинами, ожидая очередного толчка или порыва ветра, чтобы рухнуть вниз. Корпуса заводов превратились в декорации к спектаклю о войне, спектаклю, где ре-

жиссер, художник и исполнитель — слепая взбесившаяся стихия. Взорвались нефтяные цистерны, горящая нефть потекла по развалинам и обломкам, низвергаясь в трещины огненными водопадами, в заливе поплыли горящие льдины, в городе начались пожары. Водопровод и электричество вышли из строя в самом начале.

Из некоторых трещин слышались крики, туда спешили на помощь. А земля дышала, старые трещины смыкались, поперек бежали новые.

Двести человек погибли или пропало без вести, пострадали города Анкоридж, Сьюард, Валдес, Кордова, Алберни, Порт-Алберни и другие. Убытки исчисляются в 350 миллионов долларов! Это тяжелый удар по экономике Аляски. Она объявлена районом бедствия.

Землетрясение на Аляске, по мнению сейсмологов, было сильнейшим из всех, отмеченных в Северной Америке, и одним из самых сильных во всем мире. По подсчетам американских ученых, оно освободило 200 000 мегатонн энергии — в 2000 раз больше, чем самая мощная атомная бомба. Даже за тысячи миль от эпицентра землетрясения вышли из строя сейсмические приборы, не рассчитанные на толчки такой мощности. Сила их достигала 11 баллов и выше (при 12-балльной системе). Смещения земли наблюдались даже в Техасе.

Когда землетрясение окончилось, громадные волны — цунами, поднявшиеся со дна Тихого океана, обрушились на побережье. Первая приливная волна достигала высоты 9 метров, а ее скорость — до 960 километров в час(!). Волны ринулись на тихоокеанское побережье

ЮРИЙ КУРАНОВ

Рисунки В. ЧЕРНЕЦОВА

ШКОЛА за оконицей

У Петра Варакшина уже второй год жила в ограде косуля. Он поймал ее где-то в горах у Большого порога, детенышем.

От природы боязливая косуля уже привыкла к людям. Она, правда, не выходила одна в село, хотя собаки ее уже знали и не трогали, а только лаяли издали. И надо думать, что собаки лаяли не столько на косулю, сколько упрекали этим лаем окружающих людей. Ведь те сами приучили их гонять дичь, а теперь разрешают косуле ходить по селу, нисколько не считаясь ни с привычками, ни с горячим нравом своих косматых друзей.

Косуля выходила в село только со Варакшиным и шла всегда позади, со спиной разглядывая его старииковскую

Канады и США, достигли даже Гавайских островов и берегов Японии.

Многие ученые, в том числе и известный советский сейсмолог, доктор физико-математических наук профессор Е. Ф. Саваренский, считают, что Аляска входит в число районов, где земная кора активно деформируется. Горная цепь Аляски, начинающаяся на Алеутских

островах и продолжающаяся на юг вдоль западного побережья материка, сейчас медленно поднимается, граничащие с ней участки земной коры, расположенные под океаном, наоборот, понижаются. Отсюда и происходят разрывы в земной коре, приводящие к землетрясениям.

Г. ЕРЕМИН

походку. В походке этой было нечто такое, что заставляло насторожиться и ожидать, как через два-три шага Варакшин рассыплется. Косуля вместе с хозяином входила в магазин и, не глядя ни на кого, обычно стояла, засунув нос старику в карман, чуть-чуть подрагивая своим кокетливым хвостиком. Она ходила с Варакшиным на речку, когда старику приходила охота искупаться. Он раздевался и лез в воду, а косуля ложилась на его белье и, тонко подняв голову, слушала, как лают невдалеке собаки.

Если же Варакшин лежал дома на лавке и курил свой страшный самосад «огнестрел», то она лежала в ограде. Когда же мимо следовал прохожий, косуля поднималась на крыльце. Она вставала к прохожему хвостиком и, оглянувшись, смотрела через спину, только переступая ногами, делая вид, что идет. И все эти два года у сварливого и языкастого старика, насквозь «пронзенного огнестрелом», не было ни одного дня дурного настроения. Он даже не швырял в парнишку издали кирпичами, когда они забирались к нему в огород, а также не кричал на всю улицу вслед проходившей изредка мимо его окон Панталоновне, которая лет двадцать назад вынула у него в горах из петли марала.

Но сегодняшний день был таким, что старику даже пробил злой кашель, а лицо позеленело, будто он наелся этого своего «огнестрела». И было от чего. В ограду еще на заре забрались парнишки. Они нацепили косуле на голову длинную рогожину, к спине прикутили метлу. И, как ни странно, косуле это, видимо, нравилось. Она смироно стояла среди ограды, подняв голову, и через спину глядела на ребят, а также переступала ногами, делая вид, что идет.

Когда старикиглянул в окно, то спачала весь обмер, он хотел закричать, но оглушительно закашлял, вспотел и почти на четвереньках полез на печку за ружьем. Он выскоцил на крыльце, на иней, босиком, а парнишки уже мчались огородом, и одного из них Варакшин все же успел распознать. Это был Славка Клупин из соседней деревушки, он ходит во второй класс школы, что стоит за околицей села.

Варакшин вернулся в избу и трясущимися руками стал одеваться.

Петр Варакшин подошел к школе, когда урок уже начался. Он сел на скамейку возле высокого деревянного крыльца с флагшками на перилах и стал ждать. Он твердо решил прямо среди двора оттрапезать Славку за уши и заодно еще накласть подзатыльников тому да другому, потому что все они одинаковые, эти тресконо-гие огольцы.

Петр слегка отдохнул, закурил и стал осматриваться, словно никогда здесь не был. И вправду, не был здесь он давно, лет уже двадцать. Для чего ему было ходить сюда? Жизнь он знал и все чуял досконально, зверя бил по всей тайге, и никто лучше его не мог заметить звериные тропы среди кедрачей и таскылов; он проводил все травы от низа гор и доверху, так что учиться ему, старику, по сути дела, уже было нечего.

Это здание ему вообще было незнакомо, он видел его только издали, когда уходил в горы. Продолговатое, с надстройкой, оно всегда напоминало Варакшину пароход. И даже когда высоко уйдешь на таскыль, глянешь вниз, то кажется, что пароходик бежит куда-то, торопится по долине в какие-то светлые страны навстречу сладкому ветру, и шум детей на переменах отдавался высоко в горах, отчего чудилось, будто на пароходе поют песни.

В годы его, Варакшина, детства здесь был сарай. В этом сарае Торчаков держал маралов. Потом его задрал в горах медведь, и маралов продали. Семья Торчакова уехала в Красноярск, а в сарае решили сделать школу. В этой школе и учил десятка полтора ребятишек вечно пьяный и слезливый человек. Он рассказывал им про забавные страны, про разные книги, которые когда-то читал, но понять из его рассказов нельзя было ничего. Он говорил стремительными длинными словами и злился, когда его не понимали. Иногда он учил читать. Он приходил на урок с тонкой металлической линейкой. Урок начинался с того, что учитель указывал этой линейкой на одного из учеников и грозно спрашивал: «Как зовут?» Учитель никогда не пускал линейку в ход, но было очень страшно. И Варакшин выревел у отца разрешение не ходить на уроки и потом всегда обходил школу стороной.

В гражданскую войну сарай сгорел. Казаки загнали

ОТДАВШИЙ СЕРДЦЕ НАРОДУ

Охотник и путешественник Фарли Моуэт еще в юношеском возрасте посетил малоисследованный северный край своей страны. В те времена неисчислимые стада диких оленей карибу безбоязненно кочевали в просторах пустынной, безлюдной, холодной земли. Эти кочующие стада были похожи на живой поток, преграждавший путь поездам новой железной дороги.

Моуэту полюбилась нетронутая природа арктической страны. Как часто бывает с людьми, побывавшими на далеком севере, Моуэт заболел «арктической лихорадкой». Ему долго снилась Звила — сказочная страна, ее природа. Он мечтал о путешествиях, но пришлося стать солдатом пехотного полка, а двуствольное дядюшкино ружье сменить на боевую английскую винтовку.

«Наступил 1941 год, я оказался одним из участников войны», — рассказывает Моуэт. — Я видел, как разрушаются города, а под их обломками гибнут люди, и не мог постичь, для чего это делается...»

Весной 1946 года Моуэт вернулся на родину. «Но как сильно отличался этот приезд, — пишет он, — от моего возвращения с севера домой в 1935 году! Мне захотелось укрыться в каком-нибудь спокойном местечке, куда никогда не докатывались отголоски войны».

Моуэт уехал в далекие глухие леса северного Соскачевана. В его научные обязанности входило коллекционирование птиц для музеев. «Поиски спокойствия», — пишет Моуэт, — приведшие меня в науку, на которую я возлагал большие надежды, потерпели фиаско. Я увидел всю бессмыслисть никому не нужного собирания птичьих мумий, которые полагалось хранить отгороженными от жизни в полутемных металлических шкафах за каменными стенами музеев».

В лесах Соскачевана от пожилого и опытного охотника Моуэт услышал о диких оленях карибу, о пустынной холмистой и холодной стране, в которой обитает неведомое белым людям племя ихалмютов — первобытных охотников на диких оленей.

Моуэт выехал на север Канады с целью проникнуть в таинственную страну, о которой путешественники и исследователи знали мало.

Прилетел он с берега моря на старом самолете, принадлежавшем любителю-летчику, поспешно покинувшему Моуэта на льду пустынного озера.

Целых два года Моуэт прожил среди людей оленьего края, разделяя с ними их горькую судьбу. В своих книгах он описал трагические события, происходившие на его глазах в арктической стране Баренс.

Люди, населявшие эту страну, столетиями занимались охотой на кочующих диких оленей. Оленье мясо и упр были единственной их пищей. В отличие от эскимосов, живущих по побережью Полярного океана, охотившихся на моржей и других морских животных, ихалмюты, кочевавшие в центральной части пустынной холодной земли, моря не знали. Зиму они проводили в снежных хижинах — иглу, летом кочевали в просторах своей заповедной страны, занимаясь охотой, заготовлением пищи. Они не знали права собственности, жестокого разделения на мое и твое. У них не было ни преступлений, ни убийств.

Единственной их пищей было мясо карибу, их одеждой — шкуры тех же карибу.

в него плених, чтобы утром расстрелять их. Но к ночи отряд запил. Часовые возле сарай слышали песни и шум по селу. Часовых потянуло к самогону. Они подожгли сарай и ушли в село.

Варакшин докурил окурок до самых пальцев, плюнул на него и затоптал. Он встал и прошелся по двору. И тут его осенило. «Пойду к директору, — решил он, — пусть он их прохлещет». Старик вошел в широкий тесовый коридор. Вдоль коридора низко, почти по локоть Варакшина, были прибиты деревянные вешалки. На вешалках тесно висели маленькие пальтишки и шубейки. Пальтишки пустые висели на вешалках, но чудилось, будто дети стоят в этих своих одеждах и тесно прижались друг к другу. Вот черное пальтишко какой-то девочки. Сверху на него наброшено красное потрапанное кашне и еще фетровая шапочка. И похоже, что девочка стоит и, уткнувшись в стену, что-то читает. Все эти маленькие пальтишки выглядели, как оболочки каких-то продолжительных и таинственных судеб. Вдруг эта девочка вырастет красивой и сильной женщиной, и будут у нее дети, и поедет она жить в город, пойдет шить на фабрике брюки, или, может быть, она каждый день будет петь по радио. А он, Варакшин, тогда еще не умрет и будет слушать ее каждый вечер, лежа на лавке.

А этот мальчик под черной новенькой и уже вывалившейся где-то в соломе кепкой и под таким же вывалившим и новеньким пальтишком. Он вроде стоит и вслушивается в стену. Что он слышит там? Или как шумят ветер, или как идут над горами звезды. Может быть, он когда-нибудь полетит на звезду. Или вдруг не убережется, укусит его в тайге клещ, и мальчик умрет. А может, это и есть тот Славка.

Варакшин покрутил головой, как бы сбрасывая дрему, подошел к ближней классной двери и заглянул в скважину. Дети сидели за партами притихшие, словно ошеломленные, словно над ними шла песня. Варакшин приоткрыл дверь и взглянул на учительницу. Она стояла, полуобернувшись к классу, перед ней висела на сте-

не огромная карта, и учительница водила по карте указкой.

В это время на лестнице послышались шаги. Кто-то спускался со второго этажа. Варакшин отпрянул от двери и обернулся.

Навстречу ему шел пожилой человек в очках, с лицом, как бы уставшим от каких-то трудных размышлений.

— Вы ко мне? — сказал человек.

— Я к вам, — сказал Варакшин.

— Пройдемте наверх. Там и договоримся насчет цены, и вообще сколько нам нужно еще поправить старых парт и где изгородь менять надо.

И Варакшин ушел наверх в кабинет директора. Когда он вышел из кабинета, начался второй урок. Директор проводил его до дверей и попрощался за руку.

— Значит, мы обо всем договорились, — сказал он.

— Чего же не договорились, — сказал Варакшин, — мы ведь, чай, люди, со зверем и то другой раз говорить можно.

Он потоптался.

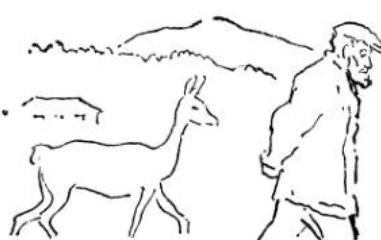
— Я ведь не за этим пришел, — сказал он, — ну уж раз договорились, я все это вам сделаю. У меня, видите ли, дело в том, как бы это... Я вам ведь вот про что хотел сказать. Пушай эти ваши парнишки чтоб без шалостей и по огороду чтоб не лазили. А то я их одним духом... Вот так.

Варакшин поклонился и ушел.

Косуля стояла на школьном дворе, возле самой калитки, через спину смотрела на Варакшина и ждала. Она слегка переступала ногами, делая вид, что идет, а на шею кто-то привязал ей желтую тряпочку.

Варакшин приблизился, снял тряпочку, положил в карман, и они вдвоем отправились домой.

Саяны

Общение с «белыми» людьми, проявившимися на север в поисках наживы, для ихалмютов обернулось великим и гибельным несчастьем. Владельцы факторий, скупщики мехов и оленевых языков снабжали ихалмютов современным скорострельным оружием, позволявшим истреблять оленей в огромных количествах лишь для заготовки языков, которые считались лакомством у богатых американских гурманов. Убитых оленей вырезали лишь языки, мясо и шкуры бросали на месте убоя. Так образовались грандиозные кладбища, на которых гнили десятки тысяч расстрелянных оленей.

...В книгах Фарли Моуэта нет ничего выдуманного. Он рассказывает только о том, что сам видел и пережил, описывает людей, с которыми сводила его судьба. Он был живым свидетелем гибели маленького доверчивого народа, поголовно вымиравшего от голода и болезней. С насмешкой и гневом рассказывает он о деятельности чиновников и христианских миссионеров, которым канадское правительство поручило заботу о просвещении «невежественных идиотических язычников». В результате ханжеских проповедей, подобно губительным болезням, распространялась зараза лжи, доводившая людей до отчаяния и безумства. С крестом и евангелием в руках проникали на север усердные служители доллара, хищные и безжалостные дельцы.

В безжизненную пустыню, покрытую могильными знаками и костями истребленных оленей, превратилась

еще недавно полнившаяся жизнью страна.

Читая книги Фарли Моуэта, как бы отчетливо видишь живое лицо самого автора — человека, который искал спокойствия, хотел уйти от социальных проблем и противоречий и который, столкнувшись с несправедливостью, не пострадался вступиться за маленький погибающий народ, добровольно разделить с ним жизнь и судьбу. В книгах Моуэта не найдешь и малейшего признака самовосхваления, шумного фразерства, заменяющего у иных писателей живое слово и живую мысль. Он не хвастается своими подвигами, своим подлинным гуманизмом. Тем отчетливее видим автора: простого, отважного, доброго и умного человека.

Правдиво написанная книга «Люди оленевого края», естественно, подверглась нападкам со стороны официальных канадских лиц, государственных чиновников. Моуэт упрекали в преувеличениях, в необоснованных выводах и заключениях. В канадских официозах на книгу Моуэта появились недоброжелательные рецензии.

Но у Фарли Моуэта нашлись помнившие его друзья не только в среде погибших ихалмютов, с которыми он кровно сроднился, но и во всем мире честных людей.

В второй книге — «Отчаявшийся народ» Фарли Моуэт рассказал о трагической судьбе немногих уцелевших людей — последних представителей вымиравшего народа, навсегда вынужденных покинуть родную опустошенную страну.

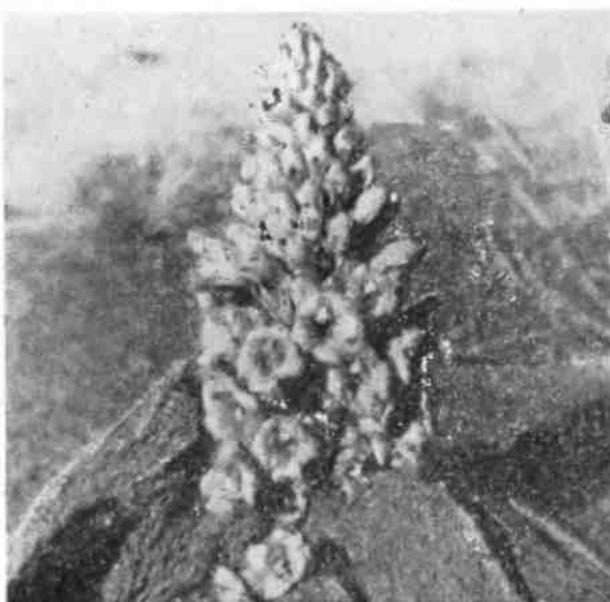
«Путешествие мое было закончено, — пишет Моуэт, — но я все еще был связан со страной Баренс не просто нитями воспоминаний, а чемто более сильным. Это была и есть заполнившая мое сердце теплая привязанность к жителям равнин, которые одарили меня способностью видеть так, что я мог проникнуть в прошлое, скрытое в темноте мертвых лет, и не только рассматривать реалии тех времен, но и читать мысли людей. Это был большой дар, полученный мною от ихалмютов, дар, за который необходимо отплатить».

«То, что я узнал, прямо-таки потрясло меня. Покидая страну Баренс, я наивно полагал, что ихалмюты больше не увидят черных дней, не будут оставлены нами без помощи. Я был уверен, что работа, проделанная Францем, Энди и мною, а также наши подробные отчеты правительству исключат саму возможность того, чтобы игнорирование этого народа продолжалось дальше. Я ошибся».

Такими горькими словами заканчивает свою вторую книгу Фарли Моуэт, отдавший свое сердце народу, судьба которого сходна с судьбами других народов, некогда населявших обширный Американский материк.

ЦВЕТЫ ПУСТЫНИ

На северо-востоке Иранского нагорья на сотни километров раскинулась одна из самых труднодоступных пустынь мира. Это Деште-Кевир — Большая соляная пустыня. Выпадающие весной дожди превращают ее в сплошное непроходимое болото жидкой грязи. Но скоро под пальящими лучами солнца солончаковые болота высыхают и почва трескается на огромные глыбы-многоугольники; по краям трещин вырастают пушистые кристаллы соли. Пустыня становится похожей на безбрежное озеро, покрытое гигантскими кувшинками. В это же время и начинают цветти желтые «цветы пустыни». Острой пирамидой взламывают они солончаковые корки, не поддающиеся ударам кирки, и тянутся к солнцу.

ВОКРУГ СВЕТА

№ 8 АВГУСТ 1964

СОДЕРЖАНИЕ

АРТУР КЛАРК — Лунная пыль	2
ВАЛЕРИЙ АНДРЕЕВ — Сообщаем наши координаты	8
Н. САДОМСКАЯ — Рыбаки Галисии	10
К VII Международному конгрессу антропологов и этнографов 13, 16, 46, 56	
Г. ЗЕЛЕНКО — Homo sapiens I	14
Г. ГАЛЬПЕРИН — Ворота знаний	20
НИК. КОРОТЕЕВ — Выстрел в тайге	24
Фотоконкурс «Вокруг света»	28
А. ГАНГНУС — Наше космическое зеркало	29
Е. ГАРТЕНШТЕЙН — Тысяча лет — как один день	30
РАФАЛ МАЧЕЕВСКИЙ — В пещере Гуачаро	33
Необычные соревнования	38
А. ЧЕРЕШНЕВ — Обвал	41
Вести из братских стран	43
РУДОЛЬФ ИТС — Тлинкитский воин	45
Н. АГАЯНЦ — Хунза	47
Пестрый мир	48
АНТОНИО АРЛЕТТИ — Трампейдор	50
А. НИКИТИН — Сокровища Эквадора	56
Г. ЕРЕМИН — «Аляска — район бедствия»	60
Ю. КУРАНОВ — Школа за околицей	60
И. СОКОЛОВ-МИКИТОВ — Отдавший сердце народу	62
 Среди книг	31, 59

Главный редактор В. С. САПАРИН

Члены редакционной коллегии: В. И. АККУРАТОВ, Е. Н. ВАСИЛЬЕВА, И. М. ЗАБЕЛИН, В. Л. КУДРЯВЦЕВ, Л. Д. ПЛАТОВ, Ю. А. ПОПКОВ (заместитель главного редактора), П. Н. РЕШЕТОВ, Ю. Б. САВЕНКОВ (ответственный секретарь), А. И. СОЛОВЬЕВ, В. С. ЧЕРНЕЦОВ, В. М. ЧИЧКОВ.

Оформление В. Чернецова и Т. Гороховской

Рукописи не возвращаются

Технический редактор А. Бугрова

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ «МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

Наш адрес: Москва, А-30, Сущевская, 21. Телефоны: для справок Д 1-15-00, доб. 2-29; отделы «Наша Родина» — 2-68; иностранный — 2-85; 3-58; литературы — 3-93; иллюстрации — 3-16; приложение «Искатель» — 4-10

A01888 Подп. к печ. 11/VII 1964 г. Печ. л. 8,5 (8,5). Уч.-изд. л. 10,2
Тираж 300 000 экз. Заказ 1071. Цена 60 коп
Типография «Красное знамя» изд-ва «Молодая гвардия» Москва А-30,
Сущевская, 21.

На первой странице обложки: МЕКСИКА. Под тром барабанов и пение людни исполняет индейец танец ацтеков. Покачиваются в ритм фазаны перья и страусовый плюмаж на голове танцора...

В декабрьской фиесте у развалин пирамид принимают участие тысячи индейцев, потомки древних ацтеков.

На третьей странице обложки: ИСПАНИЯ. На юге страны, на склонах Сьерра-Невады, простирается городок Гуадис. Окрестные горы дают материал для всех его построек — вулканический туф. Когда андалузское жаркое солнце забирается в ущелье, стены домов и заборы начинают ослепительно сиять на фоне темных скал.

Цена 60 коп.

Индекс 70142

ИМЕЮТСЯ В ПРОДАЖЕ КНИГИ ПО ГЕОГРАФИИ

АНУЧИН Д., Люди зарубежной науки и культуры. 1960, 231 стр.,
цена 97 коп.

БАРАНСКИЙ Н., Экономическая картография. 1962, 286 стр.,
цена 70 коп.

ВАВИЛОВ Н., Пять континентов. 1962, 256 стр., цена 66 коп.

ВИТВЕР И., Историко-географическое введение в экономическую географию зарубежного мира. Изд. 2-е. 1963, 366 стр., цена 85 коп.

Геохимия степей и пустынь. «Вопросы географии». Сборник № 59.
1962, 208 стр., цена 77 коп.

ГУСЕЛЬНИКОВ И., В стране золотой. 1961, 208 стр., цена 33 коп.

ЕФРЕМОВ Ю., Тропами горного Черноморья. 1963, 406 стр.,
цена 99 коп.

ЗЕНКОВИЧ В., Берега Черного и Азовского морей. 1958,
374 стр., цена 1 р. 02 к.

КАТТЕРФЕЛЬД Г., Лик Земли и его происхождение. 1962,
152 стр., цена 44 коп.

«На суше и на море». 1962, 646 стр., цена 1 р. 49 к.

НЕЙМАН В., Расширяющаяся земля. 1962, 80 стр., цена 12 коп.

СВЯТЛОВСКИЙ А., К вулканам Камчатки. 1960, 101 стр., цена 17 коп.

ТРЕШНИКОВ А., История открытий и исследования Антарктиды. 1963, 430 стр., цена 1 р. 16 к.

ТУШИНСКИЙ Г., Ледники, снежники Советского Союза. 1963,
311 стр., цена 1 р. 01 к.

ЭТИ КНИГИ МОЖНО ПРИОБРЕСТИ В МАГАЗИНАХ КНИГОТОРГА
И ПОТРЕБИТЕЛЬСКОЙ КООПЕРАЦИИ. В СЛУЧАЕ ОТСУСТВИЯ ЗА-
КАЗЫ НАПРАВЛЯЙТЕ ПО АДРЕСУ: МОСКВА, ЛЕНИНСКИЙ ПРОС-
ПЕКТ, 15, ОТДЕЛ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ «СОЮЗКНИГИ».
КНИГИ БУДУТ ВЫСЛАНЫ НАЛОЖЕННЫМ ПЛАТЕЖОМ БЕЗ ЗА-
ДАТКА.

«СОЮЗКНИГА»